
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1982

«Ни дня без строчки» — девиз Иса Зааль Али.

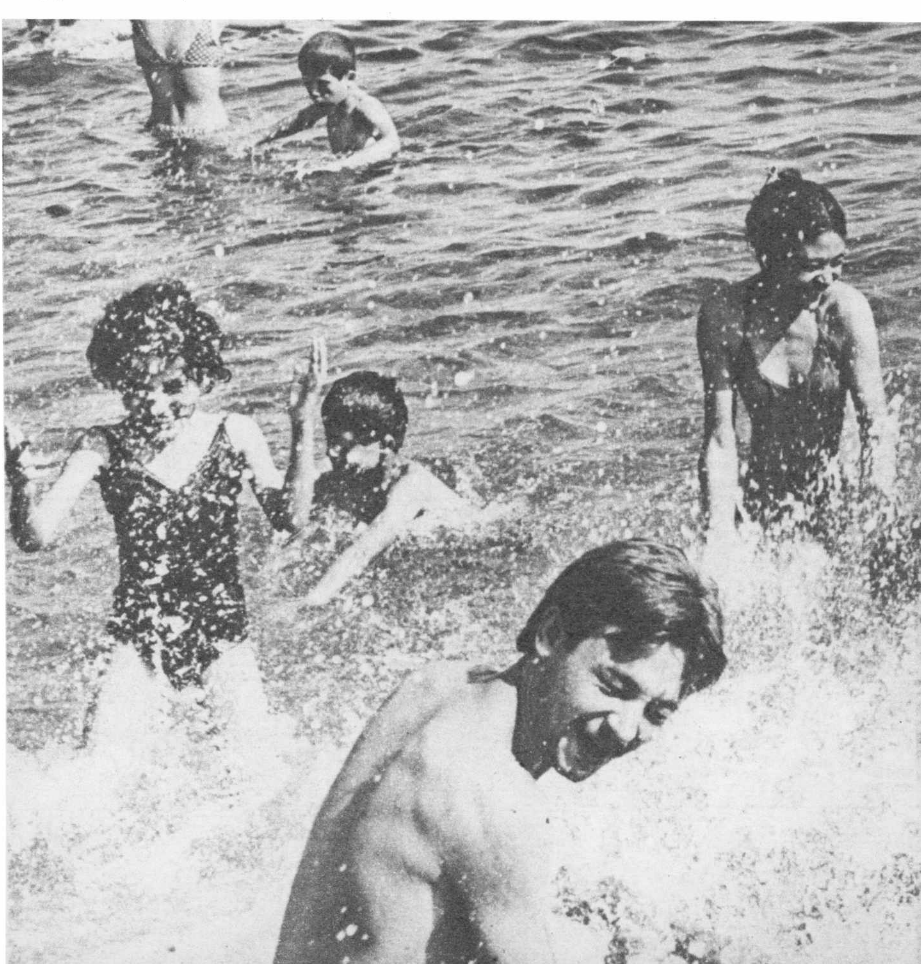
Здравствуй, Артек!

ДРУЖБА–ВСЕГДА

Завтра в дружине День Палестины.

Хрустальные брызги.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2878)

11 СЕНТЯБРЯ 1982

ПОБЕДА!

М. ЦЕБОЕВ,
А. БОЧИНИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Гости в Артеке всегда дороги и желанны, всегда им рады. Но этих гостей встречали с особенным радушием. Это были дети многострадального и героического народа Палестины. ЦК ВЛКСМ, Комитет молодежных организаций СССР, Всесоюзная пионерская организация имени Ленина предоставили им возможность отдохнуть в крупнейшем пионерском лагере страны. Палестинцы удивленно и с радостью смотрели на синее мирное небо, на яркое солнце над Аю-Дагом, которое освещало зеленый берег с многочисленными корпусами, светло-голубое море и островки причудливых сверкающих скал.

Мирное небо, яркое солнце... Да, это так. Но если вдуматься, то же солнце, источник и символ жизни, освещало в Бейруте лица, полные ужаса и боли, изуродованные бомбами трупы, пепел и развалины домов. От рук сионистов погибли десятки тысяч людей: женщины, дети, старики.

В «Декларации прав ребенка», принятой Генеральной Ассамблеей ООН, записано: «Ребенок должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь. Ребенку должно принадлежать его имя и гражданство».

Именно об этом строки из сочинения артековца Володи Крысова из Пермской области, он представил его на конкурс сочинений о мире, о Палестине: «...В Артеке я познакомился с мальчиком из Палестины Имадом Абу альт Ходжа. Мы быстро сдружились, нашли общий язык. Меня тревожит только одно: почему у этого мальчика нет родины? Рано или поздно палестинцы победят израильских фашистов, но мне хочется, чтобы этот день настал как можно раньше».

Есть среди палестинских детей, приехавших в Артек, два мальчика, которые сами бились за свободу, побывали в плену. Четырнадцатилетние Салах и Бурхан сражались вместе со взрослыми. Защищали крепость на окраине Бейрута. Шесть дней продолжался бой. Но силы были неравны. Раненый Салах и Бурхан были взяты в плен. Детей поместили в грушеобразную железную сетку, прикрепили ее тросом к вертолету и таким образом доставили в Тель-Авив. Их зверски пытали, жгли пальцы рук и ног сигаретами, избивали. У Бурхана от удара прикладом автомата была сломана рука. Инкриминировали им то, что они якобы взорвали склад боеприпасов. Требовали признания. 32 дня промучились дети в камере площадью один квадратный метр. Но под давлением общественности и Красного

Салах Марай Халиль и Бурхан Ахмед Тайиб. Оба снимка сделаны в 1982 году: один — в тель-авивском каземате, другой — в Артеке.

Креста их все-таки освободили и отправили в лагерь Ярмук, в котором находится 250 тысяч беженцев. Об этой истории я узнал на пресс-конференции, состоявшейся в Артеке.

Салаха спросили, нравится ли ему здесь. Он ответил: «Все замечательно! Но я бы хотел, чтобы в Артеке преподавали наряду с другими предметами военное дело». Маруан Абу Гуш, палестинский вожатый, дважды тяжело раненный, побывавший четыре года назад в израильском плену (сейчас ему 21 год), объяснил присутствующим на пресс-конференции, что палестинские дети начинают изучать оружие с десятилетнего возраста. «Сионисты,— сказал Маруан,— убивают детей для того, чтобы завтра они не стали бойцами. Представьте себе, что кто-то приходит и выгоняет вас из вашего же дома. Дети это понимают и, еще не достигнув совершеннолетия, берутся за оружие. Тридцать четыре года палестинский народ ведет непримиримую борьбу за то, чтобы обрести родину. Справедливость восторжествует. Нам приятно сознавать, что СССР наш друг и союзник».

Двенадцатилетняя Нура Махмуд Саид рассказала: «В Бейруте я находилась в лагере Сабра, который подвергался жестоким бомбардировкам. Я видела, как взрывались бомбы, как разрывало на части людей, как везли раненых. Трупы убирали бульдозерами. Перед праздниками израильтяне разбрасывали детские игрушки, куклы, часы, транзисторы с вмонтированными в них минами».

Первого сентября в Артеке праздновали День мира, дружбы и солидарности. Вечером динамики разносили по всему лагерю слова и грустную мелодию «Бухенвальдского набата». Замерли люди. Кажется, застыли деревья вокруг, притихло Черное море. Только на флагштоке тихо колыхались флаги СССР, Организации освобождения Палестины и Ливана. В песне этой и белорусская Хатынь, и вьетнамская Сонгми, и палестинская деревня Дейр-Ясин, население которой полностью уничтожил в 1948 году карательный отряд во главе с Бегином. «Берегите мир!»— заканчивается песня страстным призывом.

Расставался я с палестинскими ребятами у костровой площадки. Палестинцы вскинули правые руки с раздвинутыми в форме латинской «V» пальцами. Это означало «виктория» — победа. Ответив таким же знаком, я подумал, что если есть дружба, то это всегда победа.

В конкурсе рисунков победили палестинцы.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА

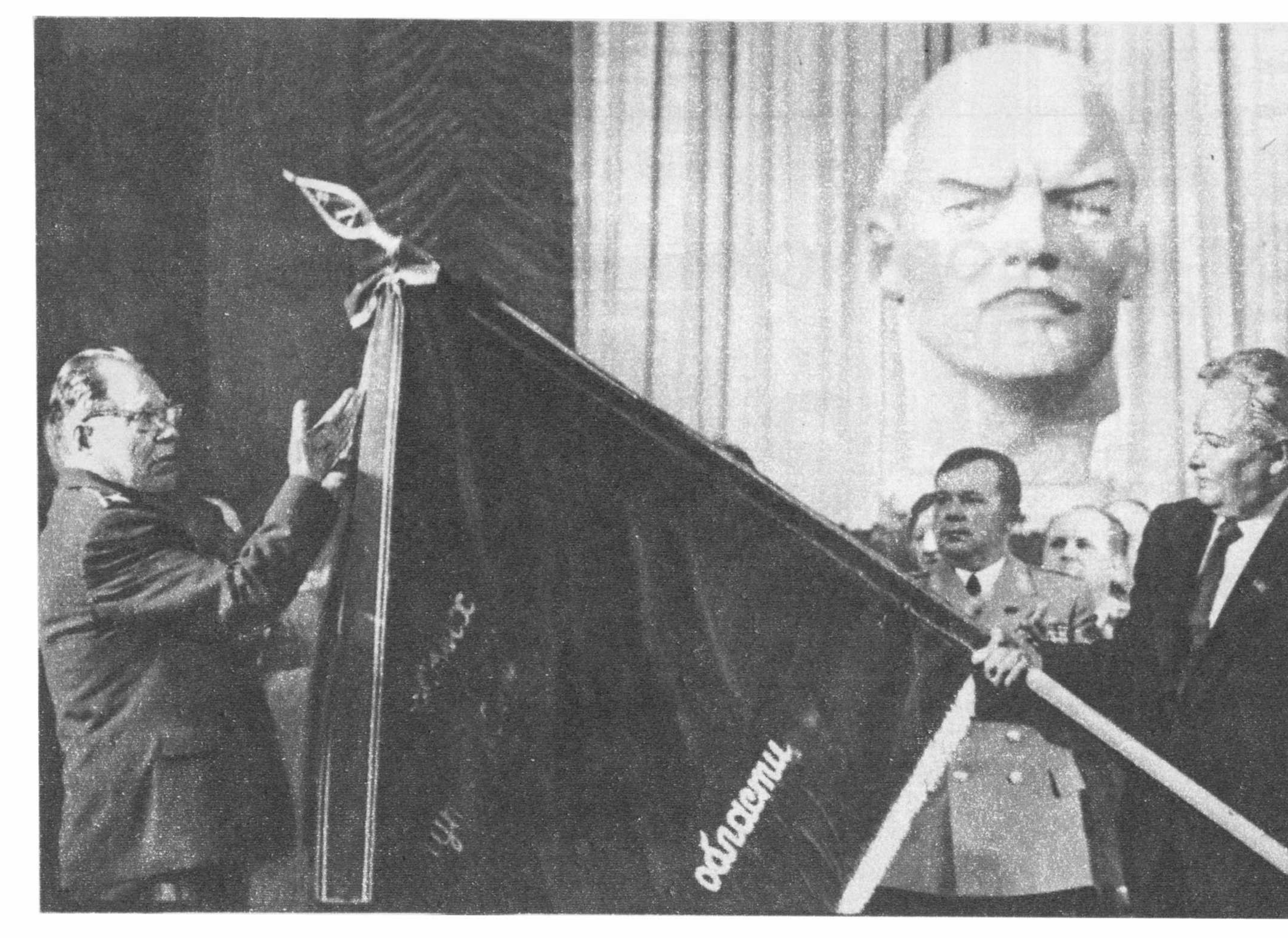
Куйбышев. Здесь 2 сентября во Дворце культуры имени В. В. Куйбышева состоялось вручение городу ордена Ленина. Участники торжественного собрания партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива совместно с представителями коллективов трудящихся избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым. Тепло встретили присутствующие члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова, который в своей речи, в частности, сказал: «Награда, которой удостоен город, заслуженно венчает его большие революционные, боевые и трудовые заслуги, его значительный вклад в нашу великую победу в годы минувшей войны, успехи трудящихся города в хозяйственном и культурном строительстве в послевоенное время».

От имени ЦК КПСС, Советского правительства Д. Ф. Устинов сердечно поздравил куйбышевцев с высшей наградой Родины.

Затем Д. Ф. Устинов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Куйбышева орденом Ленина и под бурные аплодисменты прикрепил орден к знамени города.

Речь товарища Д. Ф. Устинова была выслушана с большим вниманием.

С подъемом участники собрания приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Во время вручения награды.

Фото Ю. Белозерова и Н. Малышева (ТАСС)

ВАНДАЛИЗМ АГРЕССОРА И ЛИЦЕМЕРИЕ ВАШИНГТОНА

Юрий КОРНИЛОВ

Ливан... Сколько раз за последние месяцы взоры миллионов людей обращались к этой многострадальной арабской стране, ставшей жертвой наглой израильско-американской агрессии! Мужественные защитники Бейрута не склонили головы перед интервентами, оказали им упорное сопротивление. Сквозь дым пожарищ, поживших мирные арабские города и села, мир видел высоко поднятое знамя бойцов палестинского сопротивления, чью волю к борьбе не смогли сломить ни самолеты, ни танки, ни такие варварские орудия массового уничтожения, как фосфорные снаряды, кассетные, вакуумные и шариковые бомбы с клеймом «Сделано в Израиле», «Сделано в США».

Ливанская трагедия продемонстрировала всему миру не только подлинную суть Кэмп-Дэвида, с предельной четкостью обнажив преступный лик сионистского агрессора и его заокеанского покровителя. События в Ливане продемонстрировали непоколебимую приверженность арабских народов идеалам свободы, беспримерный и массовый героизм палестинцев, которые сорвали планы «молниеносной войны» и навсегда похоронили годами создававшийся Тель-Авивом миф о «непобедимости» оснащенной новейшей американской техникой израильской армии. Агрессия Израиля обернулась для него крупным политическим и моральным поражением, изоляцией на международной арене.

Сложившаяся ситуация вынуждает покровителей агрессора прибегать к лавированию, маскировать свои замыслы и цели,— не случайно в последнее время в Вашингтоне с таким усердием и назойливостью рекламируют выступление президента Р. Рейгана 1 сентября, в котором якобы содержится некий «новый подход» США к ближневосточным проблемам. Но в чем же, однако, он выражается? США, как явствует из речи президента, по-прежнему делают ставку на кэмп-дэвидские соглашения, направленные на обеспечение агрессивных стратегических замыслов Вашингтона и Тель-Авива, на раскол арабского мира. Они по-прежнему наотрез отказывают четырехмиллионному палестинскому народу в праве на национальное самоопределение, на то, чтобы иметь свою родину на своей земле. Они продолжают муссировать провокационную клеветническую версию, суть которой в том, что Ближний Восток якобы нуждается в «помощи», дабы отразить некую «угрозу» со стороны СССР. Так в чем же, спрашивается, состоит мифический «поворот» в политике США?

Этот вопрос тем более закономерен, если учесть военно-политический фон, на котором Вашингтон изобретает и рекламирует свои пресловутые «инициативы». Агрессия Тель-Авива против суверенного Ливана продолжается. Оккупанты, опираясь на поддержку извне, держат в осаде Западный Бейрут, перебрасывают войска к границам Сирии. Прилагаются все новые усилия к тому, чтобы подорвать территориальную целостность Ливана. Не прекращаются попытки под тем или иным надуманным предлогом обеспечить постоянное крупномасштабное военное присутствие США на ливанской земле. По сообщениям печати, Тель-Авив принял решение о строительстве ряда новых израильских поселений на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, что свидетельствует о продолжении его экспансионистского курса. «Настоящий фашизм» — так с полным основанием охарактеризовал на днях политику Израиля канцлер Австрии Б. Крайский. И вот в этой-то ситуации прямой соучастник агрессии — Вашингтон делает вид, будто он намерен занять «беспристрастную позицию» в арабо-израильском конфликте...

Нет, не об «урегулировании» пекутся выдающие себя за этаких «миротворцев» вашингтонские политические стратеги! Их фарисейские политические спектакли, их недостойные маневры в ООН и изощренные пропагандистские зигзаги продиктованы одним — стремлением к установлению американо-израильского господства в регионе, подавлению национально-освободительной борьбы арабских народов и в конечном счете порабощению Ближнего Востока, превращению его в «заповедное поле» для беззастенчивого империалистического грабежа. «Война в Ливане не нанесла ущерба традиционным отношениям между Израилем и США, напротив — у нас имеется много общих целей и задач»,— констатирует израильский министр обороны А. Шарон, подводя итоги своего недавнего вояжа в Вашингтон. Что верно, то верно.

Но израильское вторжение в Ливан — пятая крупная ближневосточная война за треть века — еще раз подтвердило, помимо всего прочего, и тот бесспорный факт, что с помощью снарядов и бомб, как и путем сепаратных антиарабских сделок, нельзя поставить на колени народы, отстаивающие свою свободу, а можно лишь еще туже затянуть узел конфликта, не погасить, а разжечь опасный пожар. Подлинное решение сложных проблем, существующих на Ближнем Востоке, может быть достигнуто только путем коллективных усилий всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины, которая является единственным законным представителем палестинского народа. Обуздать израильского агрессора, вывести войска оккупантов с ливанской территории, пресечь опасные планы и акции тех империалистических и сионистских сил, которые превратили Ближний Восток в очаг напряженности, в источник военных взрывов, угрожающих всеобщему миру,— таково единодушное требование народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ

Министр обороны Соединенных Штатов написал письмо в редакции тридцати американских и сорока иностранных газет с разъяснением американской военной стратегии.

В нем шеф Пентагона объявляет, будто вовсе и не поддерживает «концепцию затяжной ядерной войны или ведения ядерной войны», как это следует из очередного подготовленного Пентагоном документа.

«Мы не считаем, что в ядерной войне могут быть какие-то «победители»,— пишет министр, занявшийся эпистолярным творчеством.

Процитируем более раннего Уайнбергера. Американская фондовая биржа, 22 июня 1981 года. Министр обороны США разъясняет толстосумам причины создания новых систем ядерного оружия «Трайдент», «МХ» и пр. Оратор говорит:

— На них главным образом мы и основываем надежду на то, что мы сможем одержать победу...

Где же подлинный Уайнбергер? Если Уайнбергер не собирается «одерживать победу», то зачем в новом армейском полевом уставе записано: «Армия США должна быть готова сражаться и победить в условиях применения ядерного оружия»?

Впрочем, главный критерий определения, когда министр говорит правду, а когда — неправду, в нынешней американской программе военного строительства. Уайнбергер говорит, будто сохраняется стратегия сдерживания, и пишет в упомянутом письме, что якобы занят лишь «созданием способности для нанесения ответного удара».

На самом деле у Соединенных Штатов, как, впрочем, и у Советского Союза, такая «способность» уже имеется. На нее и опирается нынешнее военно-стратегическое равновесие, возможное, по советскому мнению, и на гораздо более низких уровнях вооружений.

На фоне этого равновесия или, по-пентагоновски, на фоне перспективы «взаимного гарантированного уничтожения» новые американские добавки к ядерному арсеналу выглядят как стремление обеспечить себе потенциал первого удара. Зачем Вашингтону новые, еще более точные ракеты? Не для того ли, чтобы планировать обезоруживающий удар, лишить советскую сторону возможности возмездия?

Концепция сдерживания подразумевает отказ от линии на военное превосходство. Министр обороны СССР Д. Ф. Устинов в недавних ответах на вопросы корреспондента ТАСС напомнил, что Советский Союз к военному превосходству не стремится, но и не признает такого права ни за кем другим.

Противоречивость высказываний Уайнбергера напускная. Вашингтон — на военной тропе.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
политический обозреватель АПН— специально для «Огонька»

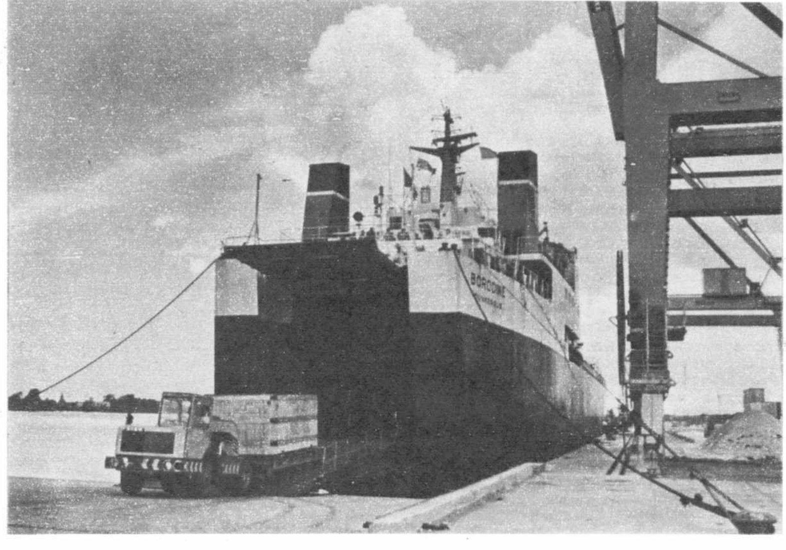
СФЕРА И АТМОСФЕРА

ФЕЛЬЕТОН

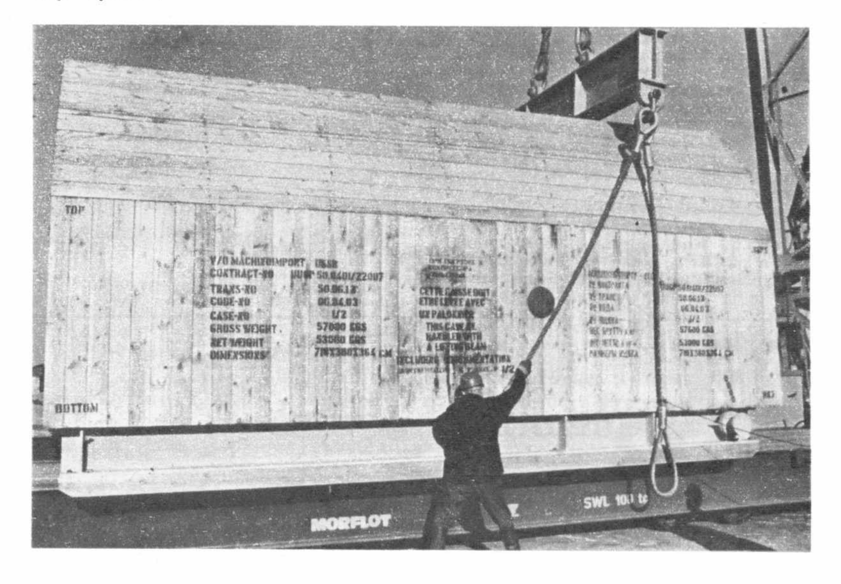
Николай ЭНТЕЛИС

Выступая в кнессете (парламенте) Израиля, министр обороны Ариел Шарон заявил: «В 80-е годы сфера стратегических интересов Израиля... должна также охватывать такие страны, как Турция, Иран, Пакистан, и распространяться на Персидский залив, район Северной и Центральной Африки».

Так мало? Как оратор скромен!
Почти застенчив, как всегда.
Однако шар земной огромен,—
Не подключит ли он сюда
Еще Норвегию и Данию,
Еще Танзанию, Тасманию...
Добавит воды Ниагары
И в Гималаях цепь высот,
Пески, оазисы Сахары,
Исландский снег, гренландский лед...
А может, «ястреб» в эту сферу
Включит Меркурий и Венеру?
А заодно еще, к примеру,
Всю био-, тропо-, стратосферу?
Вещает господин в своей манере —
В привычной агрессивной атмоСФЕРЕ!

Рижский морской порт. Идет выгрузка компрессоров фирмы «Дрессер-Франс».

КОМПРЕССОРЫ «ДРЕССЕР-ФРАНС» ПРИБЫЛИ В РИГУ

Французское судно «Бородин», названное так в честь знаменитого русского композитора, впервые пришвартовалось у причала Рижского морского торгового порта десять лет назад. Именно это судно открыло постоянную линию Гавр — Дюнкерк — Рига. С тех пор «Бородин» почти каждые две недели гостит в латвийской столице, доставляя промышленное оборудование и другие грузы, принимая на свой борт автомобили «Лада», различные товары советского производства.

И этот рейс можно было бы считать вполне обычным, если бы не три огромных ящика, погруженных в Гавре. Почти трое суток, пока длился переход, сообщения о нем не сходили со страниц мировой печати. Судно везло в Советский Союз компрессоры для строящегося магистрального газопровода Уренгой — Ужгород, по которому газ будет поступать в страны Западной Европы.

Как известно, этой взаимовыгодной сделке всячески препятствует администрация Рейгана, наложившая эмбарго на поставку оборудования для газопровода. Этот запрет распространился и на компрессоры фирмы «Дрессер-Франс». Но вопреки нажиму США правительство Франции обязало фирму выполнить контракт с СССР.

— Еще до открытия линии Гавр — Рига я плавал на этом судне в Ленинград в качестве старшего помощника капитана,— говорит Жерар Каменен.— Уверен, что наши торговые отношения, контакты полезны для обеих стран. В советских портах мы всегда находим необходимое содействие со стороны администрации, чувствуем доброе расположение ваших людей. Мои соотечественники также радушно встречают ваших моряков во Франции. Взаимовыгодное сотрудничество, создание атмосферы доверия, человеческие контакты — вот что, мне кажется, может обеспечить спокойное будущее всех людей на земле.

Рейс «Бородина» прошел нормально, компрессоры доставлены в Ригу благополучно,— говорит в заключение нашей беседы капитан.

Ян ТИХОНОВ,
АПН — специально для «Огонька»
Фото автора

Рига.

САТИРА, БЬЮЩАЯ В ЦЕЛЬ

Федор РЕШЕТНИКОВ,
народный художник СССР.

Пятьдесят лет работы в советской печати... Не каждый может отметить такую дату. Шел 1932 год, когда молодой художник Марк Абрамов принес в журнал «Крокодил» свою первую карикатуру. Рисунок был опубликован, и с этого мига график не прекращал своей боевой и столь нужной в наше суровое и сложное время деятельности.

Еще со времен гражданской войны и знаменитых «Окон РОСТА» стал особо значителен и ясен гражданственный уровень политической сатиры в нашей стране. Она стала поистине боевым оружием. Так карандаш и перо сделались равнозначны боевому штыку по ударной силе.

Эта замечательная традиция была начата такими мастерами советского искусства, как Д. Моор, В. Дени, М. Черемных, Кукрыниксы, Бор. Ефимов. Успешно продолжает эту благородную традицию и Марк Абрамов, создавший уже тысячи карикатур, сотни плакатов, а во время Великой Отечественной войны — десятки «Окон ТАСС».

Карикатуры народного художника РСФСР Марка Александровича Абрамова регулярно публикуются на страницах центральной советской прессы, в «Правде», «Крокодиле», «Красной звезде»...

Издательство ЦК КПСС «Плакат» выпустило немало ярких и острых политических плакатов художника М. Абрамова. В 1981 году это же издательство напечатало альбом «В «свободном мире», составленный из более чем ста ярких и злободневных сатирических листов Марка Абрамова.

Когда я листаю полосы альбома и рассматриваю талантливые рисунки Абрамова, мне еще раз с особенной остротой становится ясно, как нужны и актуальны эти карикатуры. Они бьют в цель. Разоблачают, развенчивают наших идеологических врагов, выводят на чистую воду милитаристов всех мастей. Мы видим звериное лицо заокеанского империализма, раздувшегося от имперских амбиций, возомнившего о своем мировом господстве. Не обойдены вниманием и подпевалы из воинственной клики НАТО, подыгрывающие своим американским хозяевам.

Но не только этой теме посвящен альбом. В острых рисунках отражены гримасы западного образа жизни: безработица, нищета, коррупция, жестокость, моральное разложение. Мастерски выполнены листы, показывающие борьбу народов нашей планеты за мир, свободу, разоружение, против империализма и колониализма.

Особо хочется отметить умелое владение автором цветовыми решениями, что не так часто в произведениях нашей сатиры. Это результат большой работы художника Абрамова с натуры... Мы знаем по выставкам, что мастеру присуще стремление создавать серии интересных акварельных этюдов, это, естественно, способствует большей художественности. Такое качество придает особую окраску новому изданию, сочетающему острый графический рисунок с интересными живописными решениями в сатирических композициях.

Я высоко оцениваю фундаментальную работу Марка Абрамова, который показал нам серьезность и зрелость своего художнического дара.

Потоки этой грязной информации
Текут, как будто из канализации.

С. МИХАЛКОВ

Рисунок М. АБРАМОВА

ОПЕРАЦИЯ «КУБАНГО»: ОЧЕРЕДНОЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ АНГОЛЫ

«10 мая 1982 года Витор Фернандеш, анголец, проживающий с 1977 года за границей, прогуливался у входа в лиссабонский кинотеатр «Империу», поджидая военного атташе при посольстве ЮАР в Португалии. Они условились, что дипломат возьмет паспорт ангольца, чтобы поставить визу на въезд в ЮАР. На следующий день В. Фернандеш получил паспорт и купил в представительстве «Саут Африкэн эйруэйз» билет в Иоганнесбург.

Эта встреча — всего лишь звено в цепи подозрительных событий, происходящих в Лондоне, Майами и Лиссабоне...»

Так влиятельный португальский еженедельник «Эспресу» начал публикацию сенсационного материала об очередном заговоре южноафриканских расистов, которые при поддержке секретных служб США, ряда западноевропейских и африканских государств готовят очередной заговор против Анголы.

Главное событие, однако, произошло несколько раньше. 15 апреля В. Фернандеш и десять его сообщников подписали в британской столице любопытное соглашение. В нем они обязались приложить все усилия, чтобы «дать толчок процессу изменений в Анголе». Среди скрепивших своими подписями документ были представители сепаратистских группировок ФНЛА и УНИТА, а также кубинских контрреволюционеров, обосновавшихся в Майами. От ЮАР документ подписали полковник Гари ван Дик, европейский резидент НИС (служба национальной безопасности), и Джек Роллинс, связанный с секретной службой армии и НИС.

На лондонской встрече произошли и «крестины» новой операции против ангольского народа, получившей кодовое название «Кубанго». План действий предусматривает вербовку двух тысяч агентов ПИДЕ — салазаровской охранки и «коммандос», воевавших в Анголе против МПЛА до 1975 года. Проводится вербовка и среди кубинских контрреволюционеров. После тщательного отбора «солдат удачи» переправят в Габон и ЮАР, где они пройдут интенсивную военную подготовку. Затем часть из них перебросят в Заир для пополнения ФНЛА. Остальные присоединятся к УНИТА.

Операция «Кубанго» предполагает вторжение банд ФНЛА с севера; УНИТА и регулярные части ЮАР при поддержке авиации начнут наступление с юга и востока. Цель — захват столицы НРА и создание марионеточного правительства.

Лиссабон, как пишет «Эспресу», стал одним из основных центров подготовки этой операции. В Португалии заговорщики пользуются полной свободой действий: проводят встречи и совещания, вербуют наемников.

Интересно, что думает по этому поводу министр внутренней администрации Португалии Анжелу Коррейя? Звоню в министерство. Министра нет. Отвечают: «И не будет. Кажется, отдыхает». Что же, август — месяц отпусков.

А что думают другие ответственные сотрудники министерства? Наконец мне дают вразумительный ответ. «Правительство уже сделало соответствующее заявление,— отвечают раздраженно.— Там все сказано».

На следующее утро столичная газета «Диариу» выходит с «шапкой»: «Министерство внутренней администрации замешано в заговоре против Анголы».

Оказывается, г-н министр не просто был в курсе событий...

* * *

Столичный кинотеатр «Империу». В перерыве зрители спешат в фойе. Блестят глаза у подростков. Жестикулируют, громко переговариваются: «Вот бы где «поработать», «один уложил дюжину негров», «белый наемник стоит сотни черных»...

«Старики» лет под тридцать, тридцать пять потягивают кофе и крепкие напитки у стойки буфета. Изредка обмениваются фразами: «Ж-3» не сравнишь с израильским «узи», «предпочитаю французские «базуки», а «сколько сейчас дают?..»

Это две основные категории зрителей в лиссабонских кинозалах, где непрерывно показывают фильмы «Псы войны», «Зеленые береты», «Дикие гуси», «Коммандос» и десятки других, прославляющих военные авантюры.

Хотите узнать, сколько платят «солдатам удачи»? Это нетрудно. Достаточно ознакомиться с объявлением «Требуются молодые люди с опытом для работы в ЮАР и другой стране» или обратиться к представителю вербовочного пункта, который даст исчерпывающий ответ.

«Эспресу» публикует оригинал анкеты, заполненной одним из кандидатов в «псы войны».

Год рождения: 1950.

Военная служба: 32 месяца в Анголе, снайпер, младший сержант, военная медаль за отличие.

Языки: английский и немного французский.

Профессиональное положение: безработный.

Семейное положение: женат, двое детей.

Контракт на два месяца — 425 тысяч эскудо (5 тысяч долларов); это в среднем два годовых заработка португальца. А в стране сейчас 400 тысяч безработных...

Звоню директору еженедельника «Эспресу» Аугушту де Карвалью:

— Алло, г-н директор, говорит корреспондент АПН. Как вы считаете, может ли публикация вашего материала об операции «Кубанго» затруднить ее подготовку?

— Откровенно говоря, трудно ответить на ваш вопрос. Что будет дальше — не знаю. Абсолютно невозможно предсказать, затормозит ли это или, наоборот, ускорит ее подготовку.

— Были ли у вас неприятности в связи с публикацией материалов? Ведь не всем в Португалии да и в других странах понравились разоблачения вашей газеты. Были ли угрозы?

— Нет, нет. Угроз не было... И особых неприятностей нет... Если не считать, что из редакции были похищены все относящиеся к делу фотоматериалы и документы...

Правительство среагировало на разоблачение... туманным заявлением о том, что ему, мол, ничего не известно ни об операции, ни о передвижениях заговорщиков в Португалии. И пообещало «расследовать факты, приведенные в еженедельнике».

Португальская пресса не впервые делает подобные разоблачения. Так, в декабре 1981 года вечерняя газета «Диариу ди Лижбоа» писала: «Две тысячи вооруженных головорезов из организации КОМИРА готовы к вторжению на севере Анголы со стороны Заира. Они ждут, когда Вашингтон даст «зеленый свет», чтобы начать операцию, в которой главную роль играют Вашингтон, Претория и Киншаса, а также замешаны Брюссель, Либревиль, Каир и Рабат».

КОМИРА, информировала газета, создана в 1980 году ЦРУ и НИС. В конце прошлого года КОМИРА имела 15 баз вдоль заиро-ангольской границы. Она сосредоточила там большие запасы оружия, боеприпасов и снаряжения; подготовку и обучение своих людей вела в Каире, а через Рабат получала «помощь» от некоторых западноевропейских правительств. Не полагаясь целиком на своих людей, КОМИРА вербовала наемников в Португалии, Бельгии и ЮАР.

В марте этого года «Диариу ди Лижбоа» сообщила о замыслах ЮАР оккупировать всю южную часть Анголы и посадить там марионеточное правительство УНИТА во главе с Ж. Савимби. От нынешнего же португальского кабинета УНИТА рассчитывает получить поддержку и признание «нового правительства на юге Анголы».

* * *

Площадь Россиу в центре Лиссабона. В ресторанах «Пикник» и «Никола» всегда собираются «реторнадуш», то есть вернувшиеся из Африки в 1974—1975 годах, после того как Гвинея-Бисау, Ангола и Мозамбик завоевали независимость. Сотни тысяч португальцев бежали тогда в метрополию, ЮАР и в другие страны, напуганные слухами о «зверствах черных».

Все столики заняты. Прошу разрешения у пожилого мужчины подсесть к нему. Большинство посетителей сидят с правыми газетенками или откровенно смакуют последние сообщения из Претории о рейдах и боях на территории Анголы. Эти все еще ждут, не теряют надежды вернуться к прошлому. Никак не хотят понять, что собрать осколки империи невозможно.

Разговариваю с соседом. Карлуш Рибейру — выходец из Анголы, родился в городе Лобиту. Как только приехал в Португалию, вложил свои сбережения в закусочную. Владеет фабрикой игрушек. В Лиссабоне по делам. Спрашиваю, что он думает о действиях против НРА.

— Первое время тоже мечтал вернуться к былой жизни. Жили хорошо, «вросли» в Африку,— отвечает Рибейру.— А сейчас вижу, что возврата к колониальному прошлому нет. Для португальцев сейчас один путь в Африку: дружба и сотрудничество. Будущее нашей страны, развитие нашей экономики во многом зависят от хороших отношений с португалоязычной Африкой. Даже больше, чем от планируемого вступления в «Общий рынок».

...На следующий день после публикации материала об операции «Кубанго» в Лиссабоне прогремели два взрыва. На Авенида да Либердаде взорваны бомбы у витрин представительств авиакомпаний «Эр Франс» и «Люфтганза». 16 августа подожгли строящуюся в португальской столице мечеть... Правая пресса, радио и телевидение переключились на тему «о международном терроризме». Сработал испытанный прием: отвлечь внимание. Никто не сомневается, что это «поработали» правые экстремисты.

...Когда же начнется операция «Кубанго»? В сентябре, как сообщает «Эспресу», или в октябре? Или уже идет? Планомерные подрывные действия против Анголы ведутся уже много лет. С тех пор как ангольский народ поднялся на борьбу против колониализма и империализма, они не прекращались ни на один день.

Александр ЗДИТОВЕЦКИЙ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Лиссабон.

Когда идет речь об условиях жизни, о здоровье советских людей, тут мелких дел нет, все они — важнейшие.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на XIX съезде ВЛКСМ

ЧЕЙ БУДЕШЬ, ГОРОД?

Говорили о Тынде. Наш собеседник, здешний старожил, посетовал на обилие котельных в городе.

— Коптят люто. «По производству сажи на душу населения» Тында, думаю, на одном из первых мест в стране. Зимой как-то ездил в командировку в Западную Сибирь. Там хоть на белый снег посмотрел. А тут ведь не увидишь!

Может, насчет снега он и преувеличил. А насчет обилия сажи — нисколько. Позже в горисполкоме подтвердили: в Тынде больше ста котельных. Город находится в котловине, так что свежий воздух тут чуть ли не круглый год в дефиците.

Сто с лишним котельных на пятьдесят три тысячи жителей. Экая ненаучная, мягко говоря, пропорция! Ладно бы одна такая в многогранном тындинском бытье. Нет. Чем дальше мы углублялись в эту многогранность, тем больше убеждались: много, слишком много здесь проблем для молодого города, и чересчур сложными предстают они, хотя сложность эту создают порой явно искусственно.

Обильную пищу для размышлений на сей счет дают документы Тындинского городского Совета народных депутатов. Обратимся к ним.

«...Ряд важнейших объектов Тынды, таких, как очистные сооружения, резервуары чистой воды на 3500 кубометров в сутки, ряд объектов больничного комплекса, введенных в утвержденный пусковой комплекс «Тында — Беркакит», при сдаче линии в эксплуатацию были исключены из комплекса, хотя они призваны обеспечивать как раз те основные объекты, и в первую очередь жилье, которое введено в эксплуатацию в соответствии с указанным комплексом. На эти недостатки городской Совет указывал группе заказчика и дирекции строительства БАМа на 6-й сессии XV созыва в ноябре 1976 года, однако правильных выводов ими до сих пор не сделано...» Из доклада на сессии городского Совета народных депутатов в мае 1980 года.

«...За 1976—1979 годы на строительстве жилья освоено 67% общей сметной стоимости жилых домов, на объектах культурно-бытового назначения — 22%, на строительстве инженерных сооружений и коммуникаций — лишь 13% общей их стоимости.

Такие объекты, как вокзал, баня, торговый центр, клуб, по нескольку лет не начинают строиться при наличии проектно-сметной документации. Причин здесь несколько, но главная одна — нежелание строителей и прежде всего управления строительства «Главмосстрой» строить эти так называемые неудобные объекты». Из материалов той же сессии.

«...По-прежнему остается проблемным вопросом комплексная застройка города. На 1981 год объемы капитальных вложений на группы «А» и «Б» соотносились как 1 : 0,44. Из приведенных данных видно, что на строительство объектов соцкультбыта выделено капитальных вложений в 3,2 раза меньше норматива, а если учесть, что отставание было допущено в 10-й пятилетке в 2,3 раза, то такая практика привела к тому, что в городе отсутствуют постоянные объекты торговли, культуры, город не обеспечен теплом, канализацией». Из доклада председателя горплана Р. П. Рыбчинской на 9-й сессии горсовета 18 декабря 1981 года.

Как же так? Несколько лет идут разговоры об одном и том же. Причем о существенном, необходимом, кажется, само собой разумеющемся. Железная дорога, отсчитывая километр за километром, решительно пробивается на восток и на запад, через реки, сквозь скалы. А тут будто неодолимые заторы на пути библиотеки, прачечной, газетного киоска... Хотя все предусмотрено и «заложено» в планы; хотя нетрудно предвидеть, чем обернется завтра сегодняшняя, явно недальновидная убежденность в том, будто все связанное с бытом и культурой можно отложить на потом, рассчитывая, что молодым первопроходцам не страшны никакие трудности, будто они до приезда на БАМ только и делали, что готовились их преодолевать.

Действует укоренившаяся сила ведомственной разобщенности, ведомственной ответственности лишь за одну часть огромного дела и полнейшей безответственности за другие его части. Зафиксирован же в документах Тындинского горисполкома пример, словно специально появившийся для подтверждения такого положения. В прошлом году депутаты горсовета говорили о необходимости открыть автобусный маршрут — поселок Северный — школа № 8. А как пустить автобусы, если нет дороги? А как ее построить, если у дорожного управления нет для этого сил и средств? Обратились в областные организации. Те не помогли. Обратились в «Главбамстрой». Оттуда ответили: вы ошиблись адресом — строительство дорог в городе не наше дело...

— Такая вот разобщенность,— говорит депутат горсовета Герой Социалистического Труда, бригадир строителей Анатолий Гусев,— осложняет нашу депутатскую деятельность. Предлагаем, обсуждаем, принимаем решения и в то же время сами не знаем, кто займется благоустройством жилых кварталов, кто возьмется создавать тепличное хозяйство, кто упорядочит городское планирование... Кому пришло в голову строить времянки там, где запроектированы многоэтажные дома?! Как могло получиться, что рабочих, набранных на новый хлебозавод, город не в состоянии обеспечить жильем? Почему предприимчивые люди из теплых краев привозят в Тынду цветы, а наша предприимчивость на цветоводство не распространяется? Сто тысяч «почему»...

Интерес к проблемам развития Тынды привел нас в городской комитет партии. Первый секретарь горкома Юрий Афанасьевич Есаулков, как и следовало ожидать, болеет этими проблемами со дня своего приезда в Тынду.

— Парадоксально, но факт: до сих пор неизвестно, как развиваться Тынде. Пока город нацелен в основном на строителей. Они составляют основную массу жителей, и они стараются все приспособить к своим потребностям, планам. Возражать нет оснований. В то же время все знают, что строители тут люди временные, закончат БАМ и отправятся обживать новые места. А кто останется? Железнодорожники, люди, занятые в сфере обслуживания... Вот почти и все. Но процесс формирования города идет. Тормозить его? Ускорять? Рассчитывать на закладку каких-то промышленных предприятий, вузов, исследовательских институтов? Ведь до сих пор нет генерального плана развития города. Четырежды проект представлялся на согласование и утверждение в соответствующие инстанции РСФСР. И всякий раз откладывался. А нет генплана, нет инженерных решений, идет чехарда с проектированием. Представьте себе: около двадцати министерств связаны с Тындой. А их участие? Приехал я в Москву, побывал в Министерстве путей сообщения, изложил суть наших проблем. В ответ услышал: «А нас никто не уполномочивал строить город». На том разговор и закончился. Госстрой РСФСР должен решить вопрос о едином проектировщике. Тоже не решает. Нет единого заказчика. Поэтому мы в горкоме часто и надолго превращаемся в каких-то парламентеров, ведущих тягучие и нередко бесплодные переговоры насчет технической документации, смет, подрядов, фондов. А ведь не наше это дело.

— Ну, а каков разумный вариант?

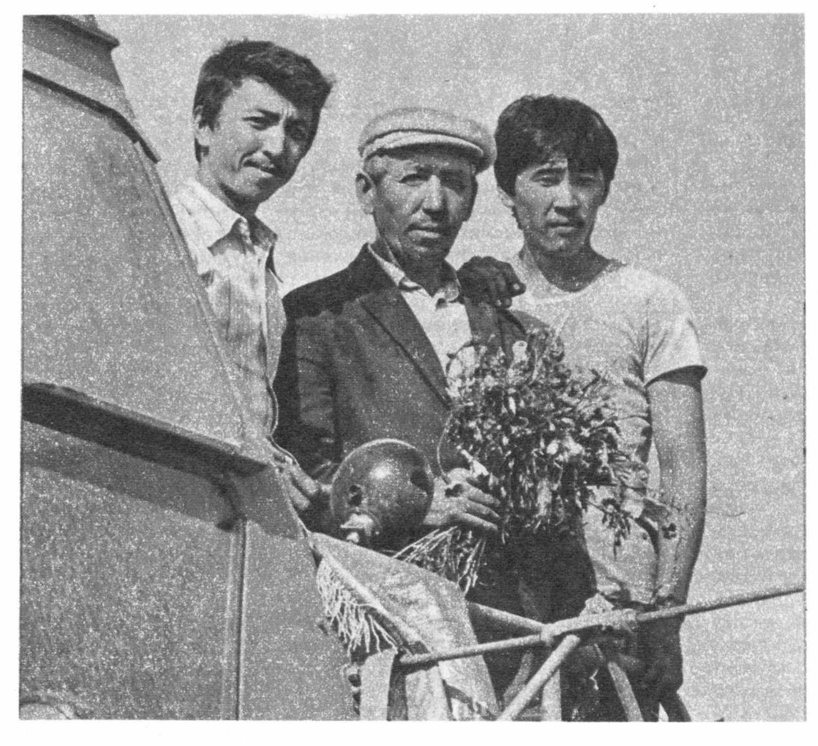
— По-моему, он есть. Надо порвать с нынешней схемой, принять другую, единственно, на мой взгляд, рациональную. Интересы нового города должен представлять один заказчик, который заботится о том, чтобы городу было гарантировано современное комплексное развитие всех сторон его жизни, причем с ясной перспективой на будущее. Думается, на первой стадии таким хозяином должен быть облисполком, его управление капитального строительства, позже — управление капитального строительства горисполкома с достаточными финансами, включающими паевые взносы причастных к городу министерств. Это точка зрения депутатов горсовета, а они хозяева города. Схема эта предложена не сегодня. К сожалению, она слишком долго «обкатывается» в вышестоящих инстанциях. А время идет.

Да, время идет. Растут на стройке люди. Формируются интересные, перспективные коллективы. Как нужна им сегодня забота, как необходим им сегодня город, который они навсегда полюбят! Но, к сожалению, среди тех, кто покидает Тынду (а их не единицы!), есть такие, что поняли: они не смогут полюбить этот город, не смогут назвать его своим навсегда. И это очень тревожно. Ведь города строят не только для того, чтобы опереться на них, решая какую-то экономическую, народнохозяйственную задачу. Строят для людей, чтобы они связали с ними мечты и надежды, мечты и надежды своих детей.

В. КУЗНЕЦОВ,
А. ЩЕРБАКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

ОТ РОСЫ ДО РОСЫ

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Семейное звено Мансуровых.

Комбайнер Жаикбай Мансуров встал еще до света. Мерцали в бледнеющей высоте последние звезды, прокричали третьи петухи. Ощущая босыми ногами острый холод ночной росы, Жаикбай подумал, что нынче дождя не будет, и обрадовался. Старую эту примету («росные травы — ясный день») он знал еще от отца. Он много чего успел узнать за 27 лет комбайнерства и все же не уставал удивляться тому, что всякий раз очередная страда задавала новые загадки. Это ему нравилось больше всего в его профессии. Люди обычно любят, чтобы все было как положено: зимой должен падать снег, весной должны расти травы, летом — колоситься хлеба... Но так бывает не всегда. Зимы в здешних приуральских степях случаются малоснежными, и тогда вымерзают озимые. Весны бывают засушливые либо, наоборот, холодные, что одинаково плохо для яровых. Что же касается летних засух, то это дело обыденное. Одним словом, зона рискованного земледелия, где вопреки всем невзгодам люди научились получать неплохие урожаи.

Жаикбаю Мансурову тоже нравилось, чтобы все было как положено, чтобы зерновые всходили дружно, а урожай был щедрым, но жизнь приучила его к тому, что природа не терпит постоянства, что само собой ничего не делается, что капризы природы можно преодолеть лишь упорным трудом.

Нынешней весной дожди тормозили сев, и механизаторы возненавидели их. Они тогда не предполагали, что это самое ненастье позволит земле накопить влагу, а хлебам выстоять в жестокой засухе, длившейся без передыху полтора месяца. Только июльский дождь, хотя и слабенький, поддержал хлеба и укрепил надежду на хороший урожай. И урожай в совхозе «Кайрат» Джаныбекского района Уральской области действительно выдался отменный.

...Жаикбай вошел в дом. Молодые комбайнеры — сын его Ержан и племянник Каиржан — еще спали. Он тронул сына за плечо, сказал:

— Вставайте, ребята, пора солнышко будить...

Три комбайна, словно привязанные, без устали ходили друг за другом, и поле несжатой пшеницы на глазах становилось все меньше и меньше. Когда они удалялись, слышался жестяной шорох сухих колосьев, по которым волнами прокатывался ветер, а запах скошенных хлебов не слабел.

— Красиво работают,— сказал я.

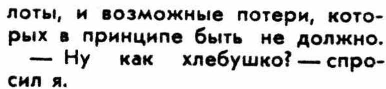
— Отличное звено,— поддержал директор совхоза Кайрат Турдалиев.

— В этом звене, между прочим, чемпион нынешней жатвы,— отозвался секретарь парткома Халихан Хабиев.— Только вот интересно, сумеете ли угадать, кто из них? Сейчас они остановятся...

Комбайны заглушили моторы. Жаикбай Мансуров спустился на землю и пошел назад, по стерне, только что оставленной машинами. Он хотел убедиться в чистоте работы — своей и своего звена. Два паренька шли за ним. Жаикбай иногда наклонялся к стерне и что-то им показывал. Они согласно кивали головами. Потом все вместе подошли к копнителю, зачерпнули горстями полову и принялись ее провеивать. Соломенная труха полетела по ветру.

— Чисто,— удовлетворенно сказал Ержан,— зерна в полове нет.

Я подошел к комбайнерам, поздоровался. Заговорили о погоде, и это не было светской беседой, потому что погода в жатву определяет многое: и стратегию уборки, и ее сроки, и рекордные намо-

лоты, и возможные потери, которых в принципе быть не должно.

— Ну как хлебушко? — спросил я.

— По-разному,— ответил Жаикбай,— где по пятнадцать центнеров на круг выходит, а где только по девять. Летний дождь шел полосами: где зацепил, там колос могучий, красивый, в других местах низкорослый и зерно щуплое. Поля пестрые, убирать сложно, но стараемся...

— Сколько же намолотили?

— Вот мои звезды, смотрите.— И махнул рукой в сторону комбайна. Я посмотрел и сосчитал на кабине пять белых звездочек, что означало пять тысяч центнеров. На другом комбайне звезд было семь.

— Это чей? — спросил я, поняв, что сейчас увижу чемпиона.

— Мой,— смущенно отозвался Ержан.

Вслед за Ержаном по узкой лесенке я тоже поднялся в кабину «Нивы». Пшеничное поле казалось отсюда необозримым, и я как-то отчетливо понял, какое сложное и огромной ответственности дело держал на своих плечах чемпион. Между тем Ержан включил мотор и повел машину вдоль кромки нивы. Взгляд его стал острым и внимательным. Комбайн беспорядочно качался на рытвинах, словно корабль на мертвой зыби, но Ержан успевал укрощать его, то увеличивая обороты, то уменьшая их, внимательно следя, чтобы все стебли пшеницы были чисто срезаны, чтобы солома из копнителя ложилась ровными рядами. Мы проехали с ним круг, и к началу нового мне открылся и круг его жизни. В свои двадцать пять лет Ержан успел стать фельдшером и понять, что эта профессия не для него. Успел отслужить в армии, научился пахать и засевать землю, но больше всего ему нравилось убирать хлеб. Комбайн он изучил досконально благодаря в первую очередь отцу. От него же он почерпнул основательность в работе. «Хлеб фальши не любит»,— сказал он мне на прощание услышанные от отца еще в детстве слова, и я понял, что он повторит их когда-нибудь своему сыну. Так передаются традиции. Я пожелал Ержану и дальше держать чемпионский темп и спустился на землю.

В те дни все дороги вели к совхозному току. То и дело сюда подъезжали наполненные теплым зерном машины, росли хлебные бурты. Совхоз «Кайрат» завершал выполнение своего плана по сдаче хлеба государству, но это был, выражаясь языком спортивных комментаторов, лишь промежуточный финиш. Жатва набирала темпы, потому что совхоз обязался сдать три плана — почти 1,7 миллиона пудов хлеба. (Кстати, весь Джаныбекский район обязался сдать 10 миллионов пудов зерна — больше трех планов.) С этой мыслью от росы до росы бороздили комбайнеры тысячи гектаров совхозных полей. Тут было и семейное звено Мансуровых, и устремившийся в погоню за чемпионом Булатай Султангалиев (молодой, но уже отмеченный за свой труд орденом Трудовой Славы III степени), и умудренный опытом Павел Михайлович Хлынов, и бригада Урена Сарсенова... Из их общих усилий складывался большой хлеб Казахстана.

Хлеб целины.

Т. Гапоненко. Род. 1906. НА ОБЕД К МАТЕРЯМ. 1935.

Ф. Антонов. Род. 1904. ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В КРАСНОМ. 1933.

12 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

БРОНЯ КРЕПКА

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Г. Р. Козярук у молодых танкистов.

Лето сорок второго... Кто пережил его, кто уцелел, тот не забудет его никогда. Тяжелейшие бои идут на всех фронтах. Но самая тяжелая и самая тревожная обстановка сложилась на юге и юго-западе. Противнику удалось прорвать фронт в широкой полосе и глубоко продвинуться на воронежском, сталинградском и кавказском направлениях. Тогда-то и появился приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина № 227, широко известный под названием «Ни шагу назад!». Фронтовики его, конечно, помнят, а вот молодые люди едва ли знакомы с этим документом, сыгравшим немалую роль в ходе Великой Отечественной войны.

Приказ начинался изложением суровой правды тех дней: **«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик... У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...**

Ни шагу назад! Таким должен быть наш главный призыв...

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу Родину, истребить и победить ненавистного врага».

...Главной ударной силой немецкой армии были танки. Чтобы их остановить, кроме артиллерии, нужны были тоже танки. Понимая, как это рискованно, советское командование все же снимало танковые соединения с других фронтов. Тогда-то из-под Старой Руссы к Сталинграду перебросили 1-й танковый корпус. В его состав входила сформированная на Урале и из уральцев часть, в которой мы недавно побывали.

Прибыв на берега Дона, часть с ходу вступила в ожесточенные, кровопролитные бои. Потери с обеих сторон были немалые, но советские танкисты уже научились не только обороняться, но и наступать. Вот как оценил их действия в своей книге «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков: **«Противник не выдержал удара и начал в панике отступать или сдаваться в плен. Немецкие части, стоявшие сзади румынских войск, сильной контратакой пытались остановить продвижение наших войск, но были смяты введенными в бой 1-м и 26-м танковыми корпусами... С выходом наших войск на оперативные просторы основные силы 3-й румынской армии... и немецкие резервные части, брошенные на ее спасение, были полностью разгромлены и фактически перестали существовать».**

А потом была Курская дуга, сражения в Белоруссии, Прибалтике, штурм Кенигсберга. Немало танкистов отличилось в этих боях, но о подвиге старшего сержанта В. Ф. Величко узнал весь фронт: командиру орудия «тридцатьчетверки» посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Краснозвездный танк стоял в засаде. Выбрали подходящее место, замаскировались, расчистили секторы обстрела... Ждать пришлось недолго — из-за высотки показались две «пантеры» и «фердинанд». Старый маневр, наши танкисты изучили его еще под Понырями и Прохоровкой. Вся хитрость в том, что у «фердинанда» более мощная пушка: высакивая на бугры, но будучи недосягаем для орудий «тридцатьчетверок», «фердинанд» ведет беспорядочную стрельбу. Это расчет на слабонервных: стоит «тридцатьчетверкам» себя обнаружить, их тут же расстреляют в упор. В сорок третьем немало наших танкистов жестоко поплатилось за это, но сейчас заканчивался сорок четвертый, и у прицелов сидели убеленные сединами, опаленные ожогами и иссеченные шрамами двадцати — двадцатипятилетние ветераны.

Чтобы бить наверняка, В. Величко решил себя не обнаруживать и подпустить противника поближе. И вдруг командир сказал, что прямо на них по лощине слева идут пять немецких танков. Один советский танк против восьми вражеских машин! Ну что ж, и один в поле воин. Все решают мгновения. Главное — опередить. Выстрел! На высотке загорелась «пантера». Еще выстрел — завертелся «фердинанд». Третий выстрел — бронебойный снаряд прошил борт самоходки. Теперь — менять позицию, и как можно быстрее! Рывок — и «тридцатьчетверка» за бугром. Вовремя. Из лощины выползли пять «пантер» и открыли беглый огонь. Величко спокойно, как на полигоне, влепил болванку прямо в лоб переднему танку. Тот дернулся и остановился. Теперь зажигательным. И «пантера» запылала.

Сейчас бы снова сменить позицию, но механик погиб, убит и заряжающий. То, что ранен и сам, Величко не замечал. Он заряжал, стрелял, снова заряжал и снова стрелял. Немецкие танки замирали, загорались, уцелевшие, огрызаясь, пятились назад. Один из снарядов угодил в башню «тридцатьчетверки», и командира орудия старшего сержанта Валерия Федоровича Величко не стало.

Через несколько дней за него жестоко отомстили танкисты первого батальона, которым командовал капитан Ашот Казарьян. За одну неделю боев они уничтожили тридцать немецких танков и самоходных орудий, более семидесяти пушек и минометов, сотни солдат и офицеров. Кроме того, стремительным броском и смелой атакой танкисты освободили два лагеря советских военнопленных. Все участники рейда были награждены, а комбат стал Героем Советского Союза.

А всего в дважды орденоносной танковой части воспитано одиннадцать Героев Советского Союза.

Григорий Романович Козярук в танковых войсках с 1936 года. До этого он окончил Киевский гидромелиоративный техникум, успел проложить немало каналов и осушить болот. Когда призвали на «срочную», мечтал побыстрее отслужить и вернуться к любимому делу. Но так получилось, что любимым делом на всю оставшуюся жизнь стали танки. Григорий Романович — один из тех ветеранов части, которые, уйдя в отставку, не уехали в теплые края. Он живет по соседству с военным городком, работает инструктором военно-патриотического воспитания в Доме офицеров и часто бывает в своей родной части. Вот и сегодня он пришел к молодым воинам не только расспросить о службе и результатах боевых стрельб, но и... Как старые летчики, летавшие еще на фанерных «кукурузниках», не могут пройти мимо современного сверхзвукового самолета, не заглянув в кабину, так и бывалые танкисты не упускают случая посидеть за рычагами новейших машин. Одна из «тайных» целей, которую преследовал Григорий Романович, была как раз эта — опробовать на ходу современный танк.

Командир танка сержант В. Дзенис гостеприимно распахнул люк, а механик-водитель В. Чаплыгин охотно рассказал о всех премудростях управления своей машиной... Потом командир не удержался:

— Товарищ полковник, вы нам обещали рассказать про первый ваш бой...

Я не раз замечал, что лица у фронтовиков, когда они вспоминают, казалось бы, далекие, а для них такие близкие годы вроде бы и молодеют, но в то же время в них проступают такая суровость, нежность и боль, которых не могут скрыть ни морщины возраста, ни относительная гладкость благополучно прожитых послевоенных лет.

— Первый бой,— вздохнул Григорий Романович.— Эх, ребятки, ребятки, ведь мы были такие же пацаны, как вы, так же пропадали на танцах, бегали на свидания. И вдруг — надо убивать! Когда я из своего орудия расколошматил колонну грузовиков, а потом начал давить гусеницами мотоциклистов, когда загорелся танк и надо было остановить кровь, хлеставшую из раны заряжающего, когда от первых попаданий немецких снарядов запылали и начали лопаться и взрываться танки моего взвода, я действовал как в угаре, почти ничего не соображая. Но вот что странно: с годами почему-то стал вспоминать не Смоленское сражение, не жестокие бои под Москвой и Ржевом, не топи под Старой Руссой и в Белоруссии и даже не штурм Кенигсберга, а именно первый бой под Шепетовкой жарким летом сорок первого.

— Наверное, это у всех так,— задумчиво сказал Владимир Чаплыгин.— Мне не раз приходилось водить танк под водой, бывали ситуации, когда казалось — вот-вот захлебнемся и, пока не поздно, надо покидать танк, а запомнилось почему-то довольно благополучное, но самое первое преодоление водной преграды.

— Товарищ полковник, у вас на мундире три ордена Красного Знамени, два — Красной Звезды и орден Отечественной войны первой степени. Какая из наград для вас самая дорогая и памятная? — спросил сержант А. Селуянов.

— Все награды и памятные и дорогие. За все заплачено кровью. Но если честно... Была в годы войны медаль — впрочем, она есть и сейчас,— которую фронтовики особенно ценили, потому что ее давали за личное мужество, за личную отвагу. Эта медаль так и называется «За отвагу». Ее не снимали, даже когда шли в бой. Поэтому она и выглядит видавшей виды. Я знаю, что и среди вас есть танкисты, получившие медаль «За отвагу». Заслужить такую награду в мирное время — значит совершить по-настоящему мужественный и отважный поступок. Я восхищаюсь такими парнями! Честь им и хвала...

А потом Григорий Романович лукаво улыбнулся и спросил:

— Ребята, а какие песни вы поете? Что вам больше нравится: про тучу, которая не хочет улетать, или про соседа, который играет на трубе?

Танкисты несколько обиженно переглянулись, кто-то сбегал за баяном, потом появилась гитара, и вчерашние рабочие, крестьяне и студенты запели песню, которую сорок с лишним лет поют многие поколения людей, одетых в броню,— «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой». А когда грянули «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны», не выдержал и бывший гидромелиоратор — в молодом хоре уверенно и сильно зазвучал его басовитый, привыкший перекрывать гул моторов голос.

ИМЯ ЛАГЕРЯ «НАДЕЖДА»

Летом дети должны отдыхать. Никто с этим не спорит. Но вот беда: там, где отдых понимают только как развлечения и приятное ничегонеделание, ребята почему-то скучают. Впрочем, понятно почему: энергии у них через край, а девать ее в общем-то некуда. И лучше всего отдыхают школьники там, где развлечения разумно сочетаются с посильной работой — то есть в лагерях труда и отдыха. Здесь ребят приучают к самостоятельности, собранности, умению коллективно планировать и осуществлять задуманное. Словом, в таких лагерях пионеры отлично усваивают, что они не просто школьники, а юные ленинцы, настоящие помощники взрослых.

Вот уже пятнадцать лет эти важные задачи успешно решаются педагогами в лагере пионерского актива «Надежда» Куйбышевского района столицы. Более двух тысяч ребят побывало здесь за эти годы. Вожатыми тут работают не только молодые учителя, но и рабочие, студенты, прошедшие организаторскую школу в районном пионерском штабе.

В нынешнем августе лагерь был трудовым. Сколько добрых, полезных дел совершили «надеждинцы» за 24 дня! Собирали хлебные колоски, лопатили на току зерно, ворошили сено, пололи, заполняли силосную яму...

Но активный труд здесь — только одна сторона полезной деятельности пионеров. Есть и другая, не менее важная. Ребята стараются принести как можно больше радости тем, кто их окружает. Тимуровцы приняли на себя заботу об одиноких людях — ветеранах войны и труда, живущих в пяти окрестных деревнях. Вот и на фотографии вы видите, как тимуровский десант из «Надежды» помогает заготовить дрова на зиму вдове фронтовика из деревни Анашкино Анастасии Николаевне Астафьевой.

И взрослые, конечно, охотно отзываются на затеи ребят. Более двух тысяч сельских тружеников участвовали в организованном пионерами празднике русского лета, были благодарными зрителями на представлениях цирка, на вечере «От всей души», на концертах пионерских агитбригад, выступавших на полеводческих станах.

Лагерь зовут «Надеждой». Какое точное имя! Ведь тут мужает, учится советскому образу жизни, набирается сил для будущего наша общая надежда — юные граждане Страны Советов.

Е. ШТЕЙНБЕРГ,
руководитель штаба пионерского актива Куйбышевского района Москвы

Фото В. Крупского

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

КАК ДЕЛА У БУБЯКИНА?

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Лауреат Государственной премии СССР Михаил Александрович Бубякин — вологодский строитель, бригадир. Двадцать шесть лет строит он главным образом на селе. (Позже прояснится, почему именно главным образом.) А что такое сельский строитель сегодня и завтра, понятно каждому: воплощение любого плана, его материализация начинаются со стройки. Потому и в Продовольственной программе, принятой майским Пленумом ЦК КПСС, говорится: «Считать стройки агропромышленного комплекса важнейшими ударными...», «...Опережающими темпами вести в колхозах, совхозах... строительство благоустроенных жилых домов... детских дошкольных учреждений, клубов, библиотек... дорог». Говорится вместе с тем, и не один раз, о повышении удельного веса подрядного способа строительно-монтажных работ.

Бубякин первый на Вологодчине современный бригадный подрядчик — не будем опасаться этого старого слова. Еще девять лет назад, ознакомившись с почином В. П. Серикова, понял, что ему по характеру выполняемой работы близок этот метод. Пришлась по душе и сериковская наступательная тактика.

И вот мы с Анатолием Митрофановичем Стегайловым, исполняющим обязанности начальника ПМК-270 треста «Вологдасельстрой», едем к Бубякину, в Фофанцево, на центральную усадьбу совхоза «Присухонский». Как работается, как живется сельскому строителю? Как обеспечивается бригада материалами и строительной техникой, известен ли ей фронт работ на перспективу? Не возникают ли причины, препятствующие внедрению низового хозрасчета? Как учатся бригадиры?

СМОТРЮ И РАДУЮСЬ! Невысокие перелески. Будто ситцевый тканный березками узор... Не успели отъехать и десяти километров, как наш попутчик скомандовал повернуть направо, к ферме головного племенного предприятия. «Не пропустят!» — забеспокоился водитель, но Стегайлов со словами: «Я пойду за Паргиным»,— уже зашагал, прихрамывая, к конторе. Всю жизнь дает о себе знать травма, полученная двадцать семь лет назад, когда прислали его по окончании техникума сюда, на Вологодчину, мастером. Вот тогда на стройке и придавило ему ногу.

Л. И. Паргин, начальник предприятия, разрешил посмотреть бычник, и мы уже шли душисто пахнущей аллеей — цвела липа.

— А дорогу эту он заасфальтировал.

— Кто он?

— Миша Бубякин, конечно,— как нечто само собой разумеющееся сказал Паргин.— Если он что делает, так основательно. Ферму — с волокоблоком и очисткой. После него никому ничего доделывать не приходится. А теперь смотрите,— показал он на длинный корпус из светлого кирпича, аккуратно разрисованный каемочкой тоже из кирпича, но только красного.

Перед корпусом важно разгуливали мощные, грузные животные. Нам, конечно, хотелось посмотреть на представителей знаменитых холмогорской, айраширской и черно-пестрой пород, но Паргин увлек нас вовнутрь корпуса. Все здесь сверкало белизной свежей побелки. Правда, к строителям, сдавшим объект несколько лет назад, это уже не имело отношения. Зато к ним имел прямое отношение второй, антресолью, этаж корпуса, на который и обратил наше внимание директор.

— А ведь он проектом не был предусмотрен! Сделан по нашей просьбе. Миша предложил утеплить его керамзитом и заасфальтировать. Получилось прекрасное хранилище для сена, а это нам очень нужно. Когда захожу, так радуюсь и каждый раз добрым словом вспоминаю бригаду Бубякина...

По пути к бригаде мы еще несколько раз останавливались. Видели еще одну ферму, школу, жилые дома, и все в «бубякинском» исполнении.

— Михаил — прекрасный каменщик, с этого начинал в нашей ПМК, а она старая, с 1969 года существует. Но есть у Бубякина и вторая профессия, очень нужная современному бригадиру, особенно если бригада на подряде,— вводил нас в курс Стегайлов.— Приобрел, когда в армии служил. Механиком-инструктором был. Технику он любит и разбирается в ней. Случится что-нибудь у штукатура с затирочной машинкой, сам починит. Увлекается малой механизацией — она повышает производительность труда. Стремится внедрить передовое. Ищущая натура.

«САМИ ПОНИМАЕТЕ». Фофанцево встретило нас вагончиками строителей. Тут не только бригада Бубякина, немало и других коллективов различных строительных подразделений.

— Как работает бригада Бубякина? — повторил наш вопрос А. Ф. Тугулуков, директор «Присухонского».— Всем бы так работать! Строится многое, мазутохранилище тревожит меня. Фонды на мазут получили, а хранить его негде. Ванька дома — Митьки нет. Боюсь,— обратился он к Стегайлову, своему генподрядчику,— опять дрожать будем. Зимой выше восьмерки ртуть не поднимается.

Стегайлов вступился за субподрядчика:

— Сделают! Нули готовы, отсыпать основания под баки недолго, еще месяц уйдет на монтаж — успеют!

— Да, вот если бы все работали, как Бубякин! — продолжал сомневаться директор.— Михаил у нас с 73-го, когда, кроме двух старых развалюх, которые снесли, ничего не было. На его счету домов восемь будет: столовая, магазин, жилье. Нынче у него уже третий заход в Фофанцево. Этой бригаде верю. И опять же снабжение ей. Он же Бу-бя-кин! Сами понимаете...

Видимо, реплика Тугулукова задела Стегайлова за живое, и он, вместо того чтоб идти нам к Бубякину, предложил побывать у другого своего бригадира, Ларичева, который здесь же строит очистные сооружения. Нам понятно было почему: хотел доказать, что в управлении не создаются тепличные условия для прославленной бригады, что она наравне с другими, незнаменитыми, и по снабжению строительными материалами и по обеспечению техникой.

УЧИТЬ БРИГАДИРОВ.— Из четырех комплексных бригад, работающих на подряде по принципу «от нуля до ключа», бригада Ларичева самая молодая и, естественно, менее опытная,— рассказывал Стегайлов по дороге.— Тем не менее скидок никаких мы никому не даем, так же как, заметьте, не создаем никому особых условий.

В прорабскую, смущенно переступая грязными, с налипшей глиной ботинками, вошел и нерешительно присел на краешек скамьи бригадир. Бросалась в глаза его скованность, вероятно, ему не приходилось еще разговаривать с корреспондентами. Выручил Ларичева его прораб, рассказал, что в прошлом, 1981 году бригада успешно построила в Литиге — это поселок по дороге к городу Соколу — коровник на двести голов с высокой оценкой по качеству. Рабочие получили хорошую премию.

— Как же вы ее распределяли,— поинтересовались мы,— по КТУ? На совете бригады?

Бригадир порозовел, заморгал белыми ресницами. Он, оказывается, и не знал, что такое коэффициент трудового участия, а совета бригады у них нет. Как выяснилось, он же и профорг. А если учесть, что комсомольцев в коллективе ни одного, то и получалось полное единоначалие. Было над чем задуматься постройкому треста и отделу труда и зарплаты. Забегая вперед, воспользуемся на сей счет мнением Бубякина: «Хорошо бы организовать учебу бригадиров, подписывающих договор на подряд. И не только молодых учить надо!» Хорошо бы, добавим от себя, чтобы и Михаил Александрович Бубякин по-наставнически делился с ними опытом.

— Как идут дела сейчас?

— Бетон не завозили — так на другие работы переключались. Траншеи под трубы готовили.

Стегайлову стало неловко:

— Бетонный завод у нас свой, трестовский. Беда в другом — цемента нет. Поступает с Урала с большими перебоями. Не все зависит от ПМК.

ТЕХНИКА, ДА НЕ ТА! Детский сад предстал перед нами во всей своей незавершенной неприглядности: двухэтажная коробка среди развороченной земли с пустыми глазницами оконных проемов. Бубякин, еще не познакомившись с нами, налетел на начальника:

— Нет столярки, Анатолий Митрофанович. Когда же она будет?

Стегайлов даже повеселел, словно услышал что-то хорошее, блеснул нам стеклами очков: вот, мол, видите, и у него, как у всех, чего-то не хватает:

— Мы как сапожники без сапог: живем в лесу, а столярка в дефиците. Вот будет свой цех при деревообрабатывающем комбинате...

Бубякин меж тем продолжал наступать — не зря он читал статьи Серикова и слушал его на слете в Волгограде,— и Стегайлову было уже не до улыбок.

— Через неделю, закончив кровлю, приступим к штукатурке. Ничего не слышно насчет преобразователей к затирочным машинкам? Вы же знаете, Анатолий Митрофанович, эти маломощные, быстро выходят из строя. Нам бы такие достать, что на Ставропольщине: один тянет шесть—восемь машинок. Туда посылают, а до нас, в Нечерноземье, они почему-то не доходят. И еще: нам бы хотя один-единственный отбойный молоток раздобыть.

Технике для сельских строителей отдал предпочтение Бубякин и в дальнейшем разговоре.

— Зачем мне два автобашенных крана «АБКС-5»? Ведь за машино-смену каждого я плачу двадцать четыре рубля. А он не удобен, короткая стрела у него, не приспособлен для сельской местности, для бездорожья. Мне бы один, да помощнее, с повышенной проходимостью и на гусеничном ходу. Радиостанция нужна как воздух. Наша бригада строит одновременно три объекта. Кроме детсада, за тридцать километров отсюда строим склад сена на тысячу тонн. Там люди наши работают. Да еще жилой дом. А связи у меня с ними нет. Это серьезный вопрос. Обратите внимание, когда будете писать.

И все же главной темой оказалось не техническое оснащение, хотя острота претензий и пожеланий Бубякина предстала со всей очевидностью.

ЧЕХАРДА.— Слыхали ли вы, чтоб человек в нашей стране не мог найти работы? — продолжал бригадир.— Смешно, правда? Везде объявления: «Требуются, требуются»... А я имею в виду не просто человека — целую бригаду. Нашу бригаду. Другие бригады ПМК, других ПМК. Да, да, мы ищем работу, деремся, ссоримся из-за нее с начальством...

Бубякин, уловив недоумение в наших глазах, остался доволен произведенным впечатлением:

— Сегодня у нас какой месяц? Июль. В июле мы уже должны знать, что будем строить в будущем году, и подписывать по правилам договор, чтоб можно было создать задел. А я вот не знаю, что мы будем делать! Или знаю очень приблизительно. Садик закончим, а дальше? То ли жилой дом, то ли телятник, то ли еще что. И начальник ПМК не знает. И управляющий трестом, вероятно, не знает. Можно подумать, что нет больше никакой работы. Не спустил облплан нам еще планы и когда даст — неизвестно. А мне ведь не лишь бы какая работа нужна, а чтобы хотя один из объектов был пусковым, чтоб было что заработать людям. Мы же подписываем договор на сдачу объекта под ключ! План на этот, 1982 год нашей бригаде, знаете, когда утрясли?

— В марте 1982 года,— упредил Бубякина Стегайлов.— Корректировался только в первом квартале четыре раза. Сказать — так не поверят! Четыре раза за три месяца! Чехарда какая-то получается!— энергично жестикулировал он.

ИГРА В ОДНИ ВОРОТА.— Болезненнее всего такое «планирование» сказывается на бригадном подряде. Мы стараемся его спасти, помочь коллективам. Именно на селе объекты для подряда самые подходящие: локальные, не очень длительные по срокам исполнения и не такие сложные, как на промышленном строительстве. Была б моя воля, от меня только бы зависело, я бы все бригады переводил на подряд с самого начала их существования. Картина же получается такая.

Ранее детсад на девяносто мест, вот этот самый, где мы сейчас стоим, и очистные сооружения, что делает Ларичев, были пусковыми, а с марта этого года, то есть когда поезд уже ушел, стали... не пусковыми. А ведь в ПМК была уже разработана инженерная подготовка, сосредоточены людские и материальные ресурсы, сделан за три месяца значительный объем работ. ПМК, разумеется, не бросил эти объекты, потому что они уже раскручены. За те же стройки, которые вдруг стали пусковыми и не будут введены в срок, придется платить штрафы, повышенные пени за пользование кредитами, искать средства для того, чтобы выдать зарплату. В результате руководители получают выговоры и наказания в виде удержаний доли премии. То есть игра идет в одни и те же ворота — ворота строителей.

Тут самое время объяснить, почему А. М. Стегайлов вот уже несколько месяцев «исполняющий обязанности». Имея богатый опыт организаторской работы и инженерной практики — был главным инженером ПМК,— не соглашается он, как ни уговаривали, идти в начальники. По этой же причине нет руководителей еще в двух ПМК треста.

— Что же у нас происходит? — продолжал высказывать свои соображения Анатолий Митрофанович.— План сегодня — это товарно-строительная продукция, ввод объектов в эксплуатацию, производительность труда, заработная плата... Все это нам планируется. Вал, объем строительно-монтажных работ как будто нигде не упоминаются, но реально именно они стоят за каждым из этих пунктов. Взять хотя бы два из них — производительность труда и заработную плату. Они же зависят от объема строительно-монтажных работ и стоимости материалов. Поэтому строители всеми правдами и неправдами стараются употребить более дорогие конструкции. А это, в свою очередь, необоснованно увеличивает затраты совхозов и колхозов... Это, с одной стороны.

Екатерина Одинцова и Юрий Самарчев — молодые строители.

С другой — планирование нам, в частности, все еще ведется от достигнутого... по валу, без учета того, какие это объекты. А у нас ведь цикличная технология.

Конкретный пример. Бригада Бубякина. На первом этапе, когда она ведет строительные или монтажные работы, осваивает по сорок тысяч рублей в месяц. На втором — май, июнь, июль — пошла отделка; только двадцать три — двадцать пять тысяч. Трудозатраты одинаковы. Но зарплата спланирована по ПМК на каждый месяц исходя из более объемных строительно-монтажных работ. Как быть с так называемым перерасходом зарплаты на втором этапе? Люди нервничают, все это сказывается на моральном микроклимате коллектива.

Мы надеемся, ждем, что при совершенствовании хозяйственного механизма эти перекосы будут ликвидированы. Кое-где проектные институты уже закладывают в планы показатели по производительности труда и зарплаты без стоимости материалов, учитывая только трудозатраты на единицу продукции. Тогда выгодны и объемные и необъемные работы. Надо, чтобы и нам, сельским строителям, вели расчеты по такой схеме, и не на один, а сразу на два года вперед. Это очень важно для бригадного подряда, мы сможем перейти тогда к поточному, сквозному подряду, вовлекая и смежников.

— Да, видно, механизм планирования у нас еще не срабатывает. А может быть, еще и потому, что планы спускаются только сверху? — как бы развивая монолог Стегайлова, задумчиво произнес Бубякин.— А если попробовать и снизу? Теперь, когда начнут создаваться агропромышленные комплексы и районные агропромышленные объединения, внизу будет виднее, что, где и когда строить в первую очередь. Чтоб мы не разбрасывались, как сейчас: строим то в одном районе, то в другом, то в самой Вологде... Был у меня один случай...

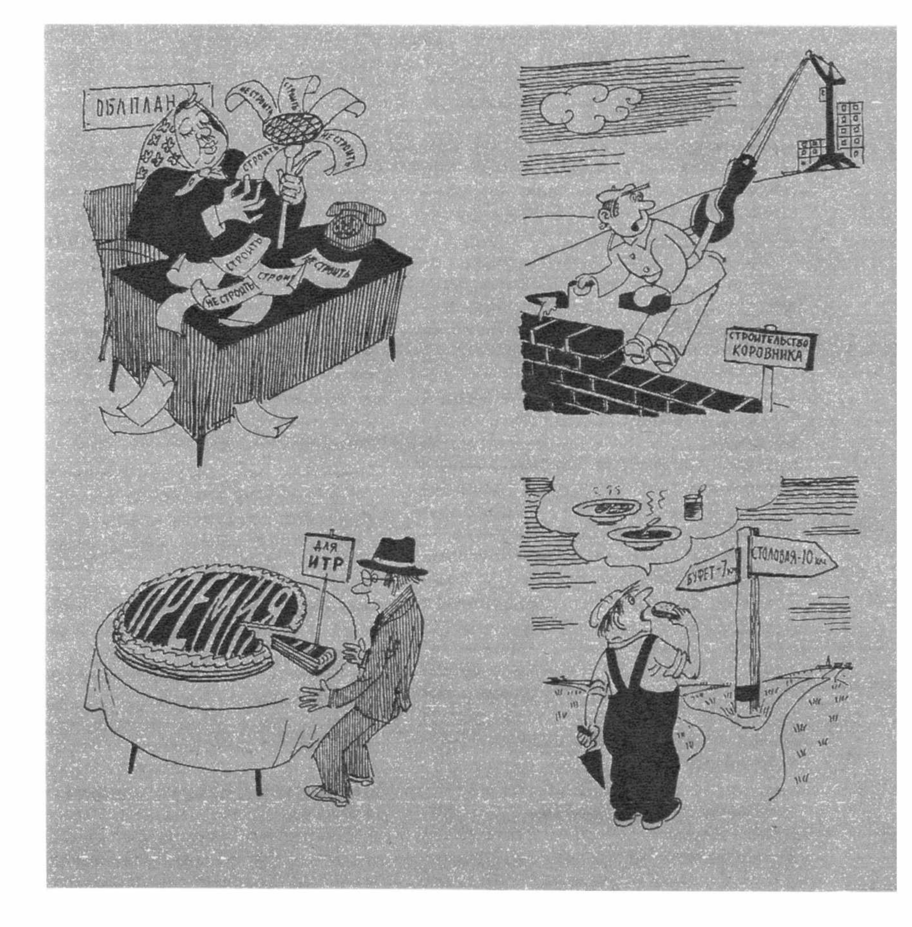
НАВЯЗАЛИ... — В позапрошлом году поручили нашей бригаде построить в Вологде большой, с магазином, жилой дом на девяносто квартир для работников нашего треста. Такого объекта у нас еще не было. Не хотел я браться, не наш это профиль. Звено отделочников у нас одно... Сказали, как всегда, что очень надо, что лучше нас никто не справится. Посоветовался со своими звеньевыми, со всей бригадой. Подписали мы договор.

Наш собеседник помолчал, достал сигарету, чиркнул зажигалкой.

— Лучше бы мы не брали того дома. Документация опаздывала. Намаялись мы с ним. Сами не смогли управиться, дали нам отделочников дополнительно. Только они ведь не то, что наши. Наши девчата все могут делать — освоили и штукатурку, и кровлю, и кладку — по две-три смежные профессии. В общем, прогорели мы, еле уложились в срок, мало заработали. Осерчал я прежде всего сам на себя — не надо было браться. Но вот что получилось, когда вернулись к своим объектам. Новым отделочникам, которых нам придали дополнительно, делать было нечего. Я сказал: «Забирайте их обратно». Ан не берут, говорят: «Теперь у тебя тридцать шесть человек будет». Пришлось характер проявить, кое-кому испортить настроение, чтоб вернуться к прежнему составу.

Я к чему об этом рассказал? Зачем нам, сельским строителям, планировать и навязывать городские объекты? Не наше это дело! В колхозах и совхозах на наш век работы хватит, особенно теперь, когда начинается реализация Продовольственной программы.

Недоумение и тревога бригадира вполне обоснованны. Тресту «Вологдасельстрой» поручали и снова поручили сооружение крупных общественных зданий в самой Вологде. И это в то время, когда есть такой трест, как «Вологдагражданстрой». Правомерно ли отвлечение на сторону сельских строителей? Не повредит ли такая тенденция делу первостепенной важности, на которое нацеливает партия?

ПРЕТКНОВЕНИЕ.— Не забыть бы мне про еще один камень преткновения,— продолжал Бубякин на другой день, когда мы были у него дома. Одной встречи с Михаилом Александровичем не хватило. Положительно никакой надобности не было в том, чтобы задавать ему наводящие вопросы. Он сам ставит их.

Живет он в Вологде, в трехкомнатной квартире нового дома, окнами выходящей на просторную площадь имени Чайковского. Напротив музыкальная школа.

— Правильно говорит Сериков об инженерно-технической подготовке подряда и роли специалистов. Те проценты, что им начисляются, слишком малы.

А то что получается? Дали мне склад построить. Плана производства работ нет. Поехал бы инженер или техник, посмотрел бы, какая механизация понадобится, прикинул бы, где лучше кран поставить и какой, чтоб было экономичнее. Другой бы о снабжении позаботился. У нас же не один, а три, даже и четыре объекта, и в разных местах. А если посадить нас на один объект, то неизбежно простои будут. Нам же нужен фронт работ, свобода для маневрирования. Со своей стороны, мы можем расступиться, приглашаем итээров к нашему общему котлу.

МЫСЛИ О ТЕПЛЕ.— Ну вот, кажется, подходим к концу,— облегченно вздохнул Бубякин.— Теперь можно и о житейских делах наших подумать. Какие самые дефицитные профессии у сельских строителей? Плотники, каменщики, столяры. Недобор таких групп в профтехучилищах. Все хотят быть сварщиками, монтажниками, машинистами кранов. Кое-кто из приходящих в бригады заранее планирует перебраться из общежития в отдельную квартиру. А там со временем можно и на

Лауреат Государственной премии СССР бригадир комплексной бригады Михаил Бубякин.

«Шарикоподшипник». Думают: «По крайней мере в тепле буду».

Я, конечно, так не думаю да и мои товарищи тоже. Ни на какую другую работу не променяем свою профессию. Но есть в настроении «временных», так их назовем, своя правда. Тепла, к сожалению, строителям очень не хватает. И в прямом — всегда под открытым небом, всегда на ветрах — и в переносном смысле этого слова.

Живем в городе или пригородном поселке. Работаем за десять, а то и за шестьдесят километров от дома. Там, куда ни рейсовые автобусы, ни поезда не доходят. Собирает нас по утрам автобус автотранспортной колонны нашего треста. Так положено, но так зачастую не получается. Присылают фургон, как мы называем бортовую машину с будкой,— очень мало автобусов. Летом, куда ни шло, можно и с ветерком. А попробуйте зимой, когда минус сорок. Такой мороз у нас частенько бывает. Обмораживались, болели. Мы уж и так и этак подстраиваемся к АТК. Стегайлов вам не рассказывал? Шоферу квартиру дали. Не помогает, как раз последних три дня катались в фургоне, да и тот приходит с опозданием— на час и более. Значит, надо навести тут порядок, обеспечить сельских строителей транспортом. Это во-первых.

Во-вторых — организация питания. Нам в Фофанцеве сейчас хорошо живется. Столовая у них та, которую мы сами строили, готовят добротно. А на складе сена наши ребята на сухомятке. Разве дело — без горячего целый день? В Москве, на съезде нашего профсоюза говорили, что в некоторых местах, в Латвии, например, доставляют обеды бригадам строителей в специальных термоконтейнерах. Вот бы и нам, сельским строителям, так сделали!

В-третьих. Женщины наши, отделочницы, обижаются. Приезжает, говорят, автолавка в село или в совхозный поселок. Привезли ситец, байку, обувь. Но нашим не подступиться. «Для вас ничего нету. Вы же не наши»,— говорят. Как же это так? Ведь мы одним делом повязаны. Стараемся для села. Без нас, строителей, ничего тут не изменится.

В постановлениях партии и правительства говорится о мерах по закреплению кадров на селе, улучшении коммунально-бытовых и социально-культурных условий. У нас, строителей, это тоже острые проблемы. Я так думаю: если всерьез позаботиться о наших так называемых неурядицах, то на первых порах это и будет то самое тепло, которого нам очень не хватает.

Фофанцево — центральная усадьба совхоза «Присухонский».

ОРЛЕНОК

Г. ШУМИЛИН

Звонок был неожиданным и сначала вызвал недоумение хозяина квартиры.

— С вами говорят из отдела писем МВД.

— Чем могу быть полезен?

— Вас разыскивает житель Ленинграда Петр Николаевич Матюшевич. Вам о чем-нибудь говорит эта фамилия?

Полковник в отставке Иван Михайлович Позняк на какое-то мгновение задумался, спешно стал перебирать в памяти фамилии друзей фронтовой и послевоенной поры и несколько неуверенно ответил:

— Нет, ни о чем не говорит мне эта фамилия...

— Он разыскивает человека, который был его командиром, когда действовал в тылу у фашистов. И мы установили, что этим командиром были вы. Но, признаться, и у нас есть сомнение. Дело в том, что Матюшевич назвал не вашу фамилию, а другую — Седов Александр Иванович...

— Это пусть вас не смущает. Тогда я был Седовым, командиром группы разведки партизан. И все же не помню, чтобы среди моих подчиненных был Петр Матюшевич. Что вам еще известно о нем?

— К сожалению, очень мало. Разве только вот такая деталь—он пишет, что был у вас связным и партизаны называли его Орленком.

— Так вы бы с этого и начинали,— обрадовался Иван Михайлович.— Орленок! Как же! Это же наш Петя... Жив, здоров, значит. Непременно сообщите ему мой адрес, да я и сам напишу ему, пожалуйста, дайте мне его адрес.

...И сразу нахлынули воспоминания той далекой поры, когда наши партизаны боролись в тылу врага, на белорусской земле.

* * *

С Иваном Михайловичем Позняком меня познакомил... «Огонек». В свое время на страницах журнала я рассказал его читателям о малоизвестных подробностях смелой операции, осуществленной группой партизан-разведчиков под руководством Н. П. Федорова в Минске, когда был уничтожен гауляйтер фон Кубе. Через несколько дней после выхода журнала с этим материалом мне позвонил Иван Михайлович Позняк, друг Н. Федорова: «Я могу вам многое поведать о нем». С тех пор мы не раз встречались, вспоминали боевые дела давно минувших дней. И вот однажды Иван Михайлович, радостно возбужденный, сбивчиво рассказал мне о звонке из МВД.

— Когда мне сказали, что Орленок жив и разыскивает меня, комок к горлу подступил. Тринадцать лет ему было, а рядом с бывалыми партизанами на задания ходил, охрану нашей радиостанции на острове Добрый нес.

Узнав о моем повышенном интересе к Орленку, Иван Михайлович тут же дал мне его адрес.

— Поезжайте в Ленинград, а я ему позвоню, попрошу не таиться, все рассказать, он ведь скромный. А жизнь его интересная, поучительная...

В скромности Орленка я имел возможность убедиться буквально через несколько дней, оказавшись в Ленинграде в квартире Петра Николаевича Матюшевича. Мы сидели в его кабинете, заставленном полками книг,— типичный кабинет ученого: хозяин — кандидат философских наук, доцент, преподаватель Ленинградского электротехнического института связи. Невысокий, с открытым, добрым лицом, доброжелательно улыбчивый Петр Николаевич потчует меня ароматным кофе, восторженно говорит о нашем общем знакомом И. М. Позняке и весьма уклончиво, односложно отвечает на мои вопросы, касающиеся его самого.

— Право, не знаю, что и рассказывать вам... Обыкновенная судьба обыкновенного детдомовского мальчика.

— Нет, уж простите,— возражаю я.— Не совсем обыкновенная, Петр Николаевич. Ведь я не с нулевого цикла беседу нашу веду. Кое-что Иван Михайлович уже рассказал.

Пришлось проявить немного терпения, деликатной настойчивости, пока, наконец, не раскрылась передо мной история одной удивительной жизни.

П. Н. Матюшевич.
Фото О. Петриченко.

* * *

Тихий, маленький белорусский городок Копыль, что неподалеку от Минска. Был тут детский дом, собравший под своей крышей детей горькой судьбы — они не знали ни своих родителей, ни своего имени, ни своей фамилии.

Когда началась война, детей лихорадочно-быстро стали эвакуировать на восток. Но не суждено было эшелону с детдомовцами уйти далеко от города. Его настигли фашистские самолеты — бомбили, обстреливали с бреющего полета. Взрослые и дети в панике повыскакивали из вагонов, ошеломленные, бежали кто куда.

Вечером, когда уже не слышно было взрывов бомб, орудийных залпов, когда наступила зловещая тишина, дети небольшими группами, прижимаясь друг к другу, потопали в Копыль, в родной дом. Они еще не знали, что теперь он уже не родной, что в городе хозяйничают гитлеровцы, что их будут ловить на улице фашистские патрули со страшным заданием командира-изверга — собрать всех разбежавшихся из эшелона детей, посадить в грузовики и отвезти в специально отведенные для них дома. А там их уже ждали немецкие врачи, чтобы распределить по группам крови и отправить в военные госпитали. Кровь советских детей переливали раненым солдатам и офицерам гитлеровской армии. Среди этих несчастных оказался и Петя из Копыльского детдома. Он все видел своими глазами, все сам испытал. На жестокую процедуру, по существу, обрекавшую слабеньких ребят на верную гибель, уводили силой, сопротивлявшихся избивали. Кровь у маленьких выкачивали зверски, пренебрегая элементарными требованиями медицины. Дети умирали тут же, на глазах.

Петя твердо решил: «Надо бежать! Рискованно, но надо...» И стал уговаривать друга, Мишу Пушкина. Миша колебался, доказывал: «Поймают, убьют». А Петя невозмутимо стоял на своем: «Все равно погибать. Но тут хоть какой-то шанс на спасение есть».

Шли незнакомыми проселочными дорогами, обходили опустошенные и сожженные деревни, шли, не зная, что ждет их впереди, надеясь пристать к советским людям, бежавшим на восток.

К вечеру они добрались до деревни Неволожь. Идти дальше невмоготу. Надо отдыхать. Постучались в хату, что стояла на самой окраине. К ним вышел пожилой человек, хозяин дома, за ним жена. Расспросили мальчиков, откуда идут, как попали на хутор. Накормили, уложили спать. А наутро хозяин объявил им: «Вам идти дальше некуда, немцы уже оккупировали Минскую область, скоро немецкая армия займет всю Белоруссию. Оставайтесь у меня, будете скот пасти.—И, зло ухмыльнувшись, выпалил как из пулемета: — Дармоедов не терплю. Дел по горло...»

Мальчики остались в батраках. Хозяин дома оказался зажиточным крестьянином — у него было несколько коров, лошадей, сельхозинвентарь,— человеком крутого нрава. В этой же деревне жил его младший брат, назначенный немцами старостой в деревне. У него работал Миша. Жизнь пошла тяжкая, батрацкая, ребятам крепко попадало, если не успевали все дела справить, за безобидную детскую шалость нещадно били. И неизвестно, как сложилась бы судьба их, если бы в феврале 1942 года в деревне неожиданно не появилась группа вооруженных партизан. Обоих братьев куда-то увели, а мальчиков забрали с собой в партизанский отряд.

Партизанский отряд состоял в основном из солдат и офицеров Красной Армии, попавших в окружение. Они хорошо знали военное дело и успешно действовали в тылу врага.

Петю приняли радушно. Жалко было мальчика, уже успевшего полной мерой хлебнуть горести войны. Но тут не до эмоций. И решено было сразу же отправить его на Большую землю. Ему бы радоваться, а он плачет, умоляет партизан оставить его в отряде: «Что я на той Большой земле делать буду? — причитает Петя, смахивая слезы со щек.— Нет у меня ни родителей, ни родительского дома. Я даже не знаю, как звать-то меня надо по-настоящему...» А самый главный довод Пети: «Хочу отомстить фашистам за погибших друзей». И уговорил: оставили его в отряде.

Пошли суровые партизанские будни. Самый юный боец отряда стойко переносил все невзгоды. Среди боевых заданий было и такое — доставать продовольствие в деревне, где вдоволь и хлеба и мяса, где живут крестьяне, готовые помочь партизанам. Вот на такое задание и отправился Петя вместе с двумя партизанами. По данным разведки на том хуторе нет сейчас ни немцев, ни полицаев.

Сани уже были заполнены картошкой, мукой и мясом, когда на хуторе появились два полицая и направились прямо во двор, где стояли груженые сани. Что делать? Бежать или кончать их тут же, без шума? Для Пети это было первым испытанием — еще не приходилось ему убивать человека. А старшой испытующе смотрит на него и спрашивает: «Так что же, кончать будем?» Петя молча оглядывается по сторонам.

Партизаны видели, как полицейские подошли к саням, проверили мешки с продуктами и, очевидно, обрадовавшись, что есть чем поживиться, быстро направились в хату. Окликнув хозяина и сняв с плеч винтовки, они вошли в темные сени. И тут мгновенно сработала партизанская засада.

Покончив с полицаями в лесу, партизаны ночью благополучно вернулись в отряд. А рано утром повар походной кухни угостил всех бойцов горячим супом с мясом и картошкой да теплыми ржаными лепешками.

Петя долго переживал события того дня. Впечатлительный мальчик, он все терзался: нельзя ли было в той ситуации поступить иначе, не убивать? Для него тогда все это было еще не просто. И однажды он спросил бывалого партизана: «А ты как поступил бы?» Тот внимательно выслушал Петю, ласково положил свою руку на хрупкое Петино плечо и ответил:

— Все правильно было, Петя... Идет война... И здесь тоже... Если бы не прикончили их, считай, вас уже не было бы в живых, а отряд остался бы без продуктов.

Первый урок войны за линией фронта. А за ним второй, третий, партизанская война втянула мальчишку в свой круговорот.

...Остров назывался светлым именем Добрый, а кругом болото, мрачно именуемое Черным. Здесь базировался тщательно законспирированный штаб группы разведки партизан с А. Седовым-Позняком во главе. Попасть туда,

не зная дороги, специально подобранных тропинок, невозможно. Все было сделано для того, чтобы замаскировать не только штаб, но и радиостанцию, регулярно передававшую в Москву информацию о противнике. Вот сюда-то и был направлен Петя, ставший связным при А. Седове и его заместителе А. Ефимове. Позже Иван Михайлович скажет о нем: «До чего же разбитной, энергичный малый... Любое наше задание готов был выполнить. Я дал ему «коровинский» пистолет, и он вместе с партизанами ходил за хлебом неподалеку от острова Добрый. Дело, кажется, простое, но не безопасное. А ночью он уже на аэродроме, над которым скоро появится самолет с Большой земли. Надо охранять район выброски грузов, вовремя зажечь сигнальные огни».

На острове Петя подружился с начальником охраны радиостанции Герасимом Гальченей. Старый коммунист, бывший председатель одного из райисполкомов Минской области, он по-отцовски опекал мальчишку, многому научил его и прежде всего—строгим правилам караульной службы при охране радиостанции. Дело это требовало архивысокой бдительности. Немецкие каратели, обнаружив расположение партизанского отряда в районе деревни Сосновка, забрасывали туда парашютистов, своих пособников-предателей из местных жителей. И всем им дано задание — выяснить, что творится на острове Добром, не там ли штаб партизанских разведчиков.

...В ту темную ночь он заступил на пост с каким-то щемящим сердце чувством. Тревожно оглядывался по сторонам, и в который раз слышались ему напутственные слова Гальчени: «Смотри в оба, ночь нынче темная, да и туман стелется вон какой».

Уже наступил рассвет, когда Петя приметил неизвестного человека. Он пробирался к радиостанции, пригибаясь к земле, стараясь использовать для маскировки густой туман. Петя подпустил его поближе, занял позицию с «тыла» и, когда их разделяла неширокая тропа, скомандовал во весь свой негромкий голос:

— Стой, ни с места! Руки вверх! — И наставил автомат в спину, как учил его Гальченя.

— Да зачем же так... — пролепетал неизвестный. — Я здешний, из Сосновки... Места здесь грибные и ягод много. Вот спозаранку и забрел сюда... Ты, малой, не балуй оружием...

В ответ Петя щелкнул затвором и приказал:

— Не оборачивайся, иди вперед.

Сутулясь, медленно, тяжело потопал непрошеный гость по тропинке, что вела к землянке начальства. Партизаны были немало удивлены, когда тринадцатилетний паренек привел дюжего верзилу.

— Принимайте «гостя». А я снова на пост пойду.

Позже Петя узнает, что он задержал шпиона, засланного немцами на остров со специальным заданием. «Молодец, Орленок!» — похвалил Седов. Для Пети слова эти были как высокая награда. И еще: сам Седов назвал его Орленком.

На радиостанции был у Пети еще один друг — радист Коля Голубев из Липецка. Он обеспечивал бесперебойную связь с Москвой. Коля был намного старше Пети, и мальчик старался брать с него пример, во всем подражать ему.

Однажды Голубев подозвал к себе Петю и сказал:

— У меня к тебе важное дело есть.

— Это какое же такое дело? — живо поинтересовался мальчик.

— Поедешь в город Пинск и встретишься с нашей радисткой Славой. Нам необходимо установить с ней связь.

В день, который я тебе назову, пойдешь на городской рынок, походишь там, потолкаешься среди людей и увидишь девушку с корзиной в руках. В той корзине белая шерсть будет лежать. Когда кругом народу не будет, подойдешь к ней поближе и прочтешь стихотворение Янки Купалы «Курган». В ответ она должна прочесть свое небольшое стихотворение. Постарайся хорошо запомнить его и прочтешь мне, когда вернешься в отряд.

Петя был несказанно счастлив — ему, мальчишке, поручают столь важное дело.

— Все будет сделано, Коля, можешь не сомневаться.

Коля дал ему сборник стихов Янки Купалы, и Петя мигом побежал учить «Курган».

Путь в Пинск был нелегким. Пробирался где пешком, где на попутной телеге, а то и на грузовой машине вместе с немецкими солдатами. Приехал в Слуцк, а оттуда поездом добрался до Пинска. На рынке Петя приметил миловидную девушку, в руках она держала корзину с белой шерстью. Выбрав удобный момент, он подошел к ней и без запинки продекламировал «Курган».

Девушка слегка улыбнулась и в ответ прочла свое стихотворение.

Уходя с рынка, Петя повторил его несколько раз и, пока пробирался в отряд, заучил его наизусть. Коля Голубев внимательно слушал Петю, когда он читал ответное стихотворение Славы, и ласково сказал:

— Спасибо тебе, Орленок. Отлично ты выполнил задание.

Весной 1944 года немецкое командование бросило на борьбу с партизанами в этом районе две отборные дивизии. Партизанский отряд оказался в плотном кольце фашистов. Группа Коли Голубева — в ее составе находился и Петя — получила приказ свернуть радиостанцию и выходить из окружения вместе с партизанским отрядом. Пробивались с большим трудом. Голодные, промокшие, изнемогая от усталости, несли тяжелораненых бойцов. Как всегда, впереди двигались разведчики. Уже стемнело, когда они приблизились к деревне, где можно заночевать. Можно ли? Что ждет их там? В разведку послали Орленка. Наступила ночь. Кругом тихо. Он зашел в избу, в окнах которой тускло светились лучины. Его встретили хозяева, старики, удивленные неожиданным появлением мальчика.

— Откуда ты взялся, малыш, и где так сильно промок? — спросил хозяин.

Не успел Петя ответить, как во дворе появились немецкие солдаты и полицейские. Они были навеселе, пели песни, кто-то играл на губной гармошке.

— Чей мальчишка? — зло спросил рыжий немец, видимо, знавший русский язык.

— Это наш деревенский парень, где-то бродил под дождем, намок вот и забрел к нам просушиться, чтобы дома не попало,— не растерявшись, ответил старик.

— Врешь, скотина,— сквозь зубы процедил полицейский.

Пьяный немец подошел к Пете поближе, оглядел его с ног до головы, на всякий случай выдал несколько оплеух и приказал:

— Закрыть его в сарае. Завтра разберемся, кто этот мальчишка и как он попал сюда.— И сердито посмотрел на хозяина.

Петю втолкнули в темную дверь сарая и закрыли ее на засов. Мальчик обо что-то больно ударился, чертыхнулся и присел на холодный земляной пол. Сильно ушибленная коленка заныла. Но сейчас не до нее. Надо решать, как отсюда выбраться. И поскорее, пока не наступило утро. В темноте он нащупал лестницу, стоявшую у стога сена, поднялся вверх и, сделав дыру в соломе, вылез на крышу. Осмотрелся. Кругом никого не видно, не слышно. Только из избы доносилась немецкая песня. Орленок, как с горки, скатился в сугроб. Посидел немного, боясь подняться. Прошла минута, другая. Набравшись сил, Петя стремглав выскочил со двора. Он вспомнил дорогу, по которой разведчики шли к деревне, и направился туда, где условился встретиться с ними.

Сколько радости было, когда разведчики увидели своего Орленка! Считали, что мальчонка попал в беду, погиб. Разведчики благополучно вернулись в отряд, расположившийся в лесу, а рано утром партизаны снова отправились в путь-дорогу.

Как ни грустно было Орленку, а с партизанами пришлось ему расстаться. Петю оставили в госпитале Минского партизанского соединения в качестве санитара, но ненадолго. В районе расположения штаба соединения был подготовлен аэродром, куда стали приземляться транспортные самолеты. На одном из них Петю отправили в Новобелицу, туда, где находился штаб партизанского движения Белоруссии. В штабе решили послать Орленка в Калининское суворовское училище: быть ему кадровым офицером. Но мальчику не повезло. В пути он заболел тифом и попал в Могилевскую больницу, где пробыл более трех месяцев.

Между тем война уже приближалась к концу. Вот уже и вся Белоруссия освобождена от фашистов. Разъехались по домам партизаны и подпольщики, бойцы невидимого фронта. Каждому нашлось дело. У каждого свои заботы. А Петя, выйдя из больницы, бродил по незнакомым улицам Могилева, не зная, куда ему деваться, что делать, с кем посоветоваться. Где они, его друзья, наставники? Где Голубев, Седов, Гальченя? Вот кто помог бы ему сейчас! А они где-то далеко-далеко, там, где идут последние, решительные бои. Грустно Пете, нет у него родных, не ждет его родительский дом. И тут вспомнился ему детский дом, заменивший родительский. Его встретили радушно: «Придется тебе, Петя, пожить у нас, пока пятнадцать лет не исполнится. Тогда и на работу можно...»

И вот наступил желанный день. 15 лет ему! Его направили в город Лиду, в паровозное депо. Кончилось детство, наступила юность, а затем пора зрелости, пора жизни в большом рабочем коллективе. Его принимают в комсомол, избирают секретарем комсомольской организации Барановичи-Полесские. Он все успевал. Отлично работал, отлично учился в вечерней школе. Его приняли в партию.

Однажды П. Матюшевича пригласили в обком партии и спросили: «Если мы пошлем тебя в деревню организовывать колхозы, как ты на это посмотришь? Мы хорошо знаем твои боевые дела в тылу врага». Петя, не задумываясь, ответил: «Если партия поручит мне эту работу, то я постараюсь с честью оправдать доверие. Правда, сельским хозяйством я не занимался, но почти год работал батраком у кулака во время оккупации Белоруссии и кое в чем разбираюсь». «Вот и хорошо. В деревне Турец есть председатель колхоза, но колхоза еще нет. Поедешь туда помогать ему как представитель обкома партии. Считай, что на эту работу ты уже назначен».

Обстановка в Турце оказалась куда сложнее, чем ее нарисовали в обкоме. Дело не только в том, что колхоза фактически не было. Открыто против коллективизации выступали кулаки, активно действовали бандеровцы. Предстояла суровая борьба с кулачеством и бандитизмом. С помощью партийного и комсомольского актива, участников Великой Отечественной войны, вернувшихся с фронта домой, Петру Матюшевичу удалось создать колхоз имени Черняховского, в который вошло более 30 хозяйств. Задание Барановичского обкома партии было выполнено. Однако враг не сдавался. Бандиты и кулаки пристально следили за деятельностью уполномоченного обкома партии: «Уж больно ретив!..»

Как-то, задержавшись на работе, Петр поздним вечером возвращался домой. Не торопясь, шел по тихим, безлюдным улицам. И вдруг — сильный удар по голове. П. Матюшевич падает на землю, теряет сознание, но еще чувствует, как его жестоко добивают. Очнулся он уже на больничной койке с забинтованной головой, «закованный» в гипс. Врачам потребовалось более четырех месяцев, чтобы поставить его на ноги. И снова в «бой». Обком партии направляет его в МТС Миорского района заместителем начальника политотдела по работе с молодежью. И снова борьба с бандитами — так уж, видимо, на роду у него написано...

* * *

Неторопливо ведет свой рассказ Орленок. Что-то вспоминает, над чем-то задумывается, чему-то радуется, улыбается и вдруг—скорбь на лице: вспомнил, как фашисты схватили Колю Голубева и, ничего не добившись, повесили его.

Слушаю я его и думаю: сколько же пережил этот человек за свои пятьдесят лет, сколько рубежей одолел? Служил на флоте, окончил Военно-морское политическое училище, был заместителем командира по политчасти сторожевого корабля на Северном флоте, а потом дорога жизни круто повернула: Ленинград, демобилизация, Металлический завод, слесарь, активная партийная работа. И все время — мечта: он жаждал окунуться в науку. У него, уже немолодого человека, хлебнувшего столько горестей, хватило сил и мужества заочно окончить за 4 года вместо 6 лет философский факультет Ленинградского государственного университета.

— Вот так я и стал преподавателем философии в Ленинградском электротехническом институте связи. Защитил диссертацию и получил степень кандидата философских наук, а затем и ученое звание доцента.

...Недавно Иван Михайлович Поздняк-Седов показал мне письмо, полученное им от Орленка:

«...А в общем, дорогой Иван Михайлович, жизнь моя сложилась счастливо. Была Великая Отечественная война, на которой гибли миллионы... Но мне повезло! Я знал рядовых солдат войны — радистов, партизан, их нелегкую работу в тылу врага, как боролись они за Советскую Родину. Об этом я могу рассказывать нашим детям... Каждый день я встречаю как подарок жизни. Мне нравится моя работа. У меня прекрасная семья. В будущем году исполнится 25 лет моей семейной жизни, и я не устаю благодарить судьбу за встречу с моей Валентиной».

«Каждый день я встречаю как подарок жизни». Что можно добавить к этим словам!

НЕТЛЕННАЯ КРАСА

Юрий ОСИПОВ

Фото А. МАСЛОВА

...Скачут, раздувая ноздри, сказочные коньки-горбунки из Троице-Сергиевого посада. В каждом — своя фантазия, свой полет резца. Ни один не похож на другой. И все они — одна вековая традиция, строгий канон, позволяющий специалистам безошибочно определять их «школу».

Богородская резьба — как дивный сон наяву. Издали залюбуешься и вблизи не оторвешься. В неуловимой симметрии сплетаются причудливые завитки, растекаются по дереву напевными аккордами орнамента. Вот приложил к губам дудочку томный пастушок, и кажется, польется сейчас из нее чистая мелодия, собирая невидимое стадо...

Раскован и предельно выразителен лаконизм старых умельцев, открывающий нам за условной стилизацией точные приметы времени, быта. Новым жанровым содержанием наполняется образный мир в работах современных народных мастеров. Конечно, внешние различия налицо. Но вместе с тщательным отбором изобразительных средств, поколениями вырабатывавшейся суммой технических приемов лучшие образцы народного искусства наших дней унаследовали от своих предшественников главное — изначальную бытовую принадлежность, утилитарную заданность назначения. Без этого невозможно подлинно народное искусство. В этом его сила и особенность.

Дурное применительно к сфере прекрасного и возвышенного слово «утилитаризм» обретает здесь иной внутренний смысл, служит высоким эстетическим критерием и мерой художественного вкуса. Резной валек, прялка из села Борок, ковш-ладья, холмогорские вышитые рушники с символическими птицами, набивной цветастый ситец из Павлово-Посада и затейливая рязанская керамика — все они прежде всего являлись предметами домашнего обихода, но при этом осеняли его трепетной красотой, радуя и окрыляя человека, поддерживая в трудную минуту. Точно так же, как дагестанская чеканка и ковры, черненое серебро бурятских умельцев, костяные украшения народностей Севера...

...Сквозь череду веков оно прорастало из-под пожарищ тонкими побегами — искусство народа, душа его. Продолжало светиться по курным избам ажурными кружевами наличников, диковинным шитьем, озорной игрушкой. В скорбных ликах рублевских икон и в горделивом декоре дворцов угадывался его неизбывный дух.

Свободная стихия прекрасного, питательная среда самобытных талантов, народное искусство истово берегло свои простые и мудрые законы, свое миропонимание, секреты мастерства, в неприкосновенной целостности передавая их от дедов к внукам.

Празднично преображая действительность, оно не давало распасться связи времен и сегодня все так же необходимо нам для ощущения наших корней, нашей преемственности.

Рассеянные по разным областям, заслоненные потоком сувенирного ширпотреба, верные спутники наши — памятники народного творчества давно уже взывают о воссоединении. Теперь, когда необычайно возрос интерес к отечественной истории и к истории отечественной культуры, когда сохранение и приумножение духовного наследия прошлого становится всеобщим насущным делом, властный зов этот был услышан.

* * *

Мы привыкли к тому, что художественный музей — будь то в столице или на периферии — данность, существующая от века. Подобные собрания, как правило, складываются десятилетиями, в тесном взаимодействии с другими аналогичными коллекциями. У колыбели их обычно стоит легендарная личность или счастливый случай, они сами обратились в страницы истории.

Но вот прямо у нас на глазах происходит чудо: рождается новый музей. Рождается как органическое целое, в неустанных поисках и экспериментах, на огромном энтузиазме его создателей и широчайшей общественной поддержке.

«В целях дальнейшего улучшения изучения, пропаганды и развития декоративно-прикладного и народного искусства Совет Министров РСФСР постановляет: принять предложение Министерства культуры РСФСР, Госплана РСФСР, Министерства местной промышленности РСФСР, Академии художеств СССР, Союза художников РСФСР, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры... об организации в городе Москве Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства... Москва. 10 февраля 1981 года».

Словно разом помолодела вдруг бывшая усадьба Остерманов — Толстых, величавый особняк XVIII века, что на нынешней Делегатской улице. Устремившееся из глубины просторного двора к чугунной ограде длинными полукружьями флигелей (их начали строить еще с конца XVI столетия), это здание в июле прошлого года приняло первых посетителей нового музея.

Год жизни большого музея — премьера. Факт открытия — лишь аванс на утверждение последующего права на существование. А для этого требуется время, и немалое. Открывшись, музей продолжает формироваться прямо «на ходу». Обычно сперва накапливают фонды и потом уже подыскивают подходящее помещение. Тут все наоборот. Может, это и к лучшему, однако трудностей не убавляет. Пока наиболее ценные экспонаты взяты «напрокат» у Государственного Исторического музея и других крупнейших собраний. А должны иметься свои собственные, не уступающие им. Экспозиция ведь задумана как эталонная, приезжать сюда за опытом будут специалисты и народные умельцы со всех концов страны. Даровитые выпускники ПТУ, способная молодежь, собирающаяся посвятить себя благородному делу развития народных ремесел и кустарных промыслов, надеются обрести здесь родной дом.

Значит, нужен учебный центр на базе нового музея. Это задача номер один для его руководителей, поскольку свою деятельность они не мыслят вне конкретной практической помощи местным промыслам и талантливым мастерам-самоучкам, пошедшим по стопам дедов и прадедов. Развернуть планомерную научную пропаганду и лекционные циклы, приблизить к сегодняшним учащимся живые истоки народного творчества, сделать его составным компонентом общеобразовательной программы — вот о чем думают директор музея Владимир Андреевич Гуляев, кандидат искусствоведения, специализирующийся на изучении кустарных промыслов, и его заместительница по научной части Тамара Александровна Попеску, ранее возглавлявшая всемирно известный музей-заповедник в Загорске.

Забот у них хватает. Еще предстоит полностью укомплектовать штат научных сотрудников и экскурсоводов, разработать методические пособия, обеспечить всем необходимым постоянную экспозицию и тематические выставки... Десятки, сотни проблем, нерешенных вопросов. Шутка ли, такое хозяйство! И спрос с него уже, естественно, без всяких скидок.

* * *

Торжественные марши мраморной лестницы, лепные барельефы, настенные панно, чинные проемы высоких дверей и — веселый, красочный мир городецкой росписи. С нее начинается музейная экспозиция. Как в детстве, дрогнет сердце при виде жанровых сценок «Сказка о спящей царевне», «Всадник». А впереди манят волшебные изделия кружевниц Ельца, Вологды.

Течет, изгибаясь, анфилада больших и малых залов, уставленных застекленными стендами. И любой таит неожиданную радость открытия прекрасного, дар приобщения к летописи мастерства.

Увлеченно рассказывает что-то экскурсовод, водит указкой. Но ты и так уже, безо всяких объяснений, в плену этих вещей — и умом и сердцем. Я видел людей, входивших сюда с усмешкой снисходительного пренебрежения, таявшей в первом же зале. Да и какой снобизм устоит перед этим великолепием! Все здесь доступно восприятию всех. Тут нет знатоков и непосвященных, а только — восхищенные.

Взгляд не желает расставаться с пылающей золотом «хохломой», чувашскими национальными костюмами, палехскими шкатулками. Их подбор и расстановка — тоже искусство, наглядно демонстрирующее сочетание утилитарного и декоративного начал в длительном процессе эволюции древних промыслов.

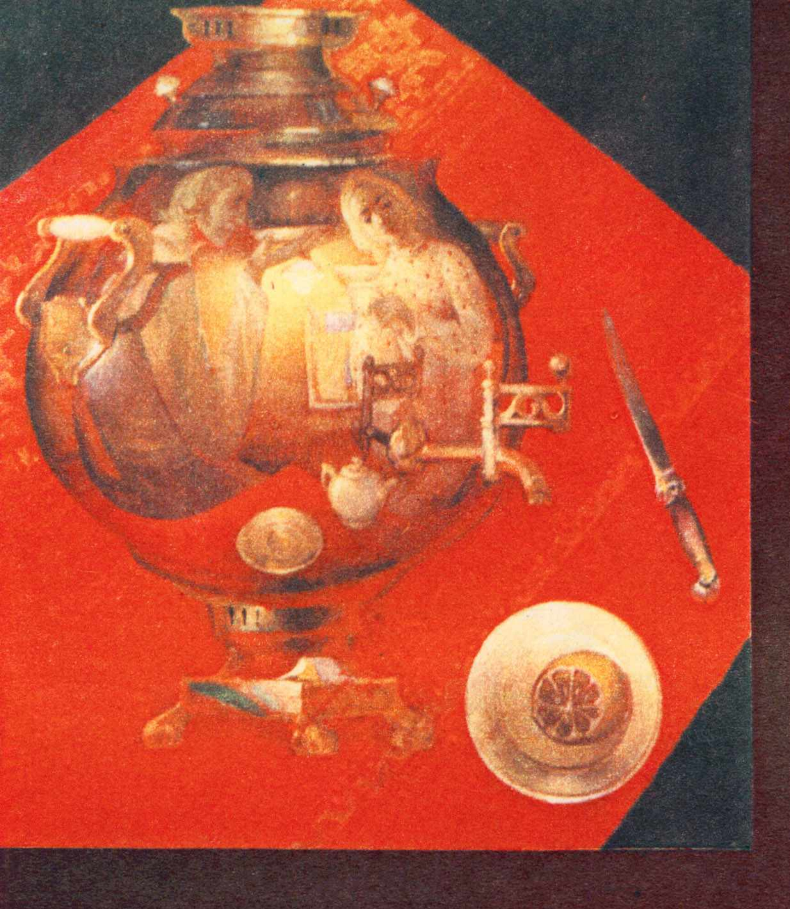
Часами можно стоять перед прославленными жостовскими подносами, «гжелью», глазурованными изразцами и фаянсом, художественным стеклом. Поистине неиссякаемы фантазия и выдумка мастеров, умеющих извлечь из материала все его свойства и, всякий раз по-новому, дать им пластическое воплощение в оригинальной и законченной форме произведения. Причем богатейшие традиции смело преломляются в современной тематике, зовут к непрерывным творческим исканиям. Недаром достижения этих ремесел в советское время отмечены призами многих международных выставок.

Залы стекла — одни из самых представительных в музее. Зеленоватые петровские штофы, ампирные вазы, плавные линии стиля «модерн» отражают высокое искусство российских заводов, их историю за несколько веков. Сложные произвольные композиции, изобразительное и ассоциативное направления характерны уже для послеоктябрьского периода, исполненного духа новаторства, свежести восприятия омоложенного мира.

С. Козлов. Шкатулка «Чаепитие». Федоскино * А. Воробьевский. Сервиз «Сказка». Ленинградский фарфоровый завод * Т. Дмитриева и Т. Шульпина. Панно «Широкая свадьба». Мстера * Е. Кошкина «Барыня». Дымково * Плясовая.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Живы в народе традиции искусных вязальщиц * Б. Смирнов. Декоративная композиция «Праздничный стол» * Ю. Карапаев. «Северная песня». Палех.

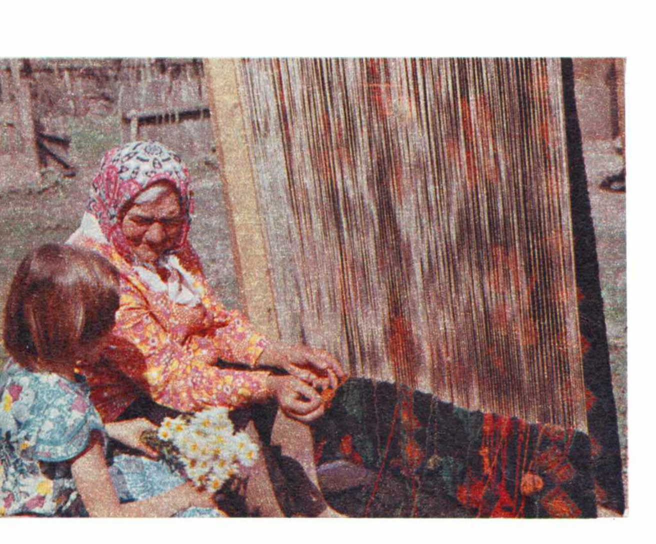

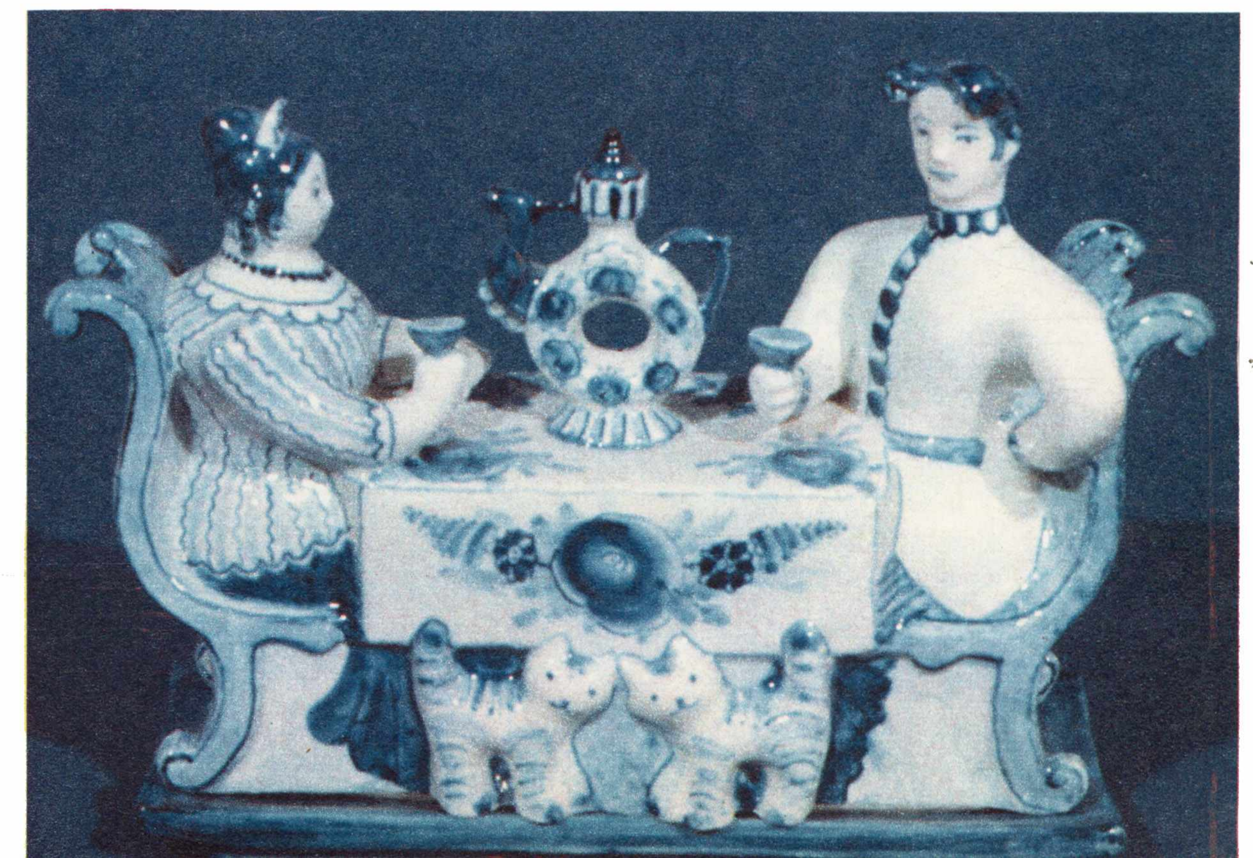

Под экспонируемыми здесь работами имена известных художников-стеклодувов — Л. Савельевой, Б. Федорова, М. Грабаря, А. Степановой и ряда других, к чьим произведениям хочется вернуться вновь, обойдя залы музея, чтобы глубже осмыслить их образную символику, задуматься над тем, что они несут людям. Я заметил: многие так и делают, привлеченные возможностью сотворчества, которую дает щедрая фантазия художника.

Вообще вдумчивых посетителей на Делегатской день ото дня прибывает. Юные и пожилые, парами и в одиночку. У каждого — свой укромный уголок. Некоторые — с блокнотами этюдниками. Экскурсоводы здороваются с ними, как с добрыми знакомыми, показывают интересные новинки. Нормальное явление, скажете вы. Верно. Но оно свидетельствует о том, что музейная премьера удалась и новое собрание уверенно завоевывает зрителей.

И в первую очередь, самых маленьких. Надо видеть, с каким восторгом малыши входят в добрый, сказочный мир народного искусства, как серьезно и сосредоточенно вбирают жар души и таланта самобытных творцов его, вложенный в вышивку и чеканку, стекло и ковры... Именно здесь, в этот момент они получают действенные и очень важные уроки любви к родной земле.

Братство, интернационализм. Об этом тоже невольно вспоминаешь, осматривая залы нового музея. Ни одна малая нация или народность Российской Федерации не забыта на стендах экспозиции. И каждая являет яркое своеобразие бытующих у нее художественных промыслов и ремесел.

Чего стоят, к примеру, украшенные изящными охотничьими сюжетами костяные поделки чукчей, эвенков, манси, тончайшая выделка кож и меха у мордовцев, марийцев, татар, затейливо обработанные горцами камень, металл, шерсть. А все вместе создает захватывающее ощущение разнообразия и многогранности, широких перспектив этого бурлящего избытком сил и талантов праздника красоты. Да, да, праздника, потому что народное искусство всегда празднично, оптимистично по самой своей сути.

* * *

Пройдет какое-то время, и вы, побывав здесь однажды, непременно испытаете тягу опять прийти сюда, как в Эрмитаж, Третьяковку, Русский музей. Ведь потребность духовного общения при подобной встрече не бывает одноразовой...

Сто тысяч посетителей в год планирует принимать новый музей. Его недавно организованная закупочная комиссия уже загружена работой, активно насыщая музейные фонды. Несут на Делегатскую улицу бережно хранившиеся у них вещи любители старинного и нового рукомесла, разъезжаются по городам и весям научные экспедиции музея, чтобы лучшие образцы народного творчества украсили стенды экспозиции.

Не все тут просто. Специалисты спорят о принципах отбора экспонатов, пытаясь установить грань между подлинно художественными изделиями и ремесленными. Отделить одно от другого нужно в интересах повышения уровня продукции кустарных промыслов. Машинная технология заметно облегчила труд народных умельцев, но привела вместе с тем к утрате индивидуальной характерности, благородной соразмерности пропорций и деталей, которые достигались лишь на глаз, чутьем, ничем не заменимыми золотыми руками мастера. Они должны, обязаны быть сохранены, эти руки, и музей им первый, самый надежный помощник.

Его фонды, постоянная экспозиция и главным образом регулярные тематические выставки всего наиболее примечательного из того, что создается в разных уголках России сегодня, сейчас, как раз и призваны уберечь чистоту декоративно-прикладного и народного искусства от разлагающего влияния коммерческого «вала», а молодых способных художников от непроизвольного сползания к ремесленному штампу. Но опять-таки без добровольного содействия и понимания руководства кустарных промыслов, которые, как известно, находятся в ведении министерств местной промышленности, не обойтись. Нужно поощрять старейших мастеров, создавать благоприятные условия для их работы, готовить им достойную смену. Нужны увлекательная пропаганда в печати и по телевидению, забота партийных и комсомольских органов. Дело это общее, и местнические амбиции следует отбросить. А они подчас, увы, крайне мешают делу.

Вот, скажем, знаменитый музей народного творчества на улице Станиславского при НИИХП Министерства местной промышленности РСФСР. Музей с громкой историей и уникальными фондами, но практически не имеющий выставочных помещений. Почему же не предоставить ему их здесь, на Делегатской? Сколько радости и пользы принесли бы шедевры, извлеченные для всеобщего обозрения из пыльных запасников! Сами музейщики не видят к тому никаких препятствий, однако министерство, которому они подчиняются, считает иначе...

Со своими же ведомственными коллегами работники нового центра успешно налаживают тесные связи и сотрудничество. В ближайшее время они собираются показать у себя ряд любопытнейших коллекций музеев, которые лишены возможности их выставлять. Одна такая коллекция — фарфор и керамика из музея-усадьбы Кусково, вместе с аналогичными экспонатами гостеприимных хозяев, уже надолго обосновалась на Делегатской улице.

Обширной получилась эта экспозиция. Восемнадцатое столетие передает эстафету девятнадцатому. Плеяда одареннейших прикладников 20-х годов во главе с С. Чехониным обновляет вековые традиции Ломоносовского завода (тематические росписи этих мастеров по фарфору произвели сенсацию на выставке «Москва — Париж»). Под стать им произведения художников «Мира искусства», вещи, вышедшие из мастерских ВХУТЕМАСа...

Следующий большой раздел экспозиции — Дулевский, Конаковский, Дмитровский заводы в предвоенное десятилетие. Как и в предыдущем разделе, здесь находят отражение главные события индустриального строительства и культурной жизни, невиданный энтузиазм масс. А до чего хороши «Зимние забавы» (сервиз) А. Воробьевского, жанровые сцены Т. Безноловой-Михалевой, неожиданные цветовые композиции П. Леонова... Созвездие имен, парад талантов. Достаточно сказать, что на Конаковском заводе в те годы работал В. Фаворский.

Незабываемые 30-е стали также временем возрождения отечественного стекла. Его эволюцию демонстрируют произведения В. Мухиной и других наших корифеев, которым покорялась даже упрямая «венецианская нить». В следующем зале — снова фарфор, но уже 50-х годов. Большая Золотая медаль Всемирной выставки в Брюсселе сервизу Г. Альтермана «Шиповник» — далеко не единственное свидетельство международного признания представленных здесь шедевров.

Завершают экспозицию работы последнего десятилетия. Среди них и торжественный сервиз В. Городецкого «Петергоф», и трогательные скульптурные группы на темы театра А. Бржезицкой: «Принцесса Турандот», «Ревизор», и изобретательные эксперименты в смешанной технике, и, наконец, отдельный зал подлинного виртуоза Б. Смирнова, варьирующего в многофигурной композиции «Праздничный стол» (название следует понимать буквально) различные народные мотивы, а затем добивающегося шутливого оптического эффекта «Отражением» прозрачных чайников и самоваров.

Одна эта выставка всего лишь из двух собраний не уступит иному музею, а на очереди лаковая миниатюра, расписные подносы со всех концов России...

В год 60-летия образования СССР первая в ряду ей подобных выставка народного искусства Кабардино-Балкарии несколько месяцев гостила в уютном особняке на Делегатской улице. Ее посетили тысячи людей. Не меньший интерес вызвала выставка современного народного творчества Коми АССР, где экспонировались традиционные меховые ковры и инкрустации из меха, резьба по дереву, вышивки, вязания, национальные костюмы с характерной орнаментацией. Готовятся аналогичные смотры других автономных республик и областей, входящих в состав РСФСР, с последующей распродажей части экспонатов. Это, безусловно, послужит дополнительным стимулом, поднимет престиж местных умельцев.

Предусмотрены для них и персональные выставки, такие, как та, что проходит сейчас в музее у народного художника РСФСР и ЯАССР Т. В. Аммосова (резьба по кости).

* * *

...Обживается старинная усадьба в центре Москвы. Приспосабливаются под многообразные музейные нужды лабиринты комнат и коридоров. Казалось бы, места вдоволь. Но его уже не хватает, особенно если учесть, что в здании прописана пока еще пара организаций. Из-за этого музей не может воспользоваться для приема посетителей прекрасным парадным входом особняка, оборудовать новые демонстрационные залы. А как раз за счет их освоения планируется расширить постоянную экспозицию и тематические выставки, ибо фондовые поступления уже заметно превышают экспозиционные возможности.

Тесно хранилищу — святая святых всякого музея, тесно стремительно растущей реставрационной мастерской, которая тут не только придает поступающим вещам «экспозиционный вид», но и обеспечивает специфический режим хранения, надежную консервацию наиболее подверженных разрушениям экспонатов (надо ведь, например, уберечь мех или шерсть от вредителей).

Пока еще относительно свободны флигели, некоторые службы переводятся туда. А что будет потом, когда развернется целенаправленная работа по собиранию отраслевых коллекций?.. Думать об этом необходимо теперь.

Кстати, такие коллекции уже формируются. Главный хранитель музея Ирина Васильевна Гаврикова с вполне понятной гордостью показывала мне редкие образцы палехской миниатюры 20-х годов. Они были приобретены вместе с уникальными произведениями советского агитационного фарфора того же периода, принадлежавшими народному артисту СССР Л. О. Утесову. Соседние стеллажи занимают неповторимая ваза из яшмы с бронзой 40-х годов XIX века, предположительно Екатеринбургской фабрики, и первые вещи будущей коллекции уральского художественного литья с клеймом знаменитого Каслинского завода.

Однако и фабричные марки поскромнее, равно как изделия не слишком именитых кустарных промыслов, в их исторической перспективе представляют для музея немалую ценность, позволяя проследить судьбу многих традиционных народных ремесел.

Так, некогда в России было повсеместно распространено производство глиняной игрушки. Сегодня известны только несколько ее центров, и положение их неодинаково. Дымковская игрушка находится в расцвете, а филимоновская нуждается в срочном спасении. Костромская благодаря усилиям Художественного фонда стала понемногу оживать, но могла бы преуспеть больше. Сравнительно недавно возродилась каргопольская игрушка, абашевские же мастера работают давно и весьма плодотворно... Каждой области по плечу найти и поддержать имеющихся там способных умельцев.

Иначе обстоит дело с «хохломой». Два исконных центра ее производства в Горьковской области — село Семино и городок Семенов — пополнились ныне множеством предприятий, высыпавших, словно грибы после дождя, в самых разных местах и копирующих «хохлому» на потребу моде. Что ж, спрос рождает предложение. Другой вопрос, хорошо это или плохо. Мнения специалистов разделились. Проблема непростая, и сплеча тут рубить нельзя. Миграция промыслов существовала всегда, и те же столь популярные в наши дни жостовские подносы восходят к мало кому сейчас известным нижнетагильским.

Музей и его предполагаемый научно-исследовательский центр как раз и призваны установить четкие критерии оценки продукции современных кустарных промыслов, изучать и поддерживать своим авторитетом их удачные начинания, распространять накопленный опыт. Чтобы в итоге приобщить к сокровищнице народного искусства грядущие поколения.

●

У главного входа в новый музей * Н. Гончарова. Поднос «Нежность». Жостово * Е. Серова. Набор для кваса «Хохлома». Семино * Как встарь, рождается яркий ковер под руками народных мастериц * Л. Азарова. Шкатулка «Чаепитие». Гжель.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАКСИМА ТАНКА

ВЕРНОСТЬ СОСНАМ НАРОЧАНСКИМ

Как ждем мы в поэзии новых кумиров! Как забываем при этом сакраментальную истину, что внимательнее следует относиться к тому, что уже открыто, признано, что стало живым духовным потенциалом общества, истории, искусства. Ведь в этом «вчерашнем» — движение в завтра, ступень для новых открытий.

Мне почему-то думалось об этом, когда я с большим интересом перечитывал стихи Максима Танка, крупнейшего поэта Белоруссии, образованнейшего поэта нашего времени, чья высокая творческая культура общепризнана в читательском мире.

Оглядываясь на пушкинское сравнение поэзии с эхом, можно сказать, что слово Танка вмещает в себя все тревоги и радости жизни. Будучи сосредоточенным на самом себе, на своей уникальной жизненной и творческой биографии, Танк не замыкает творческое пространство только на своем «я». Он открыт для людей, где бы они ни были, на каком бы языке ни читали его стихов. Поэт всегда с тем, что рождается, а значит, против того, что отмирает. Когда читаешь стихи М. Танка, понимаешь, что человечество переживает сейчас, быть может, самую трудную, самую ответственную свою пору, что эпоха давит на человека с неслыханной силой. И что искусство, поэзия, слово могут помочь человеку выжить и победить. Нужно только быть верным надежде, будущему.

Я спросил человека,
Который прошел
Сквозь огонь,
И воду,
И медные трубы,
Что труднее всего.
И он ответил:
— Пройти через верность.

В другом стихотворении поэт говорит о своей любви к людям, «которые верят... в бессмертие отчего языка, в легенды народов, в братство, сближающее души».

Неожиданное признание о своем друге высказал в свое время Дмитрий Ковалев: он сказал, что в Танке сходятся все мировые загадки, правды и кривды, любви и дружбы. Вроде бы максималистское откровение, но вот что следует за ним: «И вдруг осенившее его сомнение в, казалось бы, уже неопровержимых истинах наводит его на мысль, что все надо самому решать заново и по-новому — и тогда каждый день его будет самым счастливым днем». Вся жизнь Максима Танка, если судить о ней по высокому счету служения людям, была насыщена «самыми счастливыми днями».

Биография поэта во многом уникальна, своеобразна. Он родился и вырос в озерном краю, в лесной поэтической стороне, среди «нарочанских сосен». Почти двадцать лет его народ, народ Западной Белоруссии, подвергался неслыханному насилию белопанской Польши. Белорусская культура начисто искоренялась. Но если бы даже возрожденная, а точнее, непобежденная, не давшая себя унизить белорусская речь родила бы только одного поэта Танка, история литературы сказала бы ей спасибо. Рано начав сочинять, Женя Скурко рано понял, что его жизнь, и жизнь родного угнетенного народа, и его поэзия одно и то же.

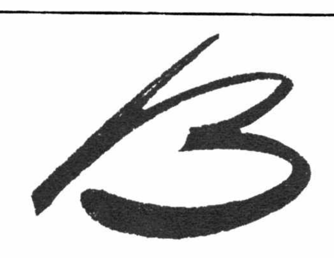
До выпуска первой книги стихов «На этапах» в 1936 году он уже сидел в тюрьмах, допрашивался, преследовался. А гонораром за издание снова стала тюрьма — шестимесячное заключение. Даже на книгу наложили арест. Еще бы, ведь она была полна таких поэтических «вольностей», как слова «острог», «кандалы», «этап», «сермяги»... Власти судили поэта не только за его слово — к тому времени Максим Танк был уже активным деятелем комсомола и партии.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба поэта, если бы не памятный день ноября 1939 года, когда Западная Белоруссия воссоединилась с семьей советских народов. Спустя десятилетия М. Танк выпустит в свет документ необыкновенной человеческой силы. Нет, не стихи, не поэму, но личный дневник, который он вел в мрачные годы истории родного народа, вел тайно, конспиративно, по всем правилам военного времени. Его страницы звучат сегодня как поэтический гимн мужеству и вере в завтрашний счастливый день. Первая запись «Листков календаря» датирована 7 января 1935 года: «Листки моего календаря переворачивает и треплет грозовой ветер. Некоторые из них я сам вырываю и уничтожаю. Трудно по такому календарю жить, еще труднее будет когда-нибудь воскресить минувшее... До полуночи осталось 15 минут. Интересно, сколько часов, ночей, дней, сколько еще лет до настоящего рассвета?» Последняя запись относится к радостным дням освобождения, в ней слова о Великой Октябрьской революции, о ее победном шествии по земле.

Много книг написал Максим Танк. Почти каждая из них была этапом в развитии белорусской литературы, а за книгу стихов «Нарочанские сосны» в 1978 году ему присудили Ленинскую премию. В книгу вошла вся жизнь и судьба поэта, его прошлое, его юность, годы борьбы, его поездки по свету, его вера в «людей, которые верят». М. Танк — поэт-романтик, поэт-лирик. Ищущий не только смысл, но и форму, неуспокаивающийся, новаторский. «Когда в Хароновом Бюрократическом ведомстве, Подводя черту Под чередой моих долгих лет, спросят: — А стоило жить? — Я отвечу, что стоило, Потому что я встретил тебя. А хотел бы я вновь вернуться? Откажусь. Потому что не в силах снова тебя потерять». Все стихи этой книги — клятвы верности Родине, музе, любимой женщине. И если от этой, быть может, самой главной книги Танка вернуться вновь к его первой книге «На этапах» и прочитать предисловие к ней Г. Ширмы, то вновь не обойтись без слова «вера». Ибо в предисловии сказано, что Максим Танк на поэтическом «небосклоне... сразу загорелся звездой первой величины... его талант поднимается к Великому Созвездию Купалы — Коласа».

Высокая литература, высокое искусство. И сегодня народный поэт Белоруссии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР Максим Танк хранит в себе вечный огонь поэзии. В этом огне — неизбывная верность «нарочанским соснам».

Феликс МЕДВЕДЕВ

Максим ТАНК

●

Мне когда-то вполне хватало
Анапестов, ямбов, хореев,
Классических
Размеренно-строгих строк.

А теперь я пишу в ритме
Своего аритмичного сердца,
В ритме
Земных событий.

Поэтому мои строки
Не созвучны
Ни танцам,
Ни романсам.
Они так же неуправляемы,
Как небесный гром,
Как подземный гул землетрясения,
Как сигнал тревоги.

ПРО ФИЛОСОФИЮ

«Из пустого не нальешь»,—
Говорил известный винокур,
Наш сосед Юрка.

«Лучше пригоршня дружбы,
Чем гора золота»,—
Часто повторял
Деревенский плотник Рыгор.

«Не бросай хлеб...
Гляди, как бы он тебя
не бросил»,—
Повторял взамен молитвы
Мой дедушка Федор.

«Если хочешь кому-нибудь
причинить зло,
Сотвори сначала добро»,—
Напоминал мне отец.

Не знаю, почему, изучая
философию,
Мы забываем этих
И других,
Безвестных, но выдающихся
Мыслителей.

●

Бог изобилия, не поскупись,
Пощедрее открой свои клады.
Озими, дремлющей чутко,
Дари снегопады,
Полю весеннему —
Радужные дождепады,
Летним ночам —
Фантастические звездопады,
Спелым садам —
Многошумные яблокопады,
Осени поздней —
Расцвеченные листопады.
Не для себя я прошу,
Ты пойми, всемогущий,
А для земли,

ритме сердца

Полыхавшей в огне
И в тревогах живущей.

●

Не верь даже верным подружкам
И зеркалу тоже не верь,
Что ты не такая, как прежде,
Что ты изменилась теперь.

Ведь я тебя вижу такой же,
Хоть много промчалось годов,
Какой ты явилась впервые
В сиянии райских садов.

Ты яблоко мне протянула,
В глаза поглядела светло,
Блудливому змею — на зависть,
Наивному богу — назло.

●

Сколько лет мы дружили,
Не расставаясь!
А теперь
Один стал памятником,
Другой — улицей,
Третий — кораблем...
Еще осталось
Несколько старых друзей.
Пожалуй, надо их навестить,
Уговорить не поддаваться
соблазну
Посмертной славы.

●

Жил кузнец умелый в нашем крае,
Но никто его не остерег,
Что, по свету белому блуждая,
Мастеров разыскивает бог.

Взял господь умельца, чтоб
метал он
В горной кузне молнию и гром,
Чтобы звезды выковал сначала
И подкову месяца потом.

Если нечто путное на свете
Сделаю, хоть сам того не ждал,
Вы для моего же долголетья
Воздержитесь лучше от похвал.

●

После каждого странствия
По нарочанским дорогам
и стежкам,
После свиданий
С этими живыми
Реками и озерами,
Полями и чащами,
После песен,
Исполненных жаворонками,
Ласточками,
Скворцами,
Я с трудом привыкаю заново
К телевизионным ландшафтам
И концертам,
Ибо все эти изображения,
Сопровождаемые звукозаписью,
Не более чем седьмая вода
на киселе.

ВОСПОМИНАНИЕ О КОРРИДЕ

Ну как, очутившись в Испании
Не во сне, а наяву,
Удержаться
От посещения корриды?

Это все равно, что, будучи в Риме,
Не побывать в Сикстинской
капелле,
В Японии не угоститься душистым
чаем
В обществе гейши,
В Нью-Йорке
Не пройтись по Бродвею,
В Египте не сфотографироваться
На фоне пирамид.

Поэтому, возвратившись домой,
Чтобы избавиться от бесконечных
вопросов,
Я решил описать корриду.
Верно говорят,
Что вся Испания — зачарованное
место.
И правда,
Где еще так запросто встретишь
Живого Колумба
И здравствующего Дон Кихота,
Святую Терезу
И земную Маху, запечатленную
Гойей,
Монаха, рожденного кистью
Эль Греко,
И трепетную голубку Пикассо?

Где еще увидишь
Столько толедских кинжалов,
Рыцарских шлемов, алебард,
Ладанок и крестов?
Словно благочестивое воинство
Снова готовится к битве
с неверными
Или только что возвратилось
Из походов средневековых.

Итак, я очутился
Вместе с лавиной туристов
На огромной арене,
Раскинувшейся от Пиренеев
До гибралтарской скалы.
Гул многоцветный и многоголосый
Заполнил окружье неоглядных
трибун.
В соседнем ряду
Поспорили два кабальеро
Из-за своей огнеглазой Кармен,
Которая улыбалась
Так молодо и белозубо,
Что я поспешил зажмуриться.

Слева сидели американки,
Увешанные ожерельями,
браслетами и клипсами,
Словно рождественские елки.
Справа целовались влюбленные,
До того увлеченные этим
занятием,
Что они проглядели мгновение,
Когда пошатнулась земля,
Когда разъяренный, черный
Бык андалузский рванулся
Навстречу своей судьбе.
Все воедино смешалось:
Пикадоры, бандерильеры,
Чернота быка
И багрянец мулеты.
Казалось, на этой арене
Продолжается извечная схватка
Красного с черным,
Черного с красным.

И снова ожили перед глазами
Мои незабвенные сверстники,
Соратники и земляки,
Которые пали когда-то
На берегах Эрбо,
В горах Астурии и Эстрамадуры,
У стен Мадрида
И на дороге, ведущей в Уэску.

Испания,
Ты — незажившая рана,
Которая вновь открылась
И кровоточит, как прежде,
Словно махровым розам,
Которые я возложил
На скромное братское надгробье,
Не хватает багрянца.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

«Дядя, сколько солнц на свете?»—
Спрашивают меня дети.
Говорю: «Одно». Не верят.
«Не одно!»
Но почему же?
Дождь прошел. В районном
сквере
Блики солнца — в каждой луже.

●

Говорят, что в давние времена
Некий герой, оседлав орла,
Отправился на поиски счастья,
И, не зная, чем подкормить
Стремительно летящую птицу,
Отдавал себя орлу по частям.

Не понимаю тех,
Кто категорически утверждает,
Что это всего лишь
Сказка.

●

Взгляни-ка на небо.
Видишь?
Звезды и сегодня перемигиваются,
Как некогда мы
Перед первым поцелуем.

Только, пожалуй, у них
Больше времени и терпения,
Чем у нас, грешных.
Мы с тобой уже нянчим внуков,
А они по-прежнему
Перемигиваются
Попарно.

●

Я укрылся от ливня
В придорожной часовенке,
Всеми забытой,
И вдруг увидел
Израненного Христа.
Должно быть, он стал жертвой
Дорожной аварии.
Я вызвал «Скорую помощь»
И автоинспекцию.
Со слов потерпевшего
Записали фамилию
Некоего Понтия Пилата.
Но, поскольку выяснилось,
Что авария произошла
В незапамятные времена,
Дело было передано
Реставраторам.

●

Бывают счастливцы,
Которые успевают
Вовремя подвести
Жизненные итоги.

А у меня осталось
Множество неотложных,
Множество незавершенных
Дел...

Оттого и тревожусь,
Как бы до срока
Не разбудили ранние петухи
Дремлющего за Стиксом
Лодочника Харона.

●

Только тогда,
Когда ранние птахи,
Мотыльки и работящие пчелы
Раскрасили луговое разнотравье
В свои любимые цвета,
Проснулся шмель
И загудел недовольно:
— Все не так...
Ну, совсем не так...
Буду сейчас перекрашивать.

●

Пожалуйста, напомни мне,
Чтобы я своевременно
Перечеркнул все личные обиды,
Вытряхнул из подвалов памяти
Все слова, утратившие ценность,
Сдал в комиссионный магазин
Все лавровые венки,
Юбилейные бокалы и елейные
речи,
Осмотрел свою шинель
И бывалые сапоги
Перед новой дорогой,
Перед испытаниями,
Возможно, ожидающими нас.

Об этом надо напоминать
Почаще.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

ЕФРОСИНЬЯ ВИКЕНТЬЕВНА И ЕЕ ЛЮБИМАЯ ПОДРУГА НЮРА

Любовь ЮНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Утром Ефросинья Викентьевна уже не вспоминала о своих вечерних мыслях. Надо было кормить мужа, Вику, приготовить им еду на вечер, потому что сама после работы собиралась посетить любимую подругу.

Мужу Аркадию была зажарена на ужин большая свиная котлета с рассыпчатым рисом, который он любил. Сыну приготовлены два маленьких творожника с вареньем. Блюда были разложены в две сковородки. Сковородки поставлены в холодильник. Аркадию предстояло лишь разогреть еду.

— Я возьму с собой пингвина,— твердо сказал Вика.

Ефросинья Викентьевна вопросительно посмотрела на мужа. Она готова была разрешить взять игрушку, но у Аркадия порой возникали свои соображения по поводу воспитания сына. Вика был немножко зазнайка. И повинна в этом была его мать. Она иногда ходила в форме, в связи с чем ребята побаивались ее. Хоть и тетенька, но милиционер. Все это давало Вике повод задирать нос и держаться в саду нахально.

— Зачем ты потащишь его в сад?— спросил Аркадий Вику.

— Ему дома одному скучно будет. Он ведь здесь еще ничего не знает.

Аркадий некоторое время молча думал.

— Жалко тебе его?

Тут Викентий допустил промашку:

— Жалко... И ребят жалко. Они ж никогда пингвина не видели. Пусть поиграют.

— Я думаю,— сказал Аркадий,— пусть он посидит дома. Он устал. Путь у него был долгий. А ребята его утомят еще больше.

Вика молча потащил пингвина в комнату, огорчаясь, что хитрый отец опять его перехитрил.

Забросив Викентия в сад, Ефросинья Викентьевна села в троллейбус и стала думать об Усикове. Она вспоминала обстановку его квартиры. То, что она видела, не говорило о большом достатке, чувствовалось, что каждая копеечка на счету и бережется. Пожалуй, если прикинуть, Усиковы жили только на зарплату. Но откуда тогда эти двенадцать тысяч?

Те, кто проходил с Усиковым по делу, тоже не держали больших денег ни дома, ни, уж конечно, на сберкнижках. Но в квартирах были богатая мебель, посуда, ковры, драгоценности, у иных и машины. Одни грузчики говорят, что Усиков брал, другие — что не знают. Но конкретные факты привести никто не мог, хотя на очных ставках утверждают: брал. Все брали, почему же Усиков должен отказываться от шальных денег? Почему он так упорствует, думала Ефросинья Викентьевна, почему выдвигает такую глупую, наивную версию, как наследство?

...После работы Ефросинья Викентьевна отправилась к Нюре, которая по-прежнему жила с теткой на Молчановке в старом желтом особнячке с облезлыми белыми колоннами. Вход в него был из маленького дворика, где зимой и летом сохли на веревках простыни.

Дверь Ефросинье Викентьевне открыла Нюра, одетая в какое-то немыслимое японское кимоно, разрисованное цветами, птицами и еще бог знает чем.

— Ого! — сказала Ефросинья Викентьевна, оглядывая подругу.

— Вот тебе и «ого»! Сегодня в комиссионке из-под полы достала. Есть будешь? Имеется борщ.

— Кто варил?— спросила Ефросинья Викентьевна.

— Значит, борщ не будешь,— констатировала Нюра.— Тогда я дам тебе колбасы. А вообще ты зря, борщ довольно вкусный.

Ефросинья Викентьевна покачала головой. Знала она Нюркину стряпню. Там, в своих экспедициях, она привыкла готовить не обед или ужин, а просто еду, то есть валила в котел все подряд, что было под рукой. Готовить она никогда не умела, потому что этим всегда занималась тетка, математические формулы не убили в ней интереса к жизни, который проявлялся главным образом в гурманстве. Тетка любила вкусно поесть, любила готовить.

Нюра же, освоив походный способ приготовления пищи, переучиваться не желала. Соскучившись в экспедиции по острому, в Москве она без нормы сыпала в кастрюли перец, лила уксус, томаты... Она всегда варила одно и то же варево, но чтобы соблазнить тетку, называла его по-разному: когда щами, когда борщом, когда лапшой. Ни тем, ни другим, ни третьим оно, конечно, не было. Но гурманке тете Томе Нюрина еда, как ни странно, нравилась. Впрочем, может быть, она лукавила, чтоб не огорчать племянницу.

Нюра повела Ефросинью Викентьевну в кухню, усадила за стол, стала резать хлеб.

— Еще я купила сегодня сапоги. Безобразные такие, гармошкой. И со шпорами,— говорила Нюра,— последний писк моды. И фату купила. Правда, я дура?

— Ну почему же,— сказала Ефросинья Викентьевна таким тоном, что непонятно было, то ли она возражает, то ли соглашается.

— Косте сапоги понравились,— продолжала Нюра,— а вот тете Томе Костя не нравится. Боюсь, что она опять захочет наступить на горло моей песне. Боюсь, что аспирантку, которая пожертвует математикой ради личного женского счастья, она выдумала и скорбит сейчас по мне.— Она перестала резать хлеб, и выражение лица у нее вдруг стало отрешенное.— А больше всего, Ефросинья, боюсь, что он меня разлюбит.

Ефросинья Викентьевна медленно покачала головой и так же медленно сказала:

— Нет, Нюра, не разлюбит. Нельзя тебя разлюбить, если уж полюбишь. А он тебя любит... Я поняла это вчера.

— Правда?

— Я даже позавидовала вам. У нас с Аркадием совсем не то.

— Ты его просто затюкала...

— Я?— Ефросинья Викентьевна так изумилась, как, наверное, не изумлялась ни разу за все свои тридцать два года жизни.

— Именно ты! Не жизнь в доме устроила, а какой-то свод законов. Криминалистка несчастная.

В дверь позвонили. Нюра побежала в коридор открывать. Вошла она с Костей, который в обеих руках держал ворох свертков.

— Ефросинья Викентьевна, рад вас видеть! Ну, Нюра, задала ты мне задачу. Я двадцатку на такси проездил, пока все твои поручения выполнил.

— Я мотовка, ты мот. Мы ж по миру с сумой пойдем, Костенька,— притворно поохала Нюра, но синие глаза ее так и светились счастьем.

— Батареи к фонарю не нашел, но зато купил транзистор.

— Для чего?— удивилась Нюра.— А! Догадалась. Мы вынем из него батарейку и вставим в фонарик. Какой ты предприимчивый у меня, Костя! Борщ будешь?

— Конечно,— ответил Костя,— есть страшно хочется.

Нюра поставила перед ним тарелку, села напротив и стала глядеть, как он ест. Она сидела чуть пригорюнившись, и Ефросинья Викентьевна вдруг вспомнила давно читанный где-то рассказ, как жена кормила любимого мужа. Та тоже сидела почему-то пригорюнившись. И Ефросинья Викентьевна рассмеялась.

— Чего смеешься?— спросила Нюра.

— Нравишься ты мне в новой роли. Какая-то ты стала, не знаю, как объяснить, круглая, что ли.

— А вы правы, Ефросинья Викентьевна,— заметил Костя.— С моей точки зрения, круг — это самая совершенная форма. В прямой есть незаконченность. Счастливые люди должны быть круглыми.

Ефросинья Викентьевна смотрела на любимую подругу и тихо радовалась ее счастью. Костя ел борщ с удовольствием, видно, он действительно ему нравился. Тихонько пел новенький транзистор.

— А шампанского дашь?— спросил вдруг Костя.

— С какой стати?— удивилась Нюра.

— Когда я тебя вижу, во мне сразу возникает праздник.

— И ты хочешь залить его шампанским? Не стал бы ты алкоголиком за нашу долгую счастливую жизнь!

— Не жадничай,— попросила Ефросинья Викентьевна,— тащи шампанское. И зови тетю Тому.

— Не трогай ее. Пусть домозговывает свои козни.

Но тетя Тома сама заявилась на кухню. Преувеличенно любезно поздоровавшись с Ко-

Окончание. См. «Огонек» № 36.

стей, она сердито заметила Ефросинье Викентьевне:

— И ты пьянствуешь?

— Тетя Тома, бокал шампанского даже в радиопередачи просачивается. Хотя у них не в пример телепередачам жесткий сухой закон.

— Ну, ну.— Тетя Тома, надменно поджав губы, поправила пенсне.— Налей и мне, племянница. Выпью!

Нюра, чуть улыбаясь, особенно тщательно протерла хрустальный бокал. Костя наполнил его.

— Твое здоровье, тетя Тома! Надеюсь, на этот раз ты не наступишь на горло моей песне?— В присутствии подруги Ефросиньи Викентьевны Нюра всегда была чуточку наглее, чем на самом деле.

— Не думайте же, уважаемый Константин Константинович, что берете в жены бог весть какое сокровище,— сказала тетка.— Нюра легкомысленна,— продолжала тетка,— скорее даже пустовата, ее геологические таланты преувеличены, просто она везучая... Думаете, спроста ее замуж до тридцати двух лет никто не брал?— Тетка вопросительно посмотрела на Костю. Тот молчал.— Кроме того, Нюра мотовка. Посмотрите, какой она купила халат. Что может делать женщина в таком халате? Только лежать на диване. А жена должна шустрить по дому.

— Ой,— сказала Нюра,— где ты такому слову научилась?

— Какому?

— «Шустрить»!

Не ответив, тетка продолжала:

— Не уважает старших, заметили, Константин Константинович?

— Хулиганка ты, тетя Тома!— грустно заметила Нюра.

— И это награда за все мои труды?— Тетка сняла пенсне, щурясь, поглядела на Нюру.— Не порти со мной отношения, я еще тебе при-

гожусь, хотя заранее предупреждаю, внуков нянчить не буду. Ладно, пируйте дальше, я спать пойду, у меня голова разболелась.

И тетка удалилась.

— Не удивляйтесь,— сказала Ефросинья Викентьевна Косте,— тетя Тома любит изображать из себя взбалмошную особу.

— Да, кстати, Костя,— заметила Нюра,— в министерстве я сегодня видела Лаврова.

— Ну и что?— Костя как-то настороженно посмотрел на Нюру.— Ты с ним разговаривала?

— Нет. Он меня или не заметил, или сделал вид, что не заметил. Юркнул в туалет.

— Кто это Лавров?— спросила Ефросинья Викентьевна.

— С нами был в экспедиции. Геолог... Молодой парень, в тайге первый раз. Трудная была эта экспедиция...

Костя задумчиво разглядывал свой бокал с шампанским. Грани старинного хрусталя сверкали, искрились, точно бенгальский огонь.

— Мы пошли в очень сложный маршрут втроем: я, Костя и Лавров. В дороге Лавров заболел, и Костя разрешил ему взять лодку и вернуться на базу, с тем чтоб на этой лодке к нам послали другого человека.

Костя поставил бокал на стол. Блеск граней погас.

— Придется все-таки сказать тебе. Я не отпускал Лаврова. Он сбежал и украл лодку.

Нюра схватила сигарету, стала прикуривать, пальцы ее дрожали.

— Я подозревала это.— Она стукнула кулаком по столу.— Какая сволочь! Почему ты там скрыл это от меня?

Костя помолчал.

— Понимаешь, быть мужественным легче, когда знаешь, что это во имя чего-то. Но труднее быть мужественным, когда ты испытываешь лишение оттого, что подлец украл у тебя лодку, продукты, компас.

Нюра вдруг заплакала:

— Какая сволочь, какая сволочь! Представляешь, Ефросинья, я вообще не знаю, как мы остались живы! Он забрал с собой большую часть продуктов, ружье, патроны! А у нас и так было немного. Мы ушли-то всего на неделю. Зачем он это сделал, Костя? И про приступ язвы он тоже наврал?

— У него действительно язва,— хмуро ответил Костя.

— Мы были без компаса, но могли бы вернуться пешком, берегом реки. Однако мы решили сначала закончить работу. Оставалось совсем немного. Но тут случилась беда — мы заблудились. Две недели кружили по тайге, голодные, как звери, пока нас не нашли. Ужас!— Нюра рассказывала это Ефросинье Викентьевне, поминутно утирая слезы.

— Не плачь, успокойся. Чего теперь плакать, когда все позади,— утешала ее Ефросинья Викентьевна.

— В тайге она ни разу не плакала,— удивленно сказал Костя.

— Когда по-настоящему плохо, она не плачет, а вообще рева, глаза на мокром месте. Она с детства такая.

Нюра перестала плакать, сжала кулачки.

— Его надо судить. Ты сообщил руководству?

— Нет.

— Завтра же...— начала было Нюра.

— Нет,— жестко сказал Костя,— ни завтра, ни послезавтра... Я не буду сообщать руководству. Останется старая версия — я его отпустил.

— Ты что,— задохнулась от злости Нюра,— ты с ума сошел?

— Просто он перейдет на другую работу и никогда больше не поедет ни в одну экспедицию. Он толковый малый.

— Хорошо! Тогда я сама напишу докладную.

Костя погладил лежавшую на столе смуглую Нюрину руку:

— Что ты знаешь о Лаврове?

— Что он трус и подлец.

— У Лаврова в авиационной катастрофе погибли родители. Он вырос в детдоме. У жены открытая форма туберкулеза. Ребенку четыре года. Да, он трус, согласен! Да, то, что он сделал, подло! Но он действительно болен, он испугался, что умрет без врачебной помощи, он испугался, что умрет!.. Что будут делать его жена и ребенок? Он первый раз в тайге и не знает ее законов. Он считал, что тайга — это обыкновенный лес, а мы старые таежные волки и легко обойдемся без компаса. Он боялся, что я его не отпущу. И сбежал...

— Как ты можешь его защищать, Костя?— тихо спросила Нюра.

— Я не защищаю, я объясняю. Прежде чем осудить, надо разобраться, что толкнуло человека на поступок. Пойми, если б не больная жена, он не стал спасать свою шкуру.

Молчавшая до сих пор Ефросинья Викентьевна подала голос:

— Вы уверены, что благородными причинами можно оправдать преступление? Или точнее, что благородство может быть причиной преступления? А если б вы погибли?

— Но мы ж не погибли!— Это сказала Нюра.

Возвращаясь домой по сонной, темной Молчановке, Ефросинья Викентьевна обдумывала только что услышанный разговор. Она не была согласна с Костей, категорически была не согласна. Но его точка зрения что-то поколебала в ней, вселила какую-то неуверенность в ее постоянную правоту. О муже своем Аркадии она думала: что-то происходило между ними, нарушилась какая-то целесообразность их взаимоотношений. Об Усикове думала...

Аркадий не спал, лежал в столовой на диване и читал английскую книжку. На обложке была изображена голая дива с безумным взглядом и с пистолетом в руках.

— Детектив?— спросила Ефросинья Викентьевна.

— Избави боже! Разве мужу сыщицы приличествует читать детективы? Это очень интересные исследования одного американского психиатра.

— А девица?

— Надо полагать, сумасшедшая... Как погостила?

— Тетка устроила спектакль и насмерть перепугала Костю. Что Вика?

— А что Вика? Ничего! Поиграли с ним в дочки-матери...

Ефросинья Викентьевна присела на краешек дивана и стала рассказывать о злоключениях Нюры и Кости в тайге, о том, как Костя оправдывал поступок Лаврова.

— Я всю дорогу думала об этом. Нет, не могу я понять, как можно совершить такую подлость! Бросить товарищей... Ведь есть же не только любовь, но есть и долг!

— А что важнее?— спросил Аркадий, насмешливо глядя на жену.

— Почему ты смеешься?

— Ну просто удивляюсь, что тебя занимают такого рода проблемы.

— А почему они не должны занимать меня?

— Любимая моя жена, они не должны занимать тебя, потому что ты самая правильная женщина на свете. И заранее все знаешь. И знаешь лучше всех...— Он вскочил с дивана.— Ложись спать, мыслитель!

Ефросинья Викентьевна обиделась и, ложась спать, не сказала своему мужу Аркадию, как обычно, «спокойной ночи». Но он, кажется, этого даже не заметил.

Утром, едва войдя в свой служебный кабинет, Ефросинья Викентьевна позвонила жене Усикова Раисе Матвеевне и попросила ее немедленно прийти. Она не могла точно объяснить, зачем ей понадобилась Раиса Матвеевна, трудно было предположить, что та может дать какие-нибудь важные показания. Тем более что Ефросинья Викентьевна видела ее во время обыска и поняла, что она мало что знает о делах мужа. Так она была растеряна, так искренне потрясена арестом мужа, с такой готовностью все показывала, что было ясно: в этом доме ничего не прятали. Ефросинья Викентьевна спросила тогда, есть ли у нее золото. И она ответила: «Да, да, колечко» — и стащила с пальца дешевенькое обручальное кольцо. Она даже не сказала, что пианино куплено на ее страховку, и безропотно подписала документ об описи имущества. Про страховку на допросе сказал Усиков.

Но Ефросинье Викентьевне запали в голову слова мужа о том, что, может быть, Усиков прятал деньги от жены, а также произвела на нее впечатление услышанная вчера история о Лаврове и его больной жене.

В дверь постучали.

— Войдите,— сказала Ефросинья Викентьевна.

— Меня вызвали к следователю Кузьмичевой.

— Садитесь, это я.— Ефросинья Викентьевна оглядела Усикову. У нее было милое смущенное лицо и пушистые волосы, заколотые по-старинному в пучок на затылке.

Усикова остановилась против стола, прижимая к груди старенькую черную сумочку. Такая же сумочка, вспомнила Ефросинья Викентьевна, была у ее мамы лет пятнадцать назад. Но эта, видимо, очень береглась и там, где кожа стерлась и побелела, старательно была замазана гуталином.

— Садитесь,— предложила Ефросинья Викентьевна.

Усикова села, продолжая обеими руками прижимать к себе сумочку.

— Скажите,— спросила Ефросинья Викентьевна,— сколько денег у вас на сберкнижке?

— Шестьсот двадцать пять рублей,— ответила та, не задумываясь.

— Но при обыске вы эту сберкнижку не предъявили и обнаружена она у вас не была. Где она?

Женщина покраснела, опустила голову и стала пальцами теребить свою сумочку, которую теперь положила на колени.

— Вы могли бы показать мне эту сберкнижку?

Усикова молчала.

— Почему вы не отвечаете?

— Я не знаю, где она.— В голосе ее послышались слезы.

— То есть как? Вы потеряли ее?

— Нет.— Она все гладила и гладила пальцем сумочку, и он стал у нее совсем черным.— Понимаете, мне не хочется говорить об этом, но дело в том, что Алеша забрал ее у меня.

— Кто это Алеша?

— Муж...

Ефросинья Викентьевна чуть не поперхнулась. Усиков, оказывается, Алеша! И тут вдруг впервые для себя осознала, как однобоко она, в сущности, смотрит на вещи. Да, для нее Усиков — подследственный, а для этой женщины с пушистыми волосами он любимый муж Алеша. Она не находит оправдания поступку Лаврова, а вот Костя находит. Она заставляет Аркадия мыть посуду, когда ему не хочется или некогда, раз это *его* обязанность, но, тут же подумала Ефросинья Викентьевна в оправдание себе, свои-то обязанности она выполняет честно. Но тут она вспомнила вчерашний свой разговор с мужем и накануне, когда он не ответил на ее вопрос, любит ли он ее, и ей стало тоскливо. Ефросинья Викентьевна вздохнула, посмотрела на сидящую перед ней Раису Матвеевну Усикову и вернулась к действительности.

— Зачем же он взял у вас сберкнижку? — спросила она.

— Видите ли, у меня было больше денег, восемьсот рублей.

— Сбережения?

— Это тетя умерла и мне оставила.

На душе у Ефросиньи Викентьевны стало светлее. Наследство! Опять наследство! А она-то, дура, занялась психологическими исследованиями, дабы докопаться до правды. Усомнилась в своей правоте...

— Значит, тетя? — усмехаясь, переспросила Ефросинья Викентьевна.

— Да, тетя,— простодушно подтвердила Усикова.— Она меня вырастила. Отец умер, мама замуж вышла, а отчим меня не любил. Вот тетя и взяла меня к себе. У нее, кроме меня, никого не было. Я ей за дочку стала. Ну, вот поэтому деньги мне и оставила.

— Это понятно,— перебила ее Ефросинья Викентьевна.— Но зачем у вас муж книжку взял? Она же на ваше имя.

— Да, да. Но тут, понимаете... Мне всегда не хватало денег до получки, и я брала с книжки то пять рублей, то десять, то пятнадцать. А Алеша сказал, что я так все растранжирю, по мелочам. И что пусть книжка у него будет спрятана, иначе я все равно не удержусь...

— Заботливый муж,— усмехнулась Ефросинья Викентьевна.

Усикова не поняла насмешки.

— Да, Алеша — очень хороший муж и отец хороший. Все в дом, в дом. Не пьет, не курит.

— А когда муж забрал у вас книжку?

— Я сейчас уж и не помню точно.

Ефросинья Викентьевна открыла папку. Ей было ясно, что Усиков заодно со своими спрятал и сберкнижку жены, чтоб не узнали, что у них есть деньги. Быстро пробежав глазами строчки, Ефросинья Викентьевна изумленно остановилась на тех, из которых явствовало, что Усикова почти ежемесячно снимала со своего вклада то десять, то пять рублей. Самое удивительное было то, что делать она это перестала за полгода до ареста мужа. Значит, она сказала правду. Это потом он спрятал ее книжку вместе со своими.

— Ответьте мне еще на один вопрос,— медленно сказала Ефросинья Викентьевна,— а у вашего мужа сколько было денег на книжке?

— У Алеши не было сберкнижки.

— Вы уверены?

— Ну, конечно, откуда... Ведь у нас семья. Двое детей...

— А если я вам скажу, что у вашего мужа были книжки, на которых сбережений двенадцать тысяч рублей?

Кровь как-то мгновенно разом прилила к ее лицу, она протянула вперед руку, как бы защищаясь.

— Нет, нет, нет! Что вы говорите, это невозможно!

— У вашего мужа двенадцать тысяч рублей...

Она быстро-быстро закачала головой.

— Это неправда... Этого не может быть... Вам сказали неправду.

— Вы знали мать своего мужа?

— Нет. Мы познакомились с Алешей после того, как она умерла.

— Он рассказывал вам о ней?

— Немного.

— А что он говорил?

— Говорил, что она была добрая, красивая.

— Что осталось после ее смерти? Я имею в виду имущество...

— Я не знаю... Я не интересовалась... Знаю, что дом был, что его продали...

— Деньги поделили между всеми детьми?

— Не знаю.

— А он вам что-нибудь об этом говорил?

— Я не спрашивала. И разговор у нас никогда об этом не заходил...

Ефросинья Викентьевна протянула Усиковой протокол допроса. Та, не глядя, поставила свою подпись.

— Прочтите же,— сказала Ефросинья Викентьевна.

— Зачем? Вы же не напишете того, что я не говорила.

— Все же прочтите. Таков порядок.

Усикова прочла, а скорее сделала вид, что прочла, вряд ли она сейчас что-нибудь видела.

— Можно идти?

Ефросинья Викентьевна кивнула. Усикова дошла до двери, взялась за ручку, оглянулась. Глаза ее смотрели умоляюще.

— Вы... простите меня... Вы нарочно сказали про то, что у Алеши так много денег?

— Нет, я сказала правду,— жестко ответила Ефросинья Викентьевна.

Она вышла, а Ефросинья Викентьевна оперлась локтями о стол, обняла ладонями щеки. Думала она долго, но так ни до чего и не додумалась. Потом пошла к руководству и попросила послать ее на несколько дней в Иркутск, откуда был родом Усиков.

...Когда Ефросинья Викентьевна вышла из лифта, она услышала, что из ее квартиры рвется дикая джазовая музыка. Муж Аркадий джазовой предпочитал музыку симфоническую. Из этого Ефросинья Викентьевна заключила, что у нее в гостях любимая подруга Нюра. Она открыла ключом дверь, сняла пальто, заглянула в комнату. В этом гаме никто и не услышал, как она вошла. Впрочем, все были так увлечены своими делами, что, может быть, и при полной тишине никто не обратил бы на нее внимания. Костя и Аркадий, как изваяния, застыли над шахматной доской. А Нюра и малолетний Викентий, повизгивая, правили шабаш посреди комнаты, выплясывая какой-то немыслимый танец.

Немногочисленный хрусталь Ефросиньи Викентьевны жалобно тренькал в серванте, осколки фарфоровой вазочки валялись в углу.

Всем было очень хорошо, и Ефросинья Викентьевна, подумав с печалью, что она в этой компании лишняя, ушла в спальню, закрыв за собой дверь. Она стала смотреть на себя в зеркало и думать, почему ее сын Вика никогда с ней не пляшет. Потом она стала думать о кимоно, которое купила Нюра, и о сапогах со шпорами. Ей никогда в голову не приходило купить сапоги со шпорами. Муж Аркадий перестал отвечать на ее улыбки, может быть, оттого, что ходит она постоянно в темном свитерочке и только длину юбки соизмеряет с модой. И ресниц она не красит, Нюрка так свои вон как насандалила.

Ефросинья Викентьевна открыла шкаф, вытащила платье, которое она шила к своему тридцатилетнему юбилею. Оно было синее, отделанное белым кружевом, и очень шло тогда Ефросинье Викентьевне. Задумчиво переодевшись в это красивое платье, так же задумчиво она начесала волосы, сделала высокую прическу, густо накрасила ресницы. Оглядела себя в зеркале и не узнала. Да и можно ли было узнать в этой томной красавице капитана милиции Кузьмичеву или нудную Ефросинью Викентьевну, которая с первого дня супружеской жизни поделила все домашние обязанности со своим мужем? Сейчас это была Фросенька, Фрося, Фро, обаятельнейшая из женщин.

Так же томно улыбаясь, она вышла из спальни, вошла в комнату, где гремела музыка, незамеченная, подошла к магнитофону и выключила его.

Неожиданная тишина всех как-то даже испугала. Костя и Аркадий подняли головы от шахмат и стали озадаченно глядеть друг на друга. Нюра и Вика еще несколько секунд топтались, но потом начали озираться.

— Мама? — вопросительно сказал Вика. Он узнавал и не узнавал мать.

— Ой! — вскрикнула Нюра, всплескивая руками.— Когда ты пришла? Мы и не заметили! Ой! Какая ты красивая! Где ты была? Ой! Костя, смотри, какая она красивая!

— Я улетаю завтра в Иркутск,— сдержанно улыбаясь, сказала Ефросинья Викентьевна.

— В таком виде? — сурово спросил Аркадий.— С кем?

— Да отстань ты от нее! Просто она хочет танцевать. Давайте втроем.

— Моя жена Ефросинья Викентьевна никогда не одобряла диких плясок,— заметил Аркадий, ухмыляясь и тем самым становясь похожим на цветущий подсолнух.

— Включай магнитофон, Вика,— приказала Ефросинья Викентьевна.— Будем плясать втроем...

Самолет из Иркутска прибыл в двенадцать двадцать по московскому времени. Ефросинья Викентьевна не любила встреч и проводов, поэтому на аэродроме ее никто не ждал. Она села в такси и поехала прямо на работу. Сбросив пальто у себя в кабинете и вытащив толстую пачку бумаг из портфеля, она сразу пошла к начальнику отдела полковнику Гурину, положила на стол бумаги. Тот, надев очки в тонкой оправе, начал читать. Дочитав до конца, сказал:

— Не может быть!

— Я тоже так думала. А наследство было, и деньги были. Все было... От жены скрывал. Нравилось ему на мешке денег сидеть. Ведь даже деньги жены от нее спрятал, чтоб не тратила.

— Патологическая жадность... А ты молодец, Ефросинья Викентьевна, усомнилась. А то я последнее время забеспокоился о тебе, какая-то ты уж очень правильная стала. Опасно считать себя самым правильным человеком, душу утратить можно. Молодец, порадовала!

Ефросинья Викентьевна сидела, потупив взор, она очень любила похвалу.

— Усикова освобождай.

— Есть, товарищ полковник.

С нетерпением ждала на этот раз Ефросинья Викентьевна встречи с Усиковым. Все-таки, что ни говори, дарить радость всегда приятно, а капитану Кузьмичевой достаточно редко это удается.

Усиков пришел еще более осунувшийся, серый, опять косенько поклонился, бочком как-то подошел к столу.

— Здравствуйте, Усиков,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Как поживаете?

Усиков молча вздохнул, пожал плечами.

— Я была в Иркутске, была в вашей деревне. Собрала доказательства, что деньги ваши не из мясокомбинатовских источников. Поскольку прямых доказательств, что вы брали взятки, у меня нет, принято решение об освобождении вас из-под стражи. Вот документ. Прочтите и распишитесь.

Усиков спокойно взял бумагу, прочитал, расписался, потом спросил:

— А деньги?

Капитан Кузьмичева не сразу поняла, о чем он говорит. Какие деньги? С человека снято обвинение, а он о деньгах?

— А деньги мне вернут?

Наконец Ефросинья Викентьевна сообразила, что он ведет речь о своих тысячах, и даже вздрогнула от отвращения. Из-за этого скупердяя, который даже от собственной жены скрывал, какой он богач, Ефросинья Викентьевна помчалась на край света, бросив только что приехавшую любимую подругу, малолетнего сына оставила на мужа Аркадия, который совсем перестал в последнее время ей улыбаться. А он вместо благодарности снова про свои деньги, которые и так чуть было не погубили его.

— У вас ведь целы сберегательные книжки. По ним и получите. Если же книжки пропали, то в общем порядке выясните в сберкассе. Желаю удачи.— Ефросинья Викентьевна с плохо скрытым презрением поглядела на Усикова.

Усиков поднялся, поклонился, пошел к двери, там затоптался, потом, почти не оборачиваясь, пробормотал:

— Спасибо вам, товарищ следователь. Такой вы человек... Уж такой человек...

И, словно застеснявшись, резко рванул дверь.

— Усиков,— крикнула ему вслед Ефросинья Викентьевна,— послушайте, Усиков!

Он вернулся.

— Что с деньгами будете делать? Неужели опять мариновать?

— Не,— мотнул он головой,— все Рае отдам. Пусть что хочет делает. Я потому и спросил вас про деньги, что хоть чем-то отблагодарить ее хочу. Ведь не бросила меня. Все последнее на посылки извела. А у ней зарплата сто рублей...

И он исчез за дверью. А Ефросинья Викентьевна стала собираться домой, потому что рабочий день был на исходе.

Она вышла на улицу, постояла минуту у подъезда, а потом ноги ее почему-то пошли не к метро, которым Ефросинья Викентьевна добиралась обычно до дома, а к троллейбусу, на котором она ездила за Викой в детский сад. Абсолютно незачем было ехать Ефросинье Викентьевне в детский сад. Согласно правилам, ею же выработанным, за ребенком должен приезжать отец. Но сегодня Ефросинья Викентьевна не думала о том, что́ правильно, а что́ неправильно, ей просто хотелось поскорее увидеть своего сына Викентия и мужа Аркадия, смешливого, чуть легкомысленного, с ее точки зрения, человека.

Что-то разрушилось за последние дни в ее жизни и что-то родилось новое. Она еще не разобралась в этом, и, как ни странно, ей не хотелось размышлять на эту тему.

Еще издали она увидела, как они выходили из ворот, оба Кузьмичева, большой и маленький. Маленький волок по земле большого плюшевого пингвина. Вика первый увидел мать.

— Мама,— запрыгал он и повис у нее на шее.— А папа сегодня пингвина мне разрешил в сад взять!

— Вот как!

Подошел Аркадий и ухмыльнулся, как всегда.

— Явление Христа народу! Свет Викентьевна, что с тобой? Уж не перепутала ли ты расписание?

Ефросинья Викентьевна жалобно улыбнулась ему в ответ. Он тоже улыбнулся ей, но при этом подмигнул:

— Все о'кей, моя старушка!

Неисправимый человек этот Аркадий, муж Ефросиньи Викентьевны.

А сумел ли ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело...

М. Монтень.

Время нынче такое, что все мы куда-то спешим, нервничаем, все мы постоянно в стрессе. Мы, люди второй половины двадцатого века, столкнулись не только с достижениями, но и с оборотной стороной научно-технической революции, с нарастающей динамикой жизни. Возможно, когда-нибудь человек приспособится к такому ритму, но пока... Пока приходится говорить о том, что мы первые приняли на себя непомерные перегрузки, и в этом находить хоть какое-то оправдание своим слабостям и неспособности преодолевать многочисленные недуги.

Да, как это ни печально, но человечество, несмотря на все успехи медицины, болеет все больше. Расходы на здравоохранение растут, растет число врачей, а число больных все увеличивается. Специалисты уверяют, что все дело в образе жизни. Поверить в это нетрудно, трудно найти такой оптимальный образ жизни, чтобы жить, а не лечиться, чем занята чуть ли не половина населения.

К тому же в условиях современной цивилизации обычному человеку нелегко следовать своей человеческой природе. Вот парадокс нашего времени: мудрого, все, казалось бы, познавшего человека приходится заново учить азам жизни. И уже стали появляться заведения, в которых этому учат.

Первое и пока единственное у нас в стране подобное учреждение— московская клиника неврозов, что расположилась на Донской улице. Здесь вот уже девятый год учат людей быть здоровыми.

Применяемые в клинике методики, основанные на принципах саморегуляции человеческого организма, разработаны под руководством заслуженного врача РСФСР главного врача клиники Вельмира Семеновича Чугунова. Научное обоснование использования этих методик легло в основу его докторской диссертации.

Комиссия Минздрава РСФСР признала: опыт клиники необходимо распространить в других городах страны.

На очередное заседание клуба «На огонек» приехали сотрудники клиники неврозов — заместители главного врача Ирина Сергеевна БОЖЕРЯНОВА, Тамара Сергеевна ЗАЯШНИКОВА и кандидат медицинских наук Михаил Сергеевич ЕРЕМЕЕВ, заведующий нейрогормональной лабораторией доктор медицинских наук Виталий Николаевич ВАСИЛЬЕВ— и ответили на вопросы собравшихся в конференц-зале редакции.

ОБРЕСТИ СЕБЯ

ВОПРОС. Сегодня много пишут и говорят о стрессе, это модное понятие, одно из тех, что за последние два десятилетия стремительно ворвались в нашу жизнь. Что же это такое — стресс с точки зрения медицины, физиологии?

М. Еремеев. Еще полвека назад известный канадский биолог Ганс Селье (ныне директор Международного института стресса в Монреале) определил стресс как неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. Когда нам холодно, мы дрожим, чтобы выделить больше тепла. Дрожь — это ответ организма, это стресс. Когда мы волнуемся, у нас изменяется артериальное давление, это тоже ответ организма, стресс...

К сожалению, мы не всегда умеем справляться с реакциями организма. Как ни странно, древние люди умели делать это лучше нас, они умели мгновенно мобилизовать свои силы на борьбу, умели быстро перестроить работу системы кровообращения, обменные процессы. А современный человек? Вас вызвали, например, к начальнику, который на этот раз не прав (будем считать, что такое бывает с ним редко) и, как говорится, срывает на вас зло. Вы возмущены несправедливостью, и ваш организм реагирует, как будто на вас нападает хищник. Первобытный человек мог схватить дубину или камень, кинуться в бой или убежать, тем самым дать организму разрядку. Вы этого сделать не можете. Вы будете стоять, бледнеть или краснеть, потеть и загонять отрицательные эмоции внутрь себя, а через два-три часа у вас подскочит давление или заболит голова. Это стресс, точнее, вредные его последствия.

Современному человеку от стресса не уйти. Стресс — это жизнь, даже, как уверяет Ганс Селье, это аромат и вкус жизни. Не надо ограждать себя от волнений, от страстей, беречь нервы, как говорят. Такие ограничения могут привести к еще большему стрессу и даже к психическим заболеваниям. А вот избавлять себя от вредных последствий стресса человек может и должен. Как это делать, мы и учим у себя в клинике.

ВОПРОС. Обязательно ли стресс приводит к болезням? Если да, то к каким именно?

М. Еремеев. Отрицательный стресс, если мы не умеем с ним справляться, не исчезает бесследно и непременно находит свое выражение в той или иной вредной реакции организма. При неблагоприятном стечении обстоятельств развивается болезнь. Чаще всего это гипертония, стенокардия, инфаркт, гастрит, колит... В основе всех этих болезней лежат эмоциональные перенапряжения, неврозы. Можно сказать, это еще не болезнь, это пограничное состояние, когда изменения в организме носят обратимый характер. Человек находится на грани срыва, его можно сравнительно легко вернуть к здоровому состоянию. Но нельзя запускать невроз; если от него не избавиться, он может привести к тяжелым, трудноизлечимым болезням.

ВОПРОС. У каждого из нас свои причины нервного напряжения, но есть, наверное, и что-то общее для всех?

М. Еремеев. Главное, на мой взгляд, обилие информации и наша неспособность быстро ее усваивать. Отсюда спешка, постоянное внутреннее напряжение. Вторая причина — физическая пассивность. Мы совсем, кажется, забыли, что движение — тонкий регулятор всех жизненно важных процессов в организме и в первую очередь нашей нервной деятельности. Дело дошло до того, что мы стоим, 10 минут ждем трамвая и едем две остановки, которые мы могли бы преодолеть за 5—7 минут. На третий этаж подняться пешком, без лифта у нас уже чудачеством считается.

И природа мстит нам за нашу леность. Системы организма растренировываются, сердце и сосуды декомпенсируются и уже не могут, как умели раньше, мгновенно реагировать на стрессовую ситуацию. И получается сбой, срыв. Таким образом, гиподинамия, то есть малая подвижность, является одной из причин того, что наш организм не способен справляться с вредными последствиями стресса.

Еще одна причина — переедание и, как следствие, избыточный вес. Многие современные люди страдают ожирением, и беда наша, что мы уже начали мириться с этим. А жаль: лишний вес пагубно влияет на организм. Возьмите пудовую гирю и носите ее весь день с собой — надоест, устанете, это будет раздражать. Но ведь многие из нас носят, и не день, а всю жизнь.

Мне вспоминается остроумное высказывание одного зарубежного ученого: «Человек ест слишком много. Он живет только на четвертую часть того, что потребляет. На остальные три четверти живут доктора».

Американские ученые подсчитали, что если вес человека на десять процентов превышает норму, то в среднем ожидаемая продолжительность его жизни сокращается на двадцать процентов по сравнению с человеком нормального веса и того же состояния здоровья.

Вы должны гордиться вашим телом, а не стыдиться его. Ваше мнение о себе так же важно для здоровья, как и здоровая пища для тела.

Мы видим, что и время изменилось и болезни изменились, а меры борьбы с этими болезнями, к сожалению, пока не выработаны. Вот почему наш век поставил перед человеком острейшую проблему — создание системы психопрофилактики, психогигиены. Мы должны овладеть (может быть, даже со школьной скамьи) теми навыками, которые позволили бы нам снимать отрицательные последствия стресса на организм. Сорок дней, проведенные в нашей клинике, дают пациенту эти навыки. Потом он возвращается к нормальной жизни с ее конфликтами, неприятностями, неурядицами, сложными проблемами, но теперь ему уже легче с ними справляться. Уроки, полученные у нас, становятся правилами ежедневной жизни.

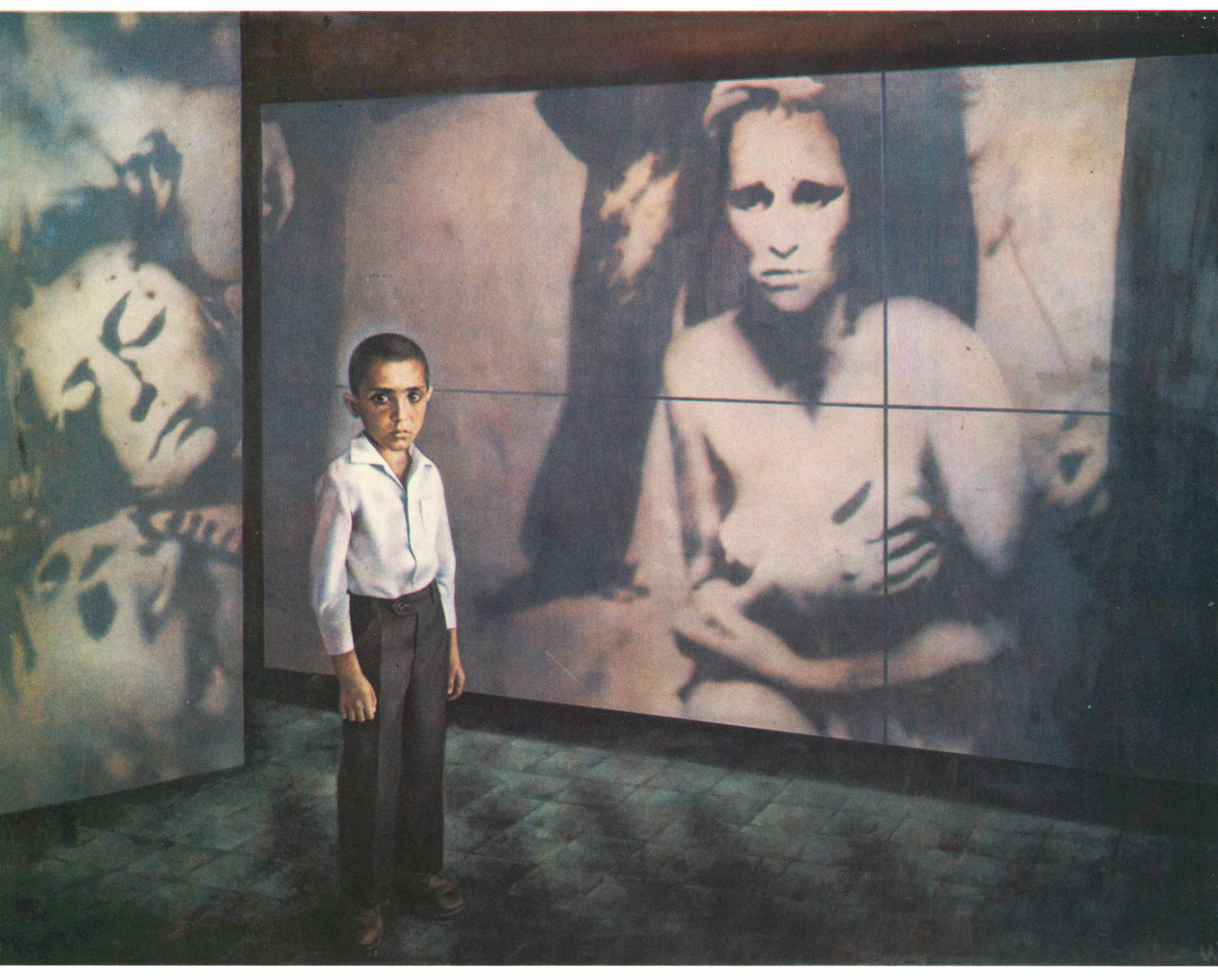
ВОПРОС. Какие методики применяются у вас в клинике?

И. Божерянова. Мы используем свыше 60 методик, основанных на богатом опыте отечественной и зарубежной психотерапии. Кроме того, в клинике разработаны собственные оригинальные методы лечения. Главное для нас — укрепить не столько нервную систему человека, сколько его веру в себя.

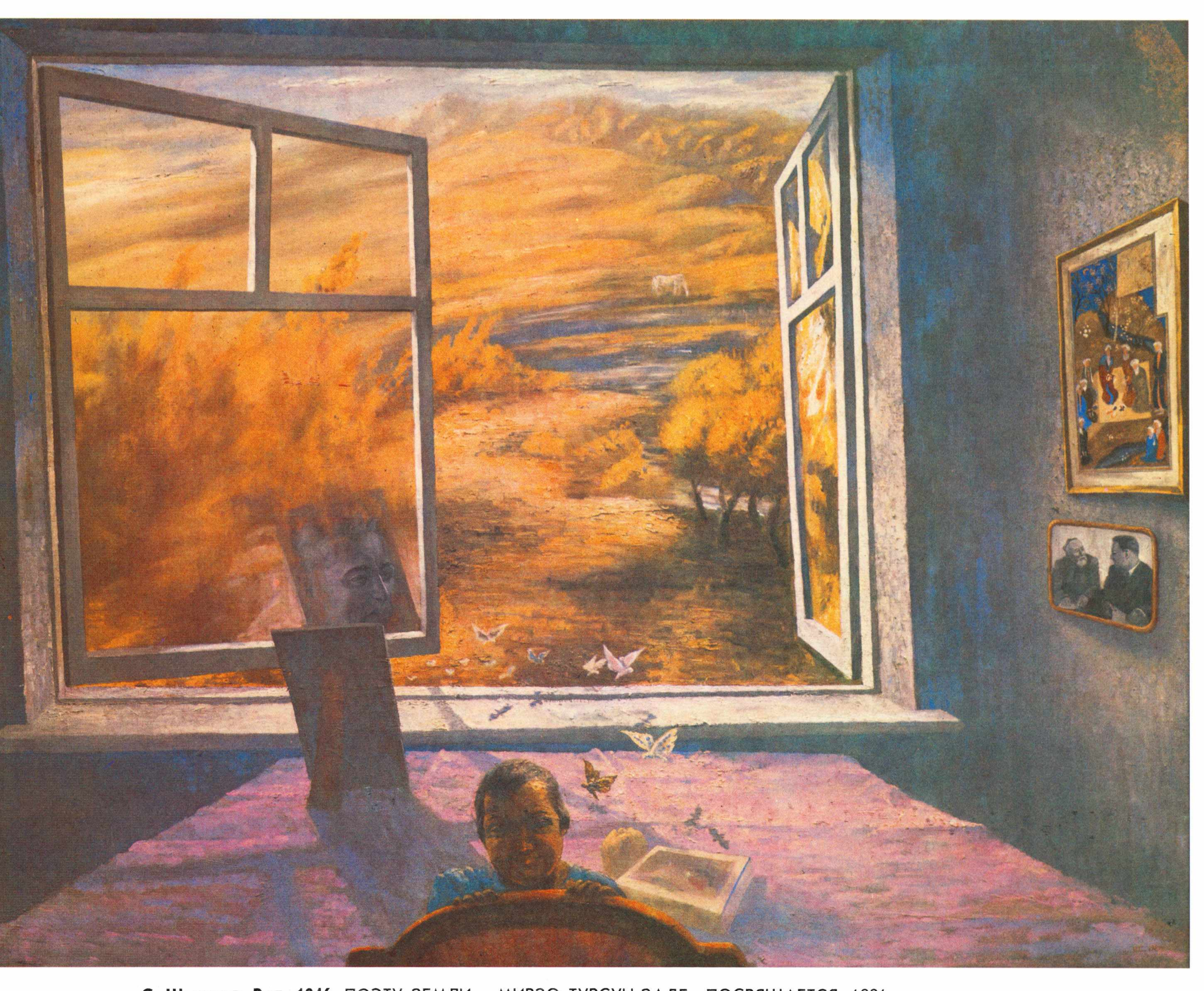
В последнее время много пишут об аутогенной тренировке, но, к сожалению, конкретной работы по ее внедрению в практику не ведется. Мы взяли на вооружение этот мощный прием саморегуляции организма. Применяем и релаксационную лечебную гимнастику, во многом основанную на йоговских методах расслабления. Умение расслабляться, освобождать мышцы от напряжения — главное условие для быстрого снятия нервного возбуждения. Обратите внимание на свое тело: когда вы взволнованы, у вас напряжены многие мышцы. Стоит их расслабить, и нервы тут же успокоятся, волнение исчезнет само собой.

Способность быстро расслаблять мышцы не только устраняет нервозность, но и дает отдых всему телу при утомлении. Об этом хорошо знают, например, погонщики караванов в пустынях. Как только они достигают оазиса, они сразу уходят в тень, ложатся на землю и приводят себя в состояние полной мышечной релаксации. 15—20 минут такого расслабления позволяют им сохранять выносливость в изнуряющих многодневных переходах через пустыню. Надо заметить, что многие выдающиеся люди владели искусством релаксации, что помогало им работать намного производительней.

Применяем мы и лечение травами, и разгрузочную диетотерапию, или попросту голодание, и водные процедуры, и баню, разные комплексы гимнастических упражнений, особенно для укрепления позвоночника, ведь он, без преувеличения, управляет жизнью всего нашего тела, и чем лучше

С. Овсепян. Род. 1947. НА ФОТОВЫСТАВКЕ. 1980.

С. Шарипов. Род. 1946. ПОЭТУ ЗЕМЛИ — МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ. 1981.

развит у нас позвоночник, тем дольше мы остаемся молоды.

Есть в штате нашей клиники и необычная должность — музыкальный консультант, который подбирает мелодии при различных видах заболеваний. Музыкой лечили еще в Древней Греции, а Пифагор считал, что музыка — универсальное средство гигиены духа и с успехом способна врачевать людские недуги.

За рубежом уже составлены даже каталоги лечебной музыки, своего рода музыкальная фармакопея. Например, для уменьшения раздражительности рекомендуют Кантату номер два Баха и Лунную сонату Бетховена, для снятия озлобленности — Итальянский концерт Баха, как успокоительные — Шестую симфонию Бетховена, часть третья, «Колыбельную» Брамса и «Аве, Мария» Шуберта.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, поподробнее о применяемых у вас методиках, основанных на гимнастике йогов.

И. Божерянова. Хатха-йога — древняя система, она родилась как естественное стремление людей сохранить свое тело здоровым и даже улучшить функции органов и систем организма. Поэтому, отбросив мистические наслоения, современная медицинская практика может взять из йоги очень много полезного.

Нами из нее приняты на вооружение приемы сосредоточения и расслабления, физические упражнения, или асаны, как их называют йоги. Мы убедились на собственном опыте, что эти асаны, кроме тренировки мышц и суставов, оказывают сильное физиологическое воздействие на нервную систему, на кровообращение, на внутренние органы.

Но хатха-йога — это не только гимнастика, это стройная система правил личной гигиены, питания, дыхания, управления своей психикой. Йога придает огромное значение овладению приемами самоконтроля. Правда, здесь нельзя ждать быстрого результата, эффект приходит после многих часов работы над собой, но зато в итоге вы обретаете ни с чем не сравнимое ощущение, что вы стали хозяином самого себя. Ваше тело чутко отзывается на каждое ваше приказание. Вы обретаете уверенность в себе, в своих силах. Это как раз то, чего не хватает многим нашим пациентам.

Обучение мы начинаем с освоения простейших приемов. Например, так называемые гаммы расслабления — чередование мышечного напряжения и расслабления. Поднять руку и с силой сжать ее, затем бросить, как пустой рукав. Так же — с мимическими мышцами лица: сначала маска гнева или ужаса, потом сразу полный покой, релаксация.

Для тех, кто плохо засыпает, мы советуем лечь на спину и мысленно прощупать и успокоить все мышцы, сосредоточивая внимание постепенно на каждой клетке тела, начиная с кончиков пальцев на ногах до головы, при этом надо переходить к следующему участку тела лишь после того, как почувствуешь приятное расслабление на предыдущем.

Значение такого состояния полного покоя трудно переоценить. Оно годится не только для засыпания. Иногда бывает достаточно четверти часа, чтобы организм пришел в норму, как следует отдохнул. Йоги уверяют, что только тот способен хорошо работать, кто умеет отдыхать, то есть расслабляться.

ВОПРОС. Какая существует связь между неврозом и характером, человеческими качествами, жизненной философией?

Т. Заяшникова. К нам приходят люди, имеющие совершенно здоровый вид. До визита к нам их никто больными и не считал. Ни один специалист — ни терапевт, ни хирург, ни уролог — не мог бы найти в них органических поражений. И все-таки эти люди больны. Годами они живут с пониженным эмоциональным состоянием. Жизнь их не радует, они худеют или полнеют, теряют интерес к своей внешности, их работоспособность падает. Они злобны, своим отношением они заражают и окружающих, портят им жизнь.

О чем тут можно говорить — о плохом характере? Но возможно, что когда-то у них был совсем другой характер, веселый, общительный нрав. А потом что-то случилось, или постепенно, после долгой полосы неудач и несчастий человек стал таким. Изменилось его отношение к действительности, его жизненная философия. Чаще таким метаморфозам подвергаются люди слабые, мнительные. И наша задача — не только вылечить человека от невроза, ликвидировать вредные последствия многочисленных стрессов, но и вскрыть его эмоциональные резервы, привить ему новый строй мыслей, научить жить по-новому, вселить в него уверенность, что его неудачи временны, что жизнь многогранна, интересна и прекрасна и что ее нельзя тратить на самобичевание и бесконечные сомнения.

Часто пациенты уходят от нас со словами: «Я стал совсем другим человеком, мне интересно теперь жить, у меня появился вкус к жизни».

Иногда в целях профилактики мы стараемся избавить наших пациентов от таких, например, черт характера, как неискренность, которая может быть постоянной причиной отрицательного стресса. Здесь многое зависит от поведения человека, от его отношения к окружающим.

«Поступай с другими так же, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой»,— советовал создатель теории стресса Ганс Селье своим пациентам. Не могу удержаться, чтобы не привести еще несколько правил этого замечательного человека, которым он рекомендовал следовать во избежание психических травм:

— Стремитесь к самой высокой из доступных вам целей и не вступайте в борьбу из-за безделиц.

— Никогда не забывайте, что единственное сокровище, которое всегда остается с вами,— это способность заслужить любовь ближних. То, чему вы научились, всегда ваше, и это самый надежный «вклад». Стремитесь к этому.

— Цените радость подлинной простоты жизненного уклада. Избегая всего нарочитого, показного и вычурно-усложненного, вы заслужите расположение и любовь; напыщенная искусственность вызывает неприязнь.

— Постоянно сосредоточивайте внимание на светлых сторонах жизни и на действиях, которые могут улучшить ваше положение. Старайтесь забывать о безнадежно-отвратительном и тягостном. Произвольное отвлечение — самый лучший способ уменьшить стресс. Мудрая немецкая пословица гласит: «Берите пример с солнечных часов — ведите счет лишь радостным дням».

ВОПРОС. А что еще вы советуете своим пациентам для того, чтобы избавиться от вредных последствий стресса в повседневной жизни?

В. Васильев. На японских заводах в свое время широко распространился такой способ снятия у рабочих нервного напряжения: рядом с цехом в отдельной комнатке ставится резиновое чучело мастера или начальника цеха, и рабочий, если он сердит и озлоблен на них, может зайти в эту комнатку и отвести душу на кукле — накричать на нее, дать пощечину, избить, одним словом, разрядиться. Говорят, что помогает.

Как бы там ни было, разрядка нашей нервной системе нужна, для сохранения здоровья она просто необходима. Каким образом мы ее осуществляем — другой вопрос.

Учеными были проведены наблюдения за двумя группами людей; в одной были те, у кого стресс всегда находит внешнее проявление — в эмоциях или в движении, в другой группе, наоборот, люди, у которых стресс обращен вовнутрь. Оказалось, что у представителей второй группы инфаркт случался в 6—8 раз чаще.

Я сам со своими пациентами проводил такой эксперимент. Собирал десять человек, вводил их в состояние эмоционального стресса и измерял у них давление. У всех оно становилось выше нормы. Первых пять человек я просил никак не проявлять свои эмоции, остальных же уводил в спортзал и предлагал делать что угодно — прыгать, лазить по канату или по шведской стенке, подтягиваться на перекладине... Через четверть часа у тех и у других снова измерялось давление. Во второй группе у всех оно было нормальным, а в первой так и оставалось повышенным.

Все это говорит о том, что держать в себе эмоции нельзя. Это, конечно, не значит, что надо хлопать дверью и с криком уходить из комнаты. Есть другие, более достойные способы. Мы же культурные люди!.. Какие это способы? Первое правило, которое нам не надо забывать: понервничал — обязательно подвигайся, поработай физически. Работающая мышца поглощает вредные гормоны, выброшенные в кровь при нервном возбуждении. Физическая нагрузка сжигает эмоциональный стресс.

Если хотите быстро сбросить напряжение, поднимитесь скорым шагом на пятый или на восьмой этаж без лифта (но последний этаж-полтора пройдите помедленнее), и вам сразу станет легче. Или поприседайте раз тридцать—сорок. Словом, найдите удобный для себя способ подвигаться.

К сожалению, современный человек отошел от движения, стал необычайно инертным. Ученые провели такой эксперимент: собаку поместили в специальное устройство, где она могла пить, досыта есть, но не могла двигаться, только сидела, стояла или лежала. Видели бы вы это несчастное, больное создание! А ведь мы сами обрекаем себя на подобное существование. Мы буквально задыхаемся от неподвижности. Мы забыли, что жизнь — это прежде всего движение. Мы должны двигаться втрое, впятеро больше и обязательно до пота, до удвоения пульса, не меньше часа в день. А то мне одна пациентка говорит: «Я много физически работаю. Каждый день убираю квартиру». «У вас четыре комнаты?»— спрашиваю. «Нет,— отвечает,— одна». И она считает, что много работает!

Нет, наши представления о необходимой физической нагрузке крайне извращены. А потом мы еще спрашиваем, почему люди стали больше страдать неврозами. Человеку, его нервной системе дан огромный запас прочности, о котором мы часто сами и не подозреваем. Мы можем выдерживать самые невероятные стрессовые нагрузки, важно только, чтобы за ними следовал небольшой хотя бы период расслабления.

Говорят, время стало более напряженным. Это верно, но и мы стали умнее. И нам пора понять, что в течение многих и многих тысячелетий организм наш отрабатывался по принципу чередования: стресс — движение, эмоциональное напряжение — физическая разрядка. А теперь мы этот принцип постоянно нарушаем: стресс следует за стрессом, напряжение за напряжением, а в качестве разрядки — чаще всего обильная еда и еще про бутылочку не забываем.

Организм в состоянии нервного возбуждения не готов принимать пищу, прежде он требует сжечь эмоции любым путем. Но мы не прислушиваемся к своей природе, и вот результат — резкий скачок болезней органов пищеварения, сердечно-сосудистой системы. Это уже стало похоже на эпидемию.

Не садитесь за стол, когда вы взволнованы. В таком состоянии вы не пищу потребляете, а яд. Пришли домой после напряженного рабочего дня, не спешите сесть за сытный ужин, побегайте полчаса вокруг дома или (если стесняетесь) попрыгайте со скакалкой у себя в комнате. А потом минут пять—семь полежите в полном расслаблении — от вашего напряжения не останется и следа. К сожалению, далеко не все владеют приемами расслабления, аутотренинга, а ведь это лишь начальная ступень в столь необходимом нам искусстве управлять собой, своим телом, эмоциями.

Аутотренинг — великая вещь. У нас в клинике показано, что только одна аутогенная тренировка может на 50 процентов снизить у страдающих неврозами тревожность, почти полностью прекратить выброс в кровь вредных гормонов.

Конечно, на словах все получается очень легко. На деле — намного сложнее. Нужна воля, дисциплина, время, неустанные усилия. Но ведь человек — это прежде всего воля. А я, глядя на наших многочисленных пациентов, особенно на мужчин, пришел к выводу, что настоящие мужчины вымирают, как динозавры когда-то,— настолько они отвыкли совершать над собой усилия. Все в их жизни подчинено естественному течению. А жизнь — это борьба. Борьба в первую очередь за себя, за обретение себя — здорового, сильного, выносливого, способного на большие дела.

Встречу вел Сергей ВЛАСОВ.

Не приходя в сознание

Виктор **ПРОНИН**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ДОПРОС

В первый же день по номеру машины был установлен ее владелец — инженер местного завода Бармичев. Естественно, он оказался первым, кого вызвала Глазова на допрос. Бармичев исправно явился в назначенное время, словно бы самой исполнительностью своей желая засвидетельствовать почтение следователю и тому делу, которым она занимается.

Высокий, плотный, в добротном костюме, свежевыбритый и благоухающий, Бармичев производил хорошее впечатление. Не было в его лице, во всем облике каких-то признаков разгульной или мелковатой жизни. Такие вещи следователь обычно чувствует. С первых же слов, жестов, по манере выслушивать вопрос, отвечать, по наигранному негодованию, деланному спокойствию, подчеркнутой деловитости, серьезности или почти не управляемому желанию шутить, посмеиваться, играть словами — по всему этому следователь сразу понимает, что за человек сидит перед ним.

— Садитесь, Бармичев,— начала Тамара Васильевна.— По данным, которые мы получили, вы являетесь владельцем автомашины «Жигули». Это верно?

— Да, у меня есть машина. Купил два года назад. Вам неинтересно, за какие деньги? — улыбается Бармичев. Очевидно, он готов был ответить и на этот вопрос.

— Нет. Пока меня это не интересует. Номер вашей машины — 84—34, правильно?

— Да, это моя машина.

— Дело вот в чем... Тридцатого апреля...

— Я знаю! Нехорошо получилось...

— Подождите. Я хочу полностью задать вопрос. Не только для вас, но и для протокола. Так вот, тридцатого апреля сего года вашей машиной совершен наезд на детскую коляску. В результате находившийся в ней мальчик, Павлик Железнов, погиб. Он умер в больнице через три дня. Что вы можете сказать по этому поводу? — Глазова про себя решила: показания будут не совсем честные, не совсем искренние, но будут. Хотя этому человеку очень хотелось бы промолчать.

— Что я могу сказать?— Бармичев виновато развел руками.— Если вы говорите, был наезд, значит, был... У меня нет оснований не верить вам.

— Кто был за рулем? Вы?

— Ну, почему же сразу я? Если машина принадлежит мне, то это еще ничего не значит...

— Кто же?

— Не знаю.

— Интересно. Начинается нечто из ряда вон. Итак, если я правильно вас поняла, вы не знаете, кто пользовался вашей машиной тридцатого апреля?

— Не совсем... Видите ли...— Бармичев помялся, помолчал горестно, и наконец решился: — Как не знать, если я ключи от машины дал. Без ключей ведь никто не поедет...

— Полностью с вами согласна. Кому же вы дали ключи?

— Соседу дал. Он попросил, я дал. Беды большой в том не вижу.

— Фамилия вашего соседа? Чем занимается?

— Дядьков Борис Иванович. Начальник автотранспортного предприятия. Живет в соседнем доме. Знаю его давно, уважаемый человек, известный в городе. Попросил выручить... Я и... пошел навстречу.

— Зачем ему понадобилась машина? — спросила Тамара Васильевна.

— Он хотел отвезти домой родственников. У него в этот день, накануне Первомая, родственники были... Гостили.

— Праздновали?

— Да, скорее всего выпивали. Хотя утверждать не могу.

— Ну, если родственники сами не могли по домам разойтись...

— Нет-нет, утверждать не могу.— Бармичев клятвенно сложил руки на груди, как бы подчеркивая этим чистосердечность своих слов.— Наговаривать на людей не хочу. Увольте.

— Да я вас к этому и не принуждаю,— усмехнулась Глазова.— Наговоры мне и самой не нужны. Скажите, вы дали ему ключи или сами решили развезти родственников? Ведь это было бы разумно — самому доставить захмелевших гостей, не доверяя машину пьяным?

— Дело в том, что у нас с женой было на этот вечер кое-что назначено... Кино, то-се... И потом Дядьков попросил ключи. Я не смог ему отказать.

— Вы часто давали ему машину?

— Бывало.

— А почему не смогли отказать? Ведь вы знали, что рискуете машиной? Или привыкли к такому риску? Объясните.

— Видите ли...— Бармичев замялся, подыскивая, видимо, достаточно убедительные доводы.— Когда живешь рядом не один год, всегда складываются отношения... Разрушать их, ставить под сомнение из-за машины... И потом... Ладно, скажу. Дядьков — начальник автопредприятия. А у нашего брата-водителя всегда чего-нибудь не хватает — то гаечки, то трубочки, то стеклышка... Что говорить — взаимовыгодные отношения.

— Он помогал вам с ремонтом?

— Было. Было, что делать! Поэтому, когда Дядьков попросил машину... Хотя, честно говоря, на душе кошки скребли. Не хотелось. Как чувствовал — что-то случится. Так и вышло. Чтоб я теперь кому-нибудь хотя бы на пять минут...

— Итак, будем считать установленным, что за рулем в момент наезда находился Дядьков?

— Этого я не говорил,— твердо сказал Бармичев.— И не слышал об этом. А что в самом деле...

— Хорошо. Что было дальше?

— Примерно через час ко мне прибегает взволнованный Дядьков и говорит, что машину у него угнали. Сказал, что он уже позвонил в милицию, передал номер машины, цвет, модель и все такое прочее. Сказал, что далеко уехать угонщики не могли, их наверняка задержат где-нибудь поблизости.

— Вы считаете, что все так и было? — спросила Тамара Васильевна.

— Не знаю,— уклонился от ответа Бармичев.— Я говорю только то, что сказал мне Дядьков.

— Вы видели машину после того вечера?

— Да. В милиции. Ее туда отогнали.

— Заметили какие-нибудь повреждения?

— Передний бампер слегка помят, капот поцарапан, разбит габаритный фонарь с левой стороны... А так вроде все в порядке. Да и эти повреждения тоже несерьезные. У меня нет претензий к Дядькову.

— Это — ваше дело. Зато у нас есть претензии. Подпишите вот здесь ваши показания.

— С удовольствием,— сказал Бармичев и тут же смешался — удовольствие было весьма сомнительное.

Состоялись первые неожиданности. Нашелся владелец машины. Бармичев. Стало понятно, почему все пассажиры так бездумно покинули машину. Свою машину Дядьков вряд ли вот так легко бросил бы в кювете, даже не посмотрев, есть ли на ней повреждения. Дальше — оказывается, накануне была пьянка. Бармичев явно уклонялся от подробных показаний, его можно понять. Хотя мог бы вести себя и более мужественно. Ведь за его умалчиванием стояли отнюдь не дружественные отношения с Дядьковым. Боялся нарушить взаимовыгодность, лишиться ремонтной ямы в гараже Дядькова. За его поведением проступала знакомая позиция человека, не желающего ни во что вмешиваться.

Вполне вероятно, догадывалась Глазова, свои показания он заранее подробно согласовал с самим Дядьковым. Посидели вечерок, тщательно все выверили. Машину угнали, Дядьков не виноват. И даже признание о ремонтной яме тоже могло быть оговорено ими заранее, чтобы придать показаниям Бармичева видимость правды.

Вот тогда-то, после первого допроса, и мелькнула у нее мысль, что Дядьков не сможет спокойно наблюдать за ходом следствия, что он попытается вмешаться, но тогда она еще не могла даже предположить, насколько серьезные помехи будет создавать Дядьков, какую деятельность развернет, чтобы изменить всю картину происшествия.

Эта догадка полностью подтвердилась во время допросов других свидетелей. Одними из наиболее интересных, как надеялась Глазо-

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

ва, могут быть показания Батихина. Он оказался маленьким вертлявым человечком, бойким на язык, но довольно трусоватым, когда речь заходила о каких-то существенных показаниях. Тамара Васильевна по опыту знала, что подобные люди всегда вьются при начальниках определенного толка. Их задачи несложные, лакейские в общем-то задачи — куда сбегать, предупредить, организовать, созвониться с девушками, мотануться в магазин к знакомому директору за приличной закуской, чтобы угостить как подобает нужного человека. И духовный мир их тоже был ей достаточно известен: самолюбие, чуть воспаленное от сознания собственной никчемности, обидчивость и отсутствие каких-то своих, личных убеждений, оценок.

— Как вы оказались на месте преступления? — спросила Глазова.

— Вот так и оказался! — Батихин развел руками.— Сам до сих пор не пойму. Хотел как лучше, а оно вона как повернулось! Как говорится, нежданно-негаданно!

— Нет, Батихин, такие разговоры никому не нужны. Вас задержали в машине, на которой совершен наезд. Так?

— Не знаю никакого наезда! — торопливо выкрикнул Батихин.

— Хорошо. О наезде потом. Вас задержали в машине. В чужой машине. Как вы там оказались?

— Если я скажу, что меня туда силком затолкали, вы же все равно не поверите! — хихикнул Батихин.

— Значит, сами забрались? — Глазова поняла, что на этот раз ей больше всего потребуется не опыт или знание всех деталей наезда, а самое обыкновенное долготерпение.

— Получается, что сам. Только как это все случилось — ума не приложу!

— Нет, Батихин, так не пойдет. У меня много времени. Если мы не закончим сегодня, продолжим допрос завтра, послезавтра...

— Понял. Все понял. Значит, машина... Стою это я на платформе и вдруг вижу — несется на страшной скорости машина.

— Скорость была превышена? — уточнила Тамара Васильевна.

— Значительно! — воскликнул Батихин и тут же замолчал, для верности прикрыв рот рукой. Задумался, покусал ногти. Видимо, осознал, что такое утверждение может обернуться совсем другой стороной, если версия об угоне машины лопнет.— Это самое... Ребеночку плохо стало... Дай, думаю, помогу, отвезу в больницу...

— А как понимать то, что вы закрылись в машине, что вас оттуда пришлось силком выволакивать?

— Испугался! — воскликнул Батихин почти радостно оттого, что удалось найти столь простое и убедительное объяснение.— Они же там озверели все! Уж начали двери выламывать, по стеклу кулаками стучать... Толпа!

— Некоторые свидетели утверждают, что видели вас в машине в момент наезда.

— Врут. Быть такого не могло.

— Ложные показания, Батихин, влекут за собой уголовную ответственность. Я вас об этом предупредила и вот снова напоминаю.

— Откровенно говоря, Тамара Васильевна, в тот вечер я был слегка навеселе. У Дядькова мы... гостили. Он сам, правда, ни-ни, а мы с Хлыстовым слегка... расслабились. Да, был навеселе,— повторил Батихин, которому, видимо, понравилось столь невинное определение.— И поэтому все события видятся мне в некотором тумане. Боюсь, что я вам и в протокол туману напущу.

— Ну что ж, попробуем разогнать ваш туман,— улыбнулась Тамара Васильевна.

Допрос Хлыстова мало чем отличался от этого. Разве что сам Хлыстов, который, будучи родственником Дядькова, вел себя самоувереннее, на вопросы отвечал многословно, старательно, но не было в его показаниях ничего, что хоть как-то прояснило бы картину наезда, позволило бы приблизиться к истине.

ОСМОТР

Для успешного следствия всегда важен грамотный осмотр места происшествия. Самые незначительные детали, занесенные в протокол осмотра, со временем могут не просто помочь, а перевернуть весь ход следствия. Через минуту, через час после события невозможно предсказать, как пойдет дело дальше. То, что сейчас кажется очевидным, не требующим доказательств, через несколько дней становится сомнительным. Невзначай брошенные словечки, царапина на асфальте, метеосводка со временем замыкают цепь вокруг преступника, а затем, подкрепленные показаниями свидетелей, заключениями экспертов, становятся вехами, по которым можно наметить путь расследования.

Вот, например, сведения из протокола осмотра места происшествия. Опуская вводные данные, приведем лишь те, которые впоследствии помогли изобличить преступника.

Направление дорожного полотна относительно частей света — восточное. (Это обстоятельство окажется важным, когда Дядьков, исчерпав все разумные доводы, будет ссылаться на то, что, дескать, солнце его ослепило и он не видел ни дороги, ни людей.)

Тип дорожного покрытия — асфальт.

Состояние дорожного покрытия — сухое.

Наличие дефектов дорожного покрытия — нет. (О, сколько заявлений напишет Дядьков в камере предварительного заключения, объясняя наезд тем, что он якобы вынужден был объезжать выбоины на дороге. А их, оказывается, не было, выбоин-то!)

Продольный уклон дороги — нулевой.

Радиус поворота дороги — около сорока градусов. (Крутой поворот, но несложный для трезвого водителя при допустимой скорости движения.)

Ширина обочины — полтора метра. (Тоже очень важное обстоятельство. В дальнейшем Дядьков будет строить защиту на том, что будто бы семья Железновых шла по проезжей части, забыв, что сам в нарушение всех правил оказался на левой стороне дороги.)

Глубина кюветов — 0,5 метра.

Ширина кюветов — 2,5 метра.

Наличие дорожных знаков — перед поворотом стоит предупреждающий знак «извилистая дорога». (О значении этого обстоятельства говорить не приходится, оно очевидно.)

Погодные условия в момент осмотра дороги — ясно. (То есть здесь тоже не может быть кривотолков, вызванных различными погодными условиями.)

Следы торможения — не обнаружены. (Тоже очень важно для определения степени вины Дядькова. Он, оказывается, был настолько пьян, что не успел даже нажать на тормоз.)

Вещественные доказательства — следы волочения детской коляски на кромке обочины. Длина — 2,7 метра.

В протоколе осмотра машины отмечены потертости и царапины на бампере, на габаритном фонаре, на передней части капота. И еще одно — во время наезда дорога была свободна и от транспорта и от людей. Важное свидетельство, поскольку на каком-то этапе следствия Дядьков настойчиво ссылался на то, что, дескать, дорога оказалась запружена народом, вышедшим из электрички, и он вынужден был свернуть на обочину.

В показаниях свидетелей подробно описан наезд, кто где стоял, откуда появилась машина, и даже случайная фраза, оброненная одной из женщин, выскочившей из машины: «Говорила Борьке — не садись за руль!» — даже эта фраза, занесенная в протокол, сыграла впоследствии существенную роль. Среди сотен страниц допросов, показаний, очных ставок увидеть ее, придать должное значение — заслуга следователя.

В этом и мастерство и интуиция. Заметить и оценить очевидный промах преступника, прямое доказательство, уличающий документ несложно, но такие подарки случаются редко, надеяться на них нельзя.

ОБВИНЯЕМЫЙ

Первый допрос обвиняемого важен для следователя как первая пристрелка — сразу становится ясной его позиция. Если он признает собственную вину, то задача сводится к доказательству этой вины. Если же обвиняемый вину не признает, то важно выяснить его доводы. Поэтому встречу с Дядьковым Глазова ожидала, заметно волнуясь: кто он, каков он?

Вызванный на допрос, Дядьков пришел с заметным опозданием, пришел оживленный, уверенный в себе, шумно поздоровался, по-

Следственный эксперимент.

Фото Э. Эттингера

жаловался на жару, на неприятности, случившиеся несколько дней назад и невольным участником которых он оказался. Во всем его облике чувствовалась готовность шутить, разговаривать по-свойски, понимая друг друга и помогая друг другу. Как бы между прочим он посмотрел на часы, давая понять, что времени у него мало, что надо бы поскорее закончить формальности.

Тамара Васильевна наблюдала за Дядьковым, не прерывая его, не мешая. Когда Дядьков завершил ритуал панибратского приветствия, она показала на стул.

— Садитесь, Борис Иванович. Не задержу вас ни на одну минуту лишнюю. Но поговорить надо. У меня есть вопросы, я обязана их задать.

— Внимательно вас слушаю.

Дядьков был невысок ростом, плотен, если не сказать толст, он был из тех, кто явно торопился насладиться радостями жизни. Должность, довольно значительная по масштабам городка, позволяла ему несколько снисходительно поглядывать вокруг себя. Он преуспел в жизни больше других и не забывал об этом. Глазова уже знала, что у Дядькова двое детей от второй жены, что семейными привязанностями он не очень скован.

Наблюдая за ним, Тамара Васильевна понимала, что предстоит нелегкая работа. И сложность будет не в том, чтобы преодолеть ловко построенную защиту,— основная сила Дядькова в упорстве, готовности идти на что угодно, лишь бы вывернуться, спастись, уйти от наказания. Ну что ж, к схваткам ей не привыкать. Каждый допрос, самый вроде бы невинный,— это уже схватка с чужим мнением, тщеславием.

— Борис Иванович,— начала допрос Глазова,— ваш сосед Бармичев утверждает, что дал вам машину тридцатого апреля примерно в семь часов вечера, это верно?

— Да. У меня были гости, и я хотел развезти их по домам. Закон гостеприимства обязывал. Кстати, один из них — муж моей сестры Хлыстов. А второй — так... Приятель. Вот я и попросил у соседа машину. Дай, думаю, порадую ребят.

— Что же произошло дальше?

— Ну что, родственника я отвез домой. А приятель остался на платформе дожидаться электрички.

— Кстати, как его фамилия?

— Батихин. Так вот, когда мы вышли из машины у дома Хлыстова, то решили немного пройтись, поговорить. Но едва отошли от машины метров на двести, как, обернувшись, увидели, что машина на большой скорости удаляется в сторону городка.

— То есть, у вас ее угнали?

— Совершенно верно. Вы удивительно догадливы. У нас ее угнали. Это было тем более печально, что машина принадлежала не мне. Поэтому я предпринял все, чтобы немедленно известить милицию. Как выяснилось, угонщики далеко не смогли удрать, машину обнаружили где-то недалеко от железнодорожной платформы. Вы их еще не нашли?

— А чем вы объясните, что вашего приятеля Батихина задержали в этой самой машине? Машину угнали, а оказалось, что заперся в ней Батихин, больше того, пытался угнать ее с места происшествия. Все это очень странно, вам не кажется?

— О!— Дядьков махнул пухлой ладошкой.— Ничего странного. Батихина мы высадили у платформы, я уже об этом говорил. Когда машину угнали, а потом на ней свалились в кювет, Батихин еще не успел уехать на электричке и вместе со всеми бросился к машине. Это естественно. Очевидно, он хотел вытащить ее из канавы... Но лучше спросить у самого Батихина. К сожалению, я его с тех пор не видел. Да, вы упомянули происшествие... Там что-то серьезное?

— Очень серьезное,— кивнула.— Наезд на детскую коляску.

— И в коляске... был?— Дядьков старательно сделал испуганно-сочувствующие глаза.

— Совершенно верно,— подтвердила Глазова.— В коляске был ребенок. Мальчик умер, не приходя в сознание. Многочисленные переломы черепа.

— Ах, негодяи! Какие негодяи!— Дядьков горестно покачался из стороны в сторону и закрыл лицо руками.— Ведь живут такие сволочи среди нас, а? Ай-яй-яй! Стрелять их надо! Без суда и следствия!

— Ну, это вы напрасно, Борис Иванович. Наказывать их надо по всей строгости, но все-таки и со следствием и с судом. Так мы и поступим.

Глазова смотрела на румяные, гладко выбритые щеки Дядькова, на воротничок, впившийся в толстую шею, и не могла отделаться от ощущения, что тот тихонько посмеивается про себя. Ведь ломать эту комедию ему было вовсе не обязательно. Она представила себе, под какой веселый гогот своих приятелей он будет рассказывать об этом допросе сегодня же вечером.

— Их нашли?— спросил Дядьков, поняв, что успокаивать его никто не собирался и воды поднести не торопился.

— Ищем,— улыбнулась Глазова.— Ищем, Борис Иванович. Но вот незадача — некоторые утверждают, что за рулем были вы. Как это можно объяснить?

— Как угодно!— не задумываясь, ответил Дядьков.— Заблуждением, ошибкой, желанием напакостить. Знаете, как бывает — чуть пробьется человек повыше, чуть расправит крылья, тут же найдутся и завистники и ненавистники. Но у меня, слава богу, есть свидетели, которые всегда...

— Кто эти люди?

— Тот же Хлыстов, которого я отвозил домой, Батихин, которого мы оставили на платформе. Если в этом дело, найдутся и другие. У меня этих свидетелей — пруд пруди,— доверительно произнес Дядьков, с нажимом произнес, с намеком.

— Вот еще что я хотела у вас спросить...

— Внимательно вас слушаю,— осклабился Дядьков, откинувшись на спинку стула.

— Сразу же после тридцатого апреля, когда все это случилось, вас несколько дней не было дома. Никто не знал, где вы — ни семья, ни на работе, ни друзья. Как это понимать?

— Да, тут вы правы!— воскликнул Дядьков.— Я поступил не совсем хорошо. Мы с женой раньше говорили, что надо бы на праздники съездить в соседнюю область родню проведать. Сейчас и сама удивляется своей забывчивости.

— Как родня себя чувствует?

— Спасибо. Хорошо.

— Как вас приняли?

— Спасибо. Хорошо,— повторил Дядьков.

— Оставьте, пожалуйста, адрес вашей родни. Уж коли они так хорошо принимают гостей, думаю, нам тоже не грех съездить к ним.

— Вы мне не верите?

— Нет,— сказала Глазова.— Не верю. Работа такая. Вам что-нибудь говорит фамилия Железнов?

— Впервые слышу. Кто это?

— Павлик Железнов — это тот самый мальчик, который погиб в результате наезда машины на коляску. Его отец, Николай Железнов, хорошо помнит водителя автомашины. Сразу же после наезда он пытался вытащить его из-за руля, но ему это не удалось, он вынужден был побежать за такси. В своих показаниях Железнов подробно описал водителя, его внешность, одежду, отличительные признаки.

— И что же? Я похож на него?— Дядьков, кажется, впервые за весь допрос встревожился. Если раньше он сидел развалясь, то после этих слов следователя подался вперед.— Я действительно похож на того водителя?

— Очень. Железнов скоро подойдет. Мы проведем опознание со всеми необходимыми формальностями — протоколом, понятыми, пригласим еще несколько человек примерно вашего возраста, комплекции.

— Послушайте, Тамара Васильевна, а зачем вам это?— Дядьков лег грудью на стол, приблизив румяное лицо с маленькими круглыми глазками.— Мне кажется, это совершенно излишнее следственное действие. Ведь все сходится как нельзя лучше! Смотрите... Машину я действительно взял. Хлыстова отвез. Батихина оставил на платформе. Это могут подтвердить многие. Машину у меня угнали. Кто угнал — не знаю. Говорят, что какая-то развеселая компания покататься захотела. После наезда компания разбежалась. Никого задержать не удалось. Все. Что же вам еще надо? Бросьте, Тамара Васильевна. Ни к чему хорошему это не приведет.

— Что вы имеете в виду?— спокойно спросила Глазова тише обычного.

— Я ничего не имею в виду. Просто говорю то, что хочу сказать. Не умею что-то там намекать или иметь в виду. Плохо все это может кончиться.

— Для кого, Борис Иванович?

— Если хотите — скажу. Для всех нас.

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен.

— Проверим?— улыбнулась Глазова.— Давайте рискнем — вдруг это кончится плохо не для всех, а?

— Смотрите, Тамара Васильевна. Я предупредил.

— А!— Глазова махнула рукой.— Где наша не пропадала! Опознание мы все-таки проведем. Напрасно беспокоитесь, Борис Иванович. Если за рулем сидел кто-то другой, Железнов это подтвердит. Он хорошо запомнил водителя. Вам нечего опасаться. Если, конечно, в самом деле за рулем был кто-то другой.

— Я сказал, как все было. Машину у меня угнали. И все тут.

Такова была первая версия Дядькова. Простая, внешне даже убедительная. Но она не выдержала первых же испытаний на прочность.

ОПОЗНАНИЕ

Глазова не была уверена в том, что Николай Железнов сможет точно опознать Дядькова. Слишком он был тогда взволнован. В больнице, куда доставили Павлика, его самого пришлось приводить в чувство. В доме Железновых последние дни было пусто и тихо. После похорон малыша Николай и Надя не могли прийти в себя. Им казалось, что вот-вот распахнется дверь детской комнаты и оттуда выйдет Павлик. Иногда доходило до галлюцинаций: Наде казалось, что она слышит шаги босых ножек, по ночам Николаю слышалось, что сын ворочается в кроватке, просит подойти к нему...

Дядькова отвели в другую комнату, побольше. Там, рассевшись у стены, уже поджидали несколько мужчин. Одно место было свободно.

— Садитесь, Борис Иванович. Это место для вас.

— Это еще не скамья подсудимых?— пошутил он.

— Нет, это пока просто стул. Переходный этап.

Дядьков втиснулся между двумя мужчинами, осмотрелся. Окинул взглядом сидящих людей, сопоставил с собой — нет ли ярких, необычных деталей в одежде, которые могли бы подсказать, что именно он и есть тот самый... Поколебавшись, принял точно такую же позу, в какой сидел мужчина справа. Скрестил руки на животе, ноги поджал под стул и с равнодушным, скучающим видом уставился прямо перед собой. Волновался. Решалось многое. Или его версия подтвердится, или лопнет тут же. Незаметно Дядьков перевел дух, насторожился, услышав шаги в коридоре. Но на дверь не посмотрел. Заставил себя сидеть все так же, глядя в окно. Но когда вошел Железнов, не выдержал, быстро взглянул на него. Дядьков узнал человека, который в тот вечер пытался вытащить его из машины. Бледный, осунувшийся, но это был он.

— Николай, посмотрите внимательно на этих людей. Нет ли среди них знакомого вам человека? Понятые, прошу внимательно выслушать ответы Железнова. Так что скажете, Николай?

Железнов окинул взглядом сидящих у стены, повернулся к Глазовой.

— Одного из них я узнал.

— Кого именно?

— Тот, который сидит посередине, находился за рулем автомобиля тридцатого апреля.

— Вы не ошибаетесь?

— Нет, это он. Я хорошо его запомнил. Он ухватился за руль и не хотел вылезать из машины. Я пытался оторвать его руки от руля, но в этот момент меня позвала жена. Когда я разгибал его пальцы на руле, то заметил на правой руке обручальное кольцо.

— Покажите руки,— сказала Глазова Дядькову.

Когда тот разнял сцепленные ладони, на безымянном пальце сверкнуло толстое обручальное кольцо.

После этого оставалось только составить протокол и подписать его. Дядьков впервые был опознан как человек, совершивший наезд. Последующие действия его не выходили за рамки представлений самого заскорузлого преступника. Новая позиция выглядела так:

«Вы уличили меня во лжи? Согласен. Что требуется? Покаяться? Пожалуйста. Да, я поступил нехорошо, пытаясь исказить правду, или лучше сказать, подправить. Мне казалось, что так будет лучше для всех нас. Единственная цель этой невинной лжи — упростить задачу следствия: да, несчастье случилось, но человека, которого можно было бы назвать преступником... нет. Если настаиваете, могу сказать, как было на самом деле. Да, я поступил плохо, взяв у своего соседа машину, воспользовался ею, не имея на то необходимых прав, не оформив это установленными документами. И готов нести ответственность по закону. Что касается дальнейших событий, то они таковы. Я отвез своего родственника Хлыстова, но у него дома никого не оказалось, и мы решили вернуться ко мне. Когда выехали на трассу, увидели нескольких девушек. Они стояли на обочине, просили подвезти. Возможно, я поступил противозаконно, проявив слабость и сострадание,— остановил машину и разрешил девушкам сесть, но не думаю, что моя вина так уж велика. Когда въезжали в город, как раз подошла электричка, со станции повалил народ, многие вышли на дорогу. Чтобы не сшибить кого-нибудь, объезжая выбоины на проезжей части, мне пришлось свернуть влево, и я невзначай пересек осевую линию. Правилами дорожного движения это не возбраняется, если дорога свободна от транспорта. А коляска... это уж, извините, чистый домысел. Наезда не было. За все, что я совершил нехорошего, готов отвечать. И за пользование машиной и за то, что пассажиров на дороге подобрал, но наезда... Его не было. Извините».

— Есть вопросы,— вздохнула Глазова, поняв, что начинается новый этап схватки, более серьезный.— Вам знакомы девушки, которые сели в машину?

— Что вы! Первый раз видел.

— Почему же они бросились врассыпную, едва машина оказалась в кювете?

— Понятия не имею! —воскликнул Дядьков.— Странные такие девушки... С виду вроде нормальные... Представляете, даже спасибо не сказали!

— А почему вы сами побежали вслед за ними? Почему скрылись с места происшествия?

— Какого происшествия?— Дядьков заморгал светлыми ресницами.

— Ах, да! Ведь вы ничего не видели!— усмехнулась Глазова.— Тогда тем более непонятно, зачем вам понадобилось так спешно оставлять машину, чужую машину, и мчаться в лес вслед за этими странными девушками.

— Отвечу,— вздохнул Дядьков, быстро глянув на следователя, проверяя, верит ли она ему.— Отвечу. Когда машина остановилась, я вышел из нее и увидел, что к нам несется толпа, причем вид у людей был угрожающий, недобрый... Ну что ж, проявил слабость, испугался толпы и решил, что лучше подальше от греха... Виноват. И готов за это нести ответственность».

Это была вторая версия Дядькова.

Тамара Васильевна Глазова могла с уверенностью сказать — будет и третья. Уверенность давала ей одна небольшая деталь в уголовном деле. Вспомните записанную со слов свидетелей фразу: «Говорила Борьке — не садись за руль!» Эти слова выкрикнула, вылезая из машины, одна из девушек. Так вот, достаточно было эту фразу приложить к версии Дядькова, как сразу становилась очевидной ее лживость. Незначащие вроде бы слова стали для следователя тем ключом, с помощью которого она сразу могла определить правдивость показаний. В этих словах четко отразились отношения между Дядьковым и ехавшими в машине девицами. Да, директор автотранспортного предприятия Борис Иванович Дядьков был, оказывается, для них просто Борькой.

Продолжение следует.

БУДНИ НЕПОСЛУШАНИЯ

Геннадий БИРЮКОВ

Новые молодежные театры, многочисленные студии и сцены возникают, мощно подталкиваемые зрительским интересом к новизне, свежести, небанальности... В отзывах о новых коллективах преобладают, как правило, восторженные интонации. Автор же предлагаемых заметок об экспериментальном Театре-студии на Красной Пресне надеется, что его критические наблюдения не окажутся бесполезными для коллектива, вступившего в свое второе десятилетие...

Когда попадаешь в подвал жилого дома по улице Станкевича, заботливо приспособленный под театр-студию, когда в предупредительных гардеробщиках и капельдинерах, с достоинством продающих программки в фойе, узнаешь актеров, чьи фотографии развешаны по всему периметру крашеных стен, видишь открытые юные лица, острый, внимательный взгляд,— хочется соответствовать. Хочется повторять вслед за Вячеславом Спесивцевым, создателем этого театра: все талантливы! Повторять слова, произнесенные им еще десять лет назад в окраинных Текстильщиках, когда во вновь создаваемый театральный коллектив при Доме пионеров приглашали всех желающих.

Стихия школьной самодеятельности, вдохновенная декламация, заученные интонации «чтения с выражением» — все это, в те годы принесенное юными артистами, совсем не мешало Вячеславу Спесивцеву. Более того, режиссер каким-то образом сумел отсюда извлечь эстетические качества! Безоглядная увлеченность делом, преданность обернулись необходимыми на сцене сосредоточенностью, заряженностью, волей... Помнится, всех удивили две пары Ромео и Джульетт в трагедии Шекспира, так же, как почти карнавальный «Праздник непослушания» С. Михалкова, радостная программа на тему «Мы есть!».

Стали хвалить коллектив за энтузиазм, за массовость, за смелость, за умение организовать, сплотить. Вначале это радовало. Потом, когда вновь и вновь читали: массовость, организованность, энтузиазм,— радовать перестало...

Какие-то собственные беды с нехваткой помещений для репетиций, с бестолковостью бесконечных поисков свободных аудиторий, с горячим до самозабвения желанием сказать непременно новое слово в искусстве театра, отголоски споров с теми, кого можно было бы представить «противниками их новаторств», и с более остроумным, чем справедливым, их изображением; и вдохновенные репетиции все тех же «Ромео и Джульетты»,— короче, все пережитое как-то вошло и отозвалось в недавнем «Не больно?» по повести А. Алексина... Правда, когда из всего этого проистекает в финале смерть главного героя, молодого режиссера, по причинам, от «ретроградов» не зависящим,— от воспаления почки, то, взирая на обтянутый черным крепом обелиск в фойе, слушая прочувствованные траурные речи, в которых туманно определяются «виновные» и звучит призыв с кем-то «объединить усилия», наверное, можно даже и заплакать... Но понять, с кем и против кого необходимо объединиться, трудно.

Смысл обаятельной повести А. Алексина «Действующие лица и исполнители» исказился. Спектакль прозвучал брюзжанием, перечнем недовольств внешними обстоятельствами жизни, которая подсовывает молодым и талантливым то старый тесный зал, то «старые» театральные теории и авторитеты, то фельетонно-избитый персонаж — дядю Васю, пожарника, в качестве непременного члена художественного совета театра!..

Причина невнятности спектакля, названного однажды критиком В. Комиссаржевским «программой и манифестом театра», по-моему, в том, что театр только еще вырабатывает свою программу, свою веру и свою цель; намечает свой подход и к отбору темы и к ее решению. В спектакле же театр поспешил заявить о своих задачах и программе как о чем-то вполне определившемся.

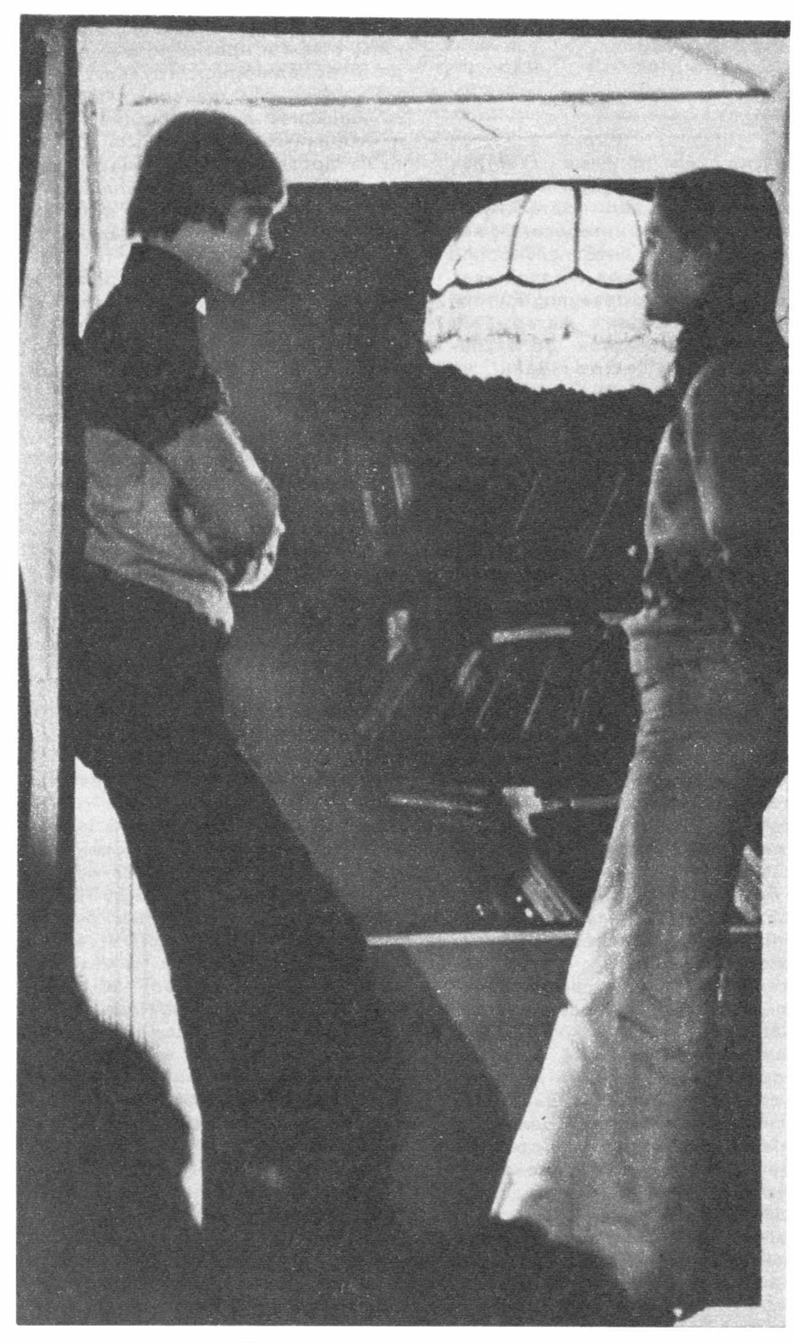
Впрочем, более точное представление о театре складывается непосредственно из ряда спектаклей.

В театре нет рампы. Артисты могут как угодно войти на сцену и выйти; могут опуститься в люк и быть поднятыми к колосникам; могут сидеть почти у ног зрителей или разгуливать между ними; могут даже выйти на улицу и под взглядами зрителей сесть в самый настоящий троллейбус и уехать...

Все это, естественно, не самоцель: театр хочет рождаться из жизни; его спектакли не хотят быть реставрацией жизни, хотят быть ее продолжением. Поэтому, приходя к началу спектакля, зрители застают действие словно уже давно идущим.

Спесивцева волнует сочетание театра и реальности; нахождение соответствия между ними для него равноценно открытию назначения театра в нашей жизни. Но при этом черта между театром и реальностью не забывается режиссером: на этот невидимый, но существующий рубеж указывает активное его преодоление. Игра со считалками, застолье, гулянье — не только жанры спектаклей, а каждый раз новая система определения дистанции между театром и реальностью.

Театр настойчиво ищет и своего героя... Видеть его в молодом лейтенанте Плужникове из спектакля по повести Б. Васильева, в Сантехнике из «Чужого звонка» Е. Марковой или в Режиссере из инсценированной повести А. Алексина вполне допустимо. Но не совсем точно. Герой театра — здесь это человек, одновременно принадлежащий и сцене и залу. Вот он — задолго до начала спектакля — устроился в уголке сочиненного театром городского двора. Бренчит на гитаре, что-то напевает — свое ли, Высоцкого ли, Окуджавы... Перед ним играют дети, рядом стучат в домино. Ситцевые занавески на окнах колышет ветер; зажигаются ранние огни; кто-то встречается, кто-то уезжает. Городской дворик — место детских игр, свиданий, разлук... В спектакле «Аты-баты, шли солдаты» по повести Б. Васильева «В списках не значился» этот двор не раз высветится: двор помнит о мальчишке, шагнувшем в огонь войны. Поэтому театру так важна дистанция, отделяющая события сцены от нынешнего дня. В этой

Сцена из спектакля «Чужой звонок». Фото В. Киселева

памяти — мера нравственности людей, здесь живущих.

В «Аты-баты...» театр не стремится перенести зрителя в военные годы. События предстают памятью: поговорками, считалками, играми детей, песней взрослых... В сочетании примет дальнего и ближнего времени театр ищет выразительные возможности, чтобы сказать о бессмертии подвига. Но не все они внятны...

Время материализуется и превращается — вот едва ли не главный смысл сюжета в «Чужом звонке» Е. Марковой. Время здесь перетекает из прошлого в будущее; из настоящего возвращается вспять; сталкивается... Это — свидетельство одновременного присутствия в душе человека его прошлого и настоящего... Возня малышей во дворике, щебетание девчонок, играющих в «дочки-матери»; шумные школьные будни со своим миром: великодушие, обиды, симпатии... И мир тех детей, которые уже стали взрослыми. Все это будто бы сопрягается... Время не уходит в прошлое, оно остается с человеком; поэтому в спектакле заняты артисты от семилетних до тех, кто перешагнул свое второе десятилетие. Главных героев — историю несостоявшегося их счастья — играют несколько исполнителей: младшие, потом чуть старше, потом еще старше... Театр наглядно представляет плотно спрессованную во времени жизнь человека. Но жизнь вообще предстает в спектакле не столь уж дальним путешествием, и один из «чужих звонков» дается зрителю как напоминание, призыв, мольба: понимать всякий возраст, уважать человека во всякое время его жизни... Разный возраст играют непохожие исполнители: еще одна попытка по-своему говорить о множественности судеб...

В спектаклях актеры часто поют. Но слова и мелодия, кажется, существуют не для того, чтобы договорить недоговоренное. Они хотят заставить зрителя посмотреть на героев не со стороны, а как бы изнутри, их глазами. Мысль о том, что время меняет человека, быт затягивает, а поступок отзывается судьбой,— мысль, в сущности, не новая. Но неожиданность приема сообщает спектаклю некую первозданность... Театр очень лично воспринимает тему взросления. Театру больно, когда люди забывают, что были детьми, и перестают их понимать. Но есть и взрослые, во многом повторяющие себя — свое детство. В «Празднике непослушания» дети чудесным образом (переодевшись) переселились в мир взрослых. А взрослые стали детьми. В «Ромео и Джульетте» исполнители ролей юных влюбленных во втором акте играют своих родителей, а те, в свою очередь, становятся детьми... Тема «отцов и детей» извлекается из трагедии неожиданно. И хотя в споре поколений правда оказывается на стороне юности, театр замечает, что, повзрослев, юность займет по отношению к новому поколению позицию «отцов». Шекспир здесь неожиданно вовлекается в спор мамы с дочкой. С прямым указанием, что мамы всегда сильны, но неправы. Дочки же бесправны, но правда на их стороне...

И эта пропасть — объясняет театр юным зрителям,— будто бы все углубляющаяся и вечная, как сам Шекспир!.. Но не обернулось ли в данном случае прикосновение к трагедии низведением ее до идей удобных и полезных, как сказал бы классик, всего лишь в домашнем обиходе?..

В «Томе Сойере» эти два мира вовсе отчуждены, взаимонепроницаемы. Детей играют юные артисты, а взрослых — куклы. Театр этим приемом резко очерчивает близкую ему тему. Но порой этим ее и ограничивает... Лишь в «Чужом звонке» тема существует на уровне волнующего содержания, в ней ощутимо движение театра от детского максимализма к зрелой объективности. Своеобразный публицистический тон извлекается театром не из темы и сюжета, а рождается как следствие постоянного и острого интереса к выяснению подлинных отношений героя с реальностью.

Силовое поле между героем и зрителем всегда напряженнее, чем внутри спектакля: чем между персонажами пьесы. Герой театра — это некое обобщенное собрание воль, желаний, представлений артистов, их лирическое «я». Поэтому выбор для постановки романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», как и его интерпретация, свидетельствует, что выбор и прочтение осуществлены очень молодыми людьми, которым вообще в жизни нравится определенность: деление людей на борцов, подхалимов, выскочек, болтунов, влюбленных... Жизнь отдельного человека проецируется не больше, не меньше, как на мироздание. И кажется, что достанет сил разрешить все противоречия!.. Наконец, театр волнует сама притча, сама легенда, где взгляд пытливо ищет второй, скрытый смысл... Режиссер изобретательно организовал сценическое пространство; купол казахской юрты на сцене лаконичен и конкретен. Но все это как бы увертюра, говорящая о задумке, о настроении, о побудительных причинах и мотивах постановки, а не о главном. В спектакле молодые люди в костюмах астронавтов что-то темпераментно говорят на фоне большого экрана, более всего стараясь показать, что один — русский, а другой — американец. Почти балетные дивертисменты демонстрируют Манкурт и пришедшая к нему Мать; хорошо поставленной дракой исчерпываются в спектакле сложные отношения, связывающие в романе двух друзей... Сам метод раскрытия сюжета — вновь очень внешний — невольно отбрасывает на спектакль тень равнодушия к внутреннему миру человека. Тень равнодушия! А ведь бой с равнодушием и составляет нравственный пафос романа!..

Скажут: стоит ли упрекать молодость в том, что ей ближе восторг, чем сострадание?.. По-моему, стоит упрекать.

Путешествием актеров в область собственной духовности можно назвать спектакль «Прощание с Матерой» В. Распутина. Легко простить театру неточное знание подробностей сибирского быта, говора, привычек... Режиссер придумал интересную форму спектакля — застолье, как некий вечный пир жизни. Люди сидят за столом, развернутым, как дорога — от края до края, широкой деревянной полосой. На ней уместились дома, столбы с фонарями, постройки, словно увиденные с высоты птичьего полета. Вероятно, такой запомнилась родная деревня всем, кто смотрел на нее с последнего пригорка... Люди за столом — все молодые, и бабки и внуки. По стенам — их же портреты; здесь тоже молодые лица... Постепенно становится ясен прием: свою юность и старость, своих детей и себя самих играют одни и те же актеры. Так решена многовременная вмещенность жизни поколений. Но в итоге стилистика спектакля выглядит уж очень усложненной. Молодые актрисы, избегая конкретности, сразу устремляются к обобщению, и это уже не люди с судьбой, а какие-то символы злобы на новую жизнь, на ее перемены... Старикам Матеры отказано в сложности и противоречивости чувств; театру все ясно там, где нет такой ясности ни у автора повести, ни у ее героев...

И вновь я думаю о театре; о целях, которые близки ему сегодня; о моменте, когда он почувствовал общественный интерес к своему собственному постижению мира. Об удачах и просчетах...

В чем же дело? А не в том ли, что на лице театра все отчетливее проступают черты безмятежной ясности, проступают как способ мироощущения, как стиль жизни. Зрелое и крепкое режиссерское мастерство В. Спесивцева соседствует здесь с недостаточной глубиной актерского исполнения. Неприятие штампов по-прежнему соседствует с «самодеятельностью»; отказ от перевоплощения усвоен актерами как принцип эстетический и этический.

И тогда становится понятно, почему смелость, с которой театр берется за Шекспира, Айтматова, Лескова (на очереди Маркес — «Сто лет одиночества»), не сконфужена догадкой об истинных масштабах этих произведений... Театр удовлетворяется психологической одномерностью своих героев, чуть ступят они на сцену со страниц книг.

Но истинный успех да и собственный рост, взросление студии надежно обеспечит лишь ориентация на серьезный контакт с культурным наследием. С тем, что Станиславский называл «вечным» в театре.

НА СТАРТЕ— ИХТИАНДРЫ

Пловцов-подводников не случайно называют ихтиандрами двадцатого века. Человека с аквалангом и ластами можно встретить не только почти на каждом пляже, но и в составе геологических, археологических и других экспедиций. Побывали аквалангисты в арктических и антарктических водах. Все это говорит о том, что овладеть тайнами голубого континента, отыскать ключ к его кладовым невозможно без человека с аквалангом.

Но, работая под водой, ихтиандры, естественно, хотели знать, кто может проплыть это или иное расстояние быстрее, кто лучше сориентируется в среде, где нет никаких ориентиров, отыщет те или иные ворота, обнаружит нужный предмет. Так зародился подводный спорт. В Советском Союзе первые секции спортсменов-подводников появились в 1956 году, а через два года были проведены всесоюзные соревнования. В 1965 году Федерация подводного спорта СССР стала членом Всемирной конфедерации подводной деятельности. С тех пор наши пловцы-подводники стали участвовать в различных международных соревнованиях, чемпионатах Европы и мира, причем настолько успешно, что все мировые рекорды принадлежат советским спортсменам.

И вот III чемпионат мира по скоростным видам подводного плавания. Он проходил в бассейне спорткомплекса «Олимпийский». Пловцы восемнадцати стран вышли на старт этих состязаний. Любопытно, что о классе спортсменов можно было судить еще до того, как они окажутся в воде. Сильнейшие плавали с моноластой, а пловцы послабее — с двумя ластами.

— Моноласта позволяет достичь большей скорости,— поясняет старший тренер сборной СССР Т. А. Бездомникова,— но она требует очень высокой физической и технической подготовки. Руками пловцы совсем не работают, зато моноласта движется, как хвост дельфина. А если учесть, что спортсмены дышат или через трубку, или сжатым воздухом из акваланга, нетрудно представить, каково им приходится под водой.

Четыре дня кипела вода в олимпийском бассейне, четыре дня боролись команды за звание сильнейшей, а пловцы — за медали. Лидерство с первого дня захватили советские спортсмены. Они не проиграли ни одной дистанции! Тридцать три золотые медали завоевали наши пловцы-подводники и установили шесть мировых рекордов. Самым титулованным стал новосибирский студент Алексей Жуков — у него шесть золотых медалей.

Трудно представить, что всего десять лет назад в бассейн его привели родители... по рекомендации врачей: у Алеши барахлило сердце да и с сосудами не все было в порядке. Теперь Алексей — сильнейший спортсмен мира. Это ли не доказательство оздоровительного влияния занятий подводным плаванием!

Двенадцать пловцов-подводников выступали в составе сборной Советского Союза, двенадцать из ста тысяч занимающихся этим увлекательным видом спорта. Нет сомнений, что успех лучших из лучших будет хорошим стимулом для юношей и девушек, которые захотят поближе познакомиться с голубым континентом. Ведь без ихтиандров сейчас не обойтись.

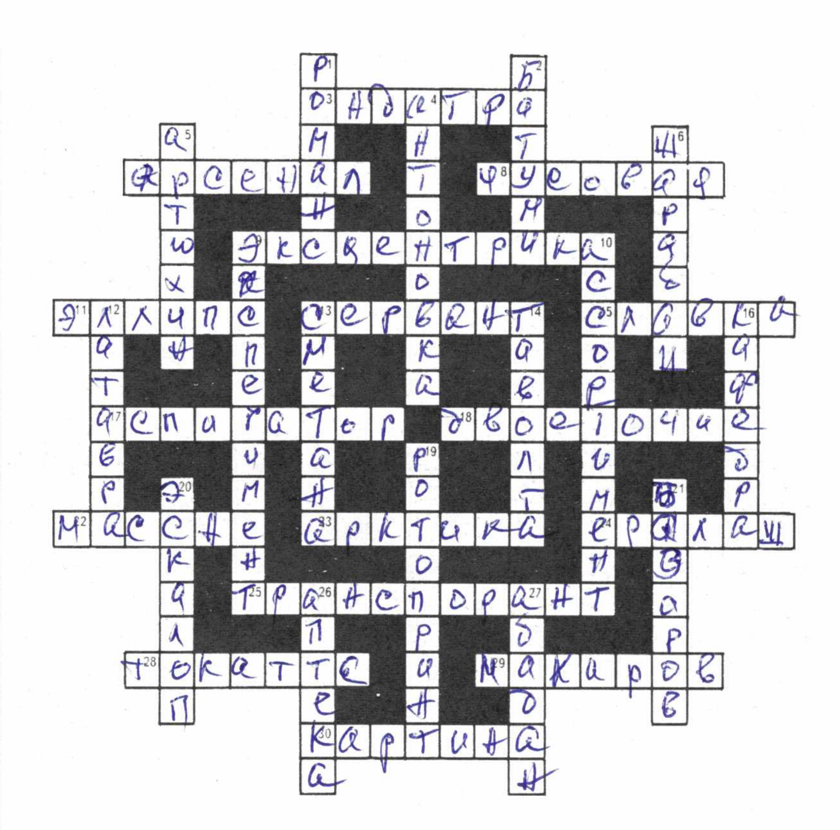
Б. БОРИСОВ
Фото А. БОЧИНИНА

Чемпионка мира на дистанции 100 метров подводного плавания с аквалангом Е. Гойколова.

На дистанции...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Пушной зверек. 7. Опера Г. И. Майбороды. 8. Приток Камы. 9. Комедийное изображение действий персонажа в театре, цирке, на эстраде. 11. Овальная кривая. 13. Низкий буфет. 15. Небольшая певчая птица. 17 . Механическое устройство для отбора проб воздуха или газа. 18. Знак препинания. 22. Французский композитор. 23. Советский атомный ледокол. 24. Рассказ М. Горького. 25. Лозунг или изображение на прозрачном материале. 28. Виртуозная музыкальная пьеса. 29. Русский флотоводец, океанограф. 30. Произведение живописи.

По вертикали: 1. Вокальный жанр. 2. Порт в Грузии. 4. Сорт яблок. 5. Советский космонавт. 6. Одноконный двухколесный экипаж. 9. Научный опыт. 10. Подбор определенных видов и сортов товаров. 12. Опера З. П. Палиашвили. 13. Молочный продукт. 14. Многолетняя трава, медонос. 16. Объединение научно-преподавательского состава в вузе. 19. Малоформатная печатная машина. 20. Мясное блюдо. 21. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 26. Фармацевтическое учреждение. 27. Центр автономной области в РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 4. «Возвращение». 9. Газель. 12. Тракай. 13. Пиренеи. 14. Карбид. 16. Клеман. 17. Балластер. 18. Андромеда. 19. Систематика. 24. Дирижабль. 25. Куприянов. 27. Торцов. 28. Мрамор. 29. Дивизия. 30. Аконит. 32. Призер. 33. «Червоточина».

По вертикали: 1. Конь. 2. Кантеле. 3. Аист. 5. Каравай. 6. Кербель. 7. Палермо. 8. Шаланда. 10. Диалектология. 11. Реконструкция. 15. Достигаев. 16. Каракорум. 20. Сирокко. 21. Гиацинт. 22. Вязание. 23. Королев. 26. Припять. 31. Твен. 32. Пено.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Улыбками и цветами встречают танкистов.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Впереди учебный бой... (См. в номере материал «Броня крепка».)

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

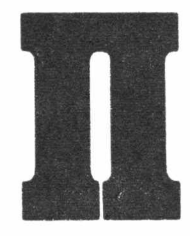
Сдано в набор 23.08.82. Подписано к печати 07.09.82. А 00404. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2077. Заказ № 2917.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Праздник открыт.

З. ХИРЕН
Фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Первый воскресный день сентября 1982 года. На асфальтированном шоссе бывшей Новой Смоленской дороги сотни автомашин, автобусов, пешеходов — больше чем в самые-самые острые мгновения часа «пик» в Москве. Поток устремился на традиционный бородинский праздник. 7 сентября — 170 лет Бородинскому сражению.

В далекое село, стоящее в стороне от железной дороги, широких автострад, устремилось множество людей. Тут не только москвичи. Приехали со многих концов страны. Есть немало зарубежных гостей. Иные прибыли целыми семьями. И это многолюдье с полным основанием можно считать одной из главных черт праздника. Не тысячи, а десятки тысяч людей пожелали посвятить свой день отдыха героям Бородина, воспетым Пушкиным, Лермонтовым, Л. Н. Толстым, Герценом, Жуковским. Пришли на поле народной славы поклониться своим великим предкам.

Немало тут героев боев за Бородино 1941—1942 годов. Они в парадных мундирах, при орденах и медалях. У многих на груди Золотая Звезда Героя Советского Союза. И тут, забегая вперед, заметим, что явились на праздник и прямые потомки героев, чьи имена нам известны со школьной скамьи. Вот только что из «Жигулей» вышла пожилая женщина, которую встречает директор Бородинского заповедника А. Д. Качалова. Глаза добрые и властные, умные и решительные. Лоб, овал лица, посадка головы... Не пройдет и нескольких минут, как мы услышим ее голос — громкий, уверенный, твердый. Она произносит имя своего великого предка, на которого до такой степени похожа, и потом мы слышим слова Михаила Илларионовича Кутузова, сказанные полководцем после Бородинского сражения перед войсками, встретившими его громким «ура!»:

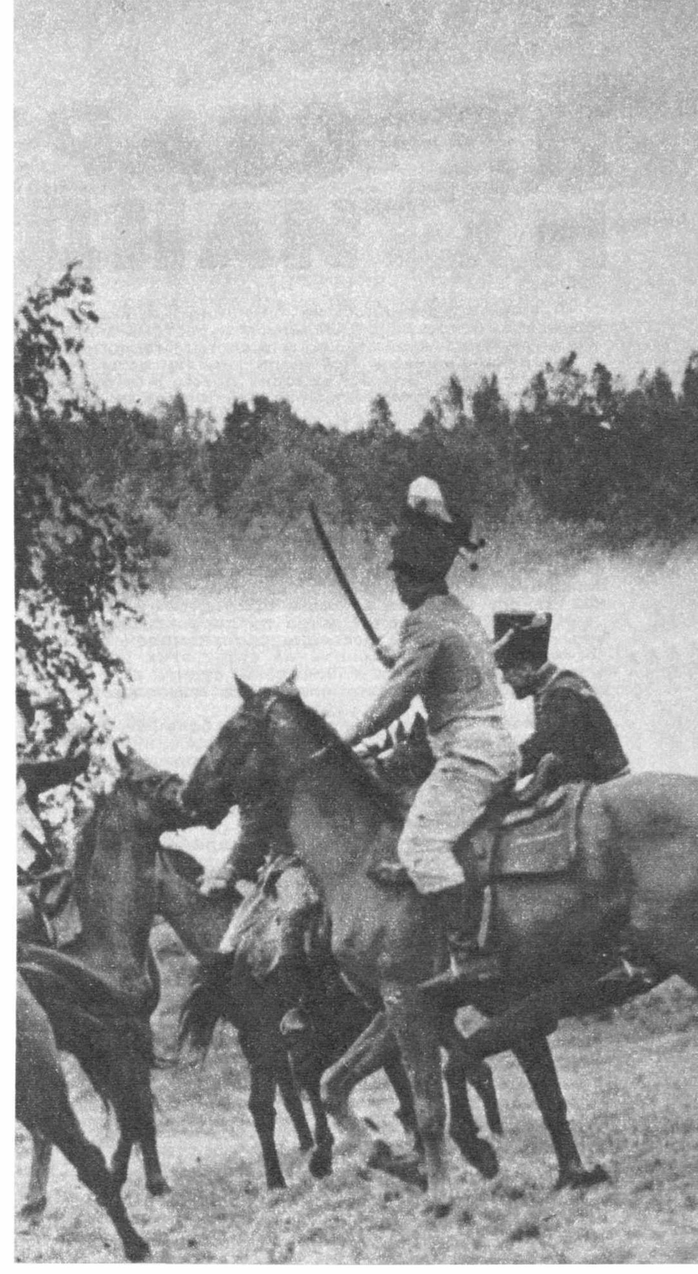
— Не мне, а русскому солдату слава.

Пока Наталья Михайловна Хитрово, правнучка фельдмаршала, говорит, на холмах возле пушек времен 1812 года орудуют длинными банниками воины в гусарских доломанах со стоячими воротниками, в высоких киверах, украшенных султанами. Словом, все обмундирование, как во времена Кутузова.

А незадолго до начала праздника возле входа в музей мы увидели над небольшим столиком плакатик: «Регистрация потомков». К столику подходили люди, чьи предки — герои Бородина. Всех встречал стройный пожилой человек — Владимир Алексеевич Казачков. Уйдя в отставку, он, советский офицер, целиком посвятил себя поиску и изучению судеб потомков героев Бородина. И вот в одном из залов собралось их более семидесяти. И среди них не только убеленные сединами ветераны, прошедшие битвы минувшей войны, а и школьники, которые, как и мы когда-то, с воодушевлением впервые произносят теперь на уроке: «Скажи-ка, дядя...»

Министерство культуры РСФСР, Можайский горком КПСС, исполком Можайского горсовета, государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник немало потрудились, чтобы праздник, посвященный 170-летию Бородинского сражения, надолго остался в памяти гостей.

На холмах и полянах было дано представление. Саперные и кавалерийские части Советской Армии воскресили перед собравшимися картины битвы за Бородино. Не умолкала стрельба, одна за другой взвивались в небо ракеты. Страна отмечала бородинскую годовщину.

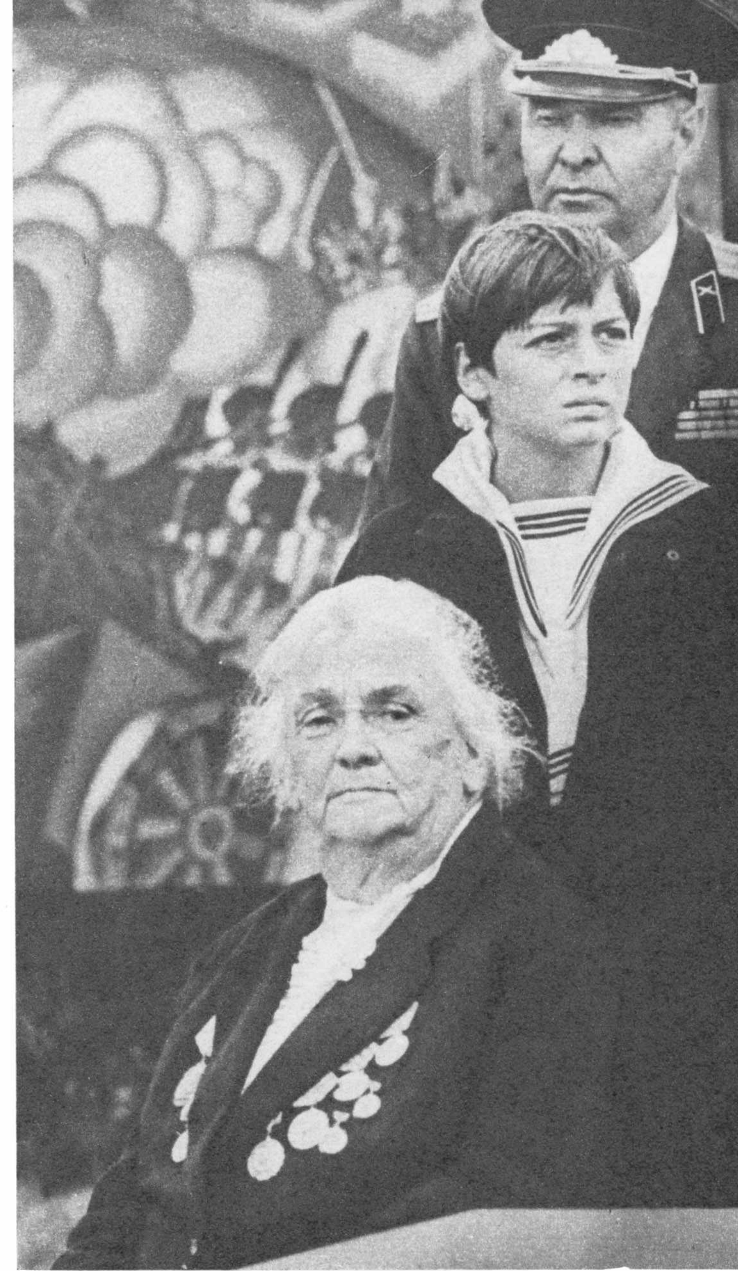
И грянул бой.

БОРОДИ

Как при Кутузове...

Наталья Михайловна Хитрово, правнучка Кутузова.

НСКАЯ ГОДОВЩИНА

Воины Советской Армии на празднике.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663